

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИИ
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ



**ПАМЯТНИКИ
ПИСЬМЕННОСТИ
ВОСТОКА**

LXXVI

**ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**

БАЙ ЮЙ ЦЗИН (СУТРА СТА ПРИТЧ)

ПЕРЕВОД С КИТАЙСКОГО
И КОММЕНТАРИЙ И. С. ГУРЕВИЧ
ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ
Л. Н. МЕНЬШИКОВА

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ
"ПАМЯТНИКИ ПИСЬМЕННОСТИ ВОСТОКА"

О.Ф.Акимущкин, А.Н.Болдтрев, Г.М.Бонгард-Левин (зам. председателя), *И.С.Брагинский, Г.Ф.Гирс* (зам. председателя), *В.Н.Горегляд, П.А.Грязневич, Д.В.Деоптик, И.М.Дьяконов, Г.А.Зограф, Дж.В.Каграманов, У.И.Каримов, А.Н.Кононов* (председатель), *Е.И.Кичанов, Л.Н.Меньшиков, Е.П.Метревели, Э.Н.Темкин* (отв. секретарь), *С.С.Цельникер, К.Н.Юзбашян*

Ответственный редактор
Л.Н.МЕНЬШИКОВ

Б18 БАЙ ЮЙ ЦЗИН (СУТРА СТА ПРИТЧ). Пер. с кит. и коммент. И.С.Гуревич. Вступит. статья Л.Н.Меньшикова. Стихи в переводе Л.Н.Меньшикова. /Отв. ред. Л.Н.Меньшиков/. М., Главная редакция восточной литературы издательства "Наука", 1986.

128 с. ("Памятники письменности Востока". LXXVI).

Первый полный комментированный перевод популярного в Китае сочинения V в. — собрания сюжетных рассказов индийского происхождения, в санскритском подлиннике не сохранившихся и имеющих только в китайском переводе и обработке.

Сопровождается подробной вступительной статьей.

Б $\frac{4703000000-038}{013(02) - 86}$ 89-85

ББК 84.35

Список книг серий "Памятники литературы народов Востока" и "Памятники письменности Востока", вышедших в свет в 1959-1985 гг., опубликован в каталоге серийных изданий, выпущенном Главной редакцией восточной литературы издательства "Наука" в 1986 г. Ниже приводятся книги серии, готовящиеся к изданию.

"ПАМЯТНИКИ ПИСЬМЕННОСТИ ВОСТОКА"

- XXXII, 4. Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи). Т.4. Пер. с китайского, предисловие и комментарий Р.В.Вяткина.
- XXXII, 5. Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи). Т.5. Пер. с китайского, предисловие и комментарий Р.В.Вяткина.
- LXI. Мела Махмуд Байазиди. Таварих-и кадим-и Курдистан ("Древняя история Курдистана"). Т.1. Факсимиле рукописи. Издание текста, предисловие и указатели К.К.Курдоева и Ж.С.Мусазлян.
- LXXVII. Григор Нарекаци. Книга скорбных песнопений. Пер. с древнеармянского и комментарий М.О.Дарбинян-Меликян и Л.А.Ханларян. Вступительная статья С.С.Аверинцева.
- LXXVIII. Книга деяний Ардашира, сына Папака. Транскрипция текста, пер. со среднеперсидского, комментарий и введение О.Ю.Чунаковой.
- LXXIX. Мабда-и канун-и йеничери оджагы тарихи (История возникновения законов янычарского корпуса). Факсимиле рукописи. Издание текста, пер. с турецкого, комментарий и введение И.Е.Петросян.
- LXXX. Махабхарата. Книга 3. Лесная (Араньякапарва). Пер. с санскрита, комментарий и предисловие Я.В.Василькова и С.Л.Невелевой.

СОДЕРЖАНИЕ

Л.Н.Меньшиков. Буддийские притчи в китайской литературе . . .	7
Сутра ста притч. Перевод	51
Цзюань первая	52
Цзюань вторая	83
Комментарий	113
Summary	127

БУДДИЙСКИЕ ПРИТЧИ В КИТАЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

1. О БУДДИЙСКИХ ПРИТЧАХ

Предлагаемый перевод "Сутры ста притч" (*Бай юй цзин*, 百喻經) знакомит русского читателя с весьма своеобразным памятником китайской литературы. По давней традиции эта книга входит в свод буддийских сочинений на китайском языке *Да цзан цзин* 大藏經, или в китайскую Трипитаку¹, в раздел *Бэньхэнь* (本緣, "Первопричины", от санскритского *jāta*ka — "джатака"). Так называются в буддизме рассказы о предыдущих перерождениях Будды и других святых. Отдельные джатаки обычно связываются между собой с помощью причинной связи: состояние, которого достигает человек или иное существо в новом перерождении, обусловлено его благими или злыми делами (кармой) в перерождении предыдущем.

Однако не все произведения раздела *Бэньхэнь* могут быть названы джатаками. Сюда же входят легенды и притчи, объединяемые под названием "авадана" (*avadāna*), или по-китайски *тайи* 譬喻 "уподобления", из которых нас здесь будут интересовать только краткие "уподобления", т.е. собственно притчи². Как правило, аваданы, в том числе и притчи, отдельными произведениями не являются. Это скорее один из приемов, употребляемых при рассказывании

¹ В Китае имеется несколько старинных изданий всего свода, наиболее раннее относится к 1239 г. Мы пользуемся японским изданием *Да цзан цзин*, наиболее полным по составу и надежным в смысле учета всех вариантов входящих в свод текстов. Оно носит название 大正新修大藏經 (Заново составленная Трипитака годов Тайсё. Т. I-LXXXV. Токио, 1924-1929). "Сутра ста притч" входит в т. IV "Трипитаки Тайсё", № 209, с. 534-557.

² Притчи противопоставляются обширным аваданам-преданиям; примером такой аваданы является текст, опубликованный в книге: *Вонгард-Левин Г. М., Волкова О. Ф.* Легенда о Кунале (*Kunālāvadāna* из неопубликованной рукописи *Aśokāvadānamālā*). М., 1963.

сутр. Связан этот прием с понятием "средства" (方便, санскр. upāya). В сутрах, в том числе и особенно в самой популярной из них — "Сутре о лотосе сокровенного закона" (妙法蓮華經, Saddharma-puṇḍarīka-sūtra)³, неоднократно говорится об опасности излагать для непосвященных сокровенный закон учения Будды непосредственно и во всей его глубине. неподготовленный человек может испугаться, даже отвратиться от истинного пути, в положениях своих несходного с привычными представлениями этого мира. Поэтому лучше действовать исподволь, с помощью особых средств, одним из которых и является рассказывание притч, где сложное и непривычное понятие уподоблено привычным житейским вещам. Одна из притч "Сутры о лотосе сокровенного закона", чаще кратко называемой "Лotosовой сутрой" (цзюань 2), которую мы вследствие ее обширности приведем только в кратком изложении, служит хорошим примером таких рассказов и в то же время иллюстрирует, как с помощью притчи объясняется само понятие "средства". Условно эту притчу (в подлиннике названия не имеющую) обычно называют "Притчей о сыне-бедняке".

У одного богача был блудный сын, живший в бедности и добывавший себе пропитание собственным трудом. Долгие годы отец повсюду его разыскивал, но безуспешно. Однажды сын-бедняк неожиданно столкнулся с отцом, испугался роскоши богатого подворья не узанного им родителя и пустился наутек. Тогда отец велел догнать его и дал сыну привычную для отца самую черную работу. И только после ряда постепенных повышений, после того как сын по своему положению приблизился к отцу, богач открыл своему отпрыску, кто он такой, и назначил его своим наследником. В заключение этой истории ученики Будды уподобляют самих себя блудным сыновьям, а Будду — отцу, который постепенно, шаг за шагом, с применением приемов "средств" приводит своих духовных сыновей на путь истины⁴.

Как и обычно в буддийских сочинениях, приведенная притча есть лишь "средство", употребленное в более обширном повествовании, и как самостоятельное произведение рассматриваться не может. Отдельным литературным жанром притчи еще не стали, хотя, конечно, возможность их выделения в таковой не была исключена.

Однако в том же разделе китайской Трипитаки — *Бэньюань* — есть произведения особого рода, именуемые "сутры

³ Трипитака Тайсё, IX, № 262. Перевод Кумараживы (鳩摩羅

什, Kumārajīva, 344-413 гг.).

⁴ Там же, с. 16-17.

притч" (тихойзин, 譬喻經, avadāna-sūtra), где явно намечается тенденция к обособлению притч в отдельный разряд литературы. Таких произведений в Трипитаке совсем немного: кроме "Сутры ста притч" имеется еще пять сутр этого рода. Все они невелики по объему — не превышают двух цзюаней, т.е., в древнем китайском исчислении, двух свитков⁵.

Есть основания думать, что сутры притч, или авада-на-сутры, были созданы сравнительно поздно. Если другие сутры анонимны и имена составителей их нам неизвестны, то имена авторов или составителей авада-на-сутр дошли до нас в трех из шести случаев. Это значит, что переводчики знали эти имена и что жизнь их носителей не была отделена от времени перевода слишком большим интервалом. Характерна еще одна особенность: при указании имени автора, располагающегося, по китайскому обычаю, сразу после заглавия, в сутрах притч употребляется не глагол "создал" (造), как мы это видим в других буддийских сочинениях, создатели которых известны, например в шастрах; вместо него мы обнаруживаем в авада-на-сутрах другой глагол — "собрал" (集), что, несомненно, указывает на компиляторскую деятельность и на то, что переводчики об этом знали. Об этом свидетельствуют и скудные биографические сведения, дошедшие до нас. Но сначала перечислим и кратко охарактеризуем интересные нас сочинения.

Первое собрание буддийских притч, имеющееся в китайском переводе, относится ко II в. н.э., составитель его неизвестен, перевод же выполнил Чжи Лоуцзячань (支婁迦讖) из племени Юэчжи⁶. Сочинение, включающее 12 притч, называется "Сутра разных притч" (雜譬喻經) или "Новая сутра притч" (新譬喻經). Поскольку в источниках нет указаний на более старую сутру притч (сочинение под

⁵ Там же, IV, 499-542, № 204-208. — Впрочем, стандартная длина свитка в разные периоды менялась. Примером может служить та же "Сутра ста притч", которая в самых старых каталогах обозначена как имеющая десять свитков (цзюаней), а в нынешнем стандартном издании состоит из четырех свитков. Значит, длина свитка к XI в. (когда были отпечатаны первые стандартные издания) увеличилась в 2 и более раза.

⁶ Напомним, что имена буддийских монахов в Китае, выходцев из западных по отношению к этой стране земель, нередко включают в себя сокращенное наименование их родины или племени, из которого они происходят. В Китае эти компоненты воспринимались как фамильные знаки, и они дали начало некоторым китайским фамилиям. Таковы ны-

названием "Старая сутра притч" переведено в III в. и в счет приниматься не может), "новая" она, по-видимому, только потому, что была составлена непосредственно перед ее переводом, если слово "новый" вообще не ошибка⁷.

Вторая авадана-сутра носит то же заглавие: "Сутра разных притч". У нее тоже есть вариант названия: "Сутра о том, как бодхисаттвы приводят людей к истине" (菩薩度人經). Включает она 32 притчи. Переводчик ее неизвестен, мы знаем только, что он был современником Чжи Лоуцзячяня⁸.

Третье произведение этого рода "Старая сутра разных притч" (舊雜譬喻經) была переведена в третьей четверти III в. В ней 61 притча, переводчик — Кан Сэн-хуэй (康僧會)⁹.

Четвертая книга, также носящая название "Сутра разных притч", составлена из 39 притч. Возможно, именно по отношению к ней сочинение, переведенное Кан Сэн-хуэем, является "старой" одноименной сутрой. Составлена она человеком по имени Дао-люэ (道略)¹⁰. Поскольку перевод-

нешние фамилии Ань (от Аньси 安息, или Арсак, одного из названий Парфии), Чжи (от Юэчжи 月支), Кан (от Канцзюй, или Кангюй 康居), Чжу (от древнекитайского названия Индии Тяньчжу 天竺).

Чжи Лоуцзячянь был, таким образом, родом из Юэчжи. Нандзё Бунью полагает, что его санскритское имя было Локаракша. Прибыв в Китай в середине II в., он переводил произведения Трипитаки до 186 г. Из 23 его переводов сохранилось 12 (см.: *Nanjio Vinaya. Catalogue of the Chinese Translations of the Buddhist Tripitaka. Oxf., 1883, стб.380-381.* Далее — Nanjio).

⁷ Трипитака Тайсё, IV, № 204. — Не исключена возможность, что иероглиф "новый" во втором варианте заглавия есть просто смешение скорописного начертания знаков "разный" и "новый", допущенное при переписке. Тогда остается только первый вариант заглавия.

⁸ Там же, № 205.

⁹ Там же, № 206. — Кан Сэн-хуэй из племени Канцзюй родился в Индии. В Китай прибыл в 241 г. (по другим источникам, в 247 г.). Возле города Цзянье (нынешний Нанкин) он основал монастырь Цзяньчусы (建初寺). Переводами занимался с 251 г. до самой смерти в 280 г. Разные источники называют от семи до четырнадцати его переводов, до нашего времени дошло два. См.: Nanjio, стб.390.

¹⁰ Там же, № 207. — О составителе нет никаких исторических сведений. Поскольку его имя в другом случае упоминается рядом с Кумарадживой, можно думать, что даты их деятельности недалеко отстоят друг от друга.

чик не указан и нет даже обычной пометы: "Переводчик неизвестен", можно думать, что сочинение скомпилировано из притч, выбранных из ранее переведенных на китайский язык произведений. Составление сутры относится к 405 г.

Наконец, пятая книга этого рода, где представлены 44 притчи, составлена тем же самым Дао-люэ, а переведена на китайский язык Кумарадживой (надо полагать, что Дао-люэ отобрал притчи из переводов Кумарадживы и составил из них свод, — видимо, он был современником Кумарадживы). Сутра именуется "Разные притчи, собранные по

всем сутрам" (象經撰雜譬喻)¹¹. Обратим внимание, что "собрал", а не "создал" говорится в колофонах именно про Дао-люэ. Творчество этого автора свидетельствует о том, что перед нами (и можно считать, что во всех случаях, разбираемых здесь) сравнительно поздние компиляции и что некоторые из собраний притч, кроме того, составлены непосредственно в Китае на потребу китайского читателя.

Для того чтобы яснее представить себе характер притч, входящих в сочинения рассматриваемой группы, приведем некоторые из них в переводе. Притчи взяты наудачу из "Сутры разных притч" Дао-люэ.

"Некогда, во время Кашьяпа-будды, жили два брата. Оба ушли от мира и стали шраманами. Старший брат строго придерживался обетов и предавался самосозерцанию. Он всеми силами искал истинный Путь, но не любил раздавать подаяние. Младший же, наоборот, совершенствовал свою счастливую судьбу (карму) раздачей подаяния, но находил удовольствие в нарушении обетов. Когда Шакьямуни появился в этом мире, старший брат вслед за Буддой ушел от мирских дел, совершенствовался на Пути истины и стал архатом. Однако он по несовершенству своего счастья всегда страдал от недостатка одежды и пищи и вместе с товарищами бродил в поисках подаяния, а потом возвращался, так и не насытившись. Младший же из братьев переродился в слона, как слон был очень силен и мог уничтожить любых врагов. Царь той страны любил его, украшал подвесками из золота, серебра и драгоценностей и еще пожаловал его сотнями селений, которые должны были поставлять все, чего этот слон пожелает.

В это время старший брат из-за сильных недородов, случившихся в мире, бродил в поисках подаяния семь дней, но ничего не собрал. В конце концов ему удалось добыть немного грубой пищи, только чтобы остаться в живых. А он уже знал, что этот слон в прежнем рождении был его братом, и пошел его навестить. Взяв слона рукой за ухо, он сказал:

- Мы с тобой оба грешники.

Слон, поразмыслив над словами бхикшу, познал свою прежнюю судьбу (карму), узрел причины в предыдущем перерожде-

¹¹ Там же, № 208.

нии. Он затосковал, не пил и не ел. Погонщик перепугался, пошел и сказал царю:

- Слон перестал пить и есть, не знаю, в чем дело.

Царь спросил погонщика, не беспокоил ли кто-нибудь слона. Тот ответил царю:

- Никого чужого не было, я заметил только одного шрамана. Он подошел к слону и тут же пошел прочь.

Царь послал людей на четыре стороны разыскивать этого шрамана, и один из них, разыскав того в лесу, представил пред лицо царя. Царь спросил шрамана:

- Что ты говорил, стоя возле моего слона?

Тот ответил царю:

- Сказал я совсем немного, только поведал слону, что я и он — оба грешники.

И тогда шрамана рассказал царю все, что было причинами в предыдущем перерождении. Царь все понял и позволил этому шрамане возвратиться туда, где он жил¹².

Эта притча, или авадана, производит впечатление отрывка, извлеченного из более обширного повествования. В ней отсутствует привычное для притч в буддийских сочинениях резюме, где рассказчик (Будда Шакьямуни или кто-либо из его учеников) объясняет собравшимся, какое положение учения Будды может быть понято с помощью данного рассказа. В то же время самостоятельные сутры или другие сочинения буддийского канона имеют вступление, в котором сообщается, где, когда, кто поведал эту историю, кто ее слушал и кто пересказал после кончины Будды Шакьямуни. Всего этого в нашей притче нет, и потому по нормам буддийской литературы она не может считаться отдельным, самостоятельным сочинением; то же характерно и для остальных притч во всех перечисленных выше собраниях. Следующая притча в "Сутре разных притч" выглядит так.

"Некогда жил актер, умевший устраивать представления всякого рода. У одного богатого домохозяина он попросил вола. Домохозяин и в мыслях не имел выполнить его просьбу и потому сказал ему так:

- Если ты сможешь столь же старательно продолжать свои представления днем и ночью без отдыха в течение целого года, я отдам тебе вола.

Актер ответил, что сможет, но, в свою очередь, спросил, сумеет ли хозяин все это время слушать. Тот также ответил, что сумеет. Когда актер все это услышал, сердце его прямо возликовало. Три дня и три ночи он не выказывал никакой усталости, и домохозяину надоело наконец его слушать. Он велел домохозяину вывести вола и отдать актеру.

12

Притча 3 в указанной сутре. *Нашьята-будда* — будда, приход которого предшествовал приходу Шакьямуни. *Шрамана* — общее название членов буддийской общины монахов-мужчин. *Василису* — странствующий монах, просящий подаяние. Эту и следующие притчи см.: Трипитака Тайсё, IV, 532 и сл.

Уподобим это вот чему: при вступлении на Путь истины люди сами творят свою счастливую судьбу (карму), и не надо считать число необходимых для этого калп слишком долгим сроком. Чем усерднее усилия, тем скорее будет воздаяние, не всегда необходимо пройти несколько калп".

В этой притче есть вывод, резюме, но скорее успокаивающего, чем наставляющего, свойства. Буддийское учение предусматривает достижение истины в течение длинного ряда перерождений и калп (калпа — срок, проходящий от зарождения до уничтожения одного из бесчисленных во времени и пространстве миров). Такой срок рядовому человеку, естественно, может показаться чересчур долгим. Резюме как бы обещает ему, что, будь он только усерден, и этот необозримый срок может значительно сократиться. Данная притча, как и предыдущая, производит впечатление извлеченной из какого-то более обширного сочинения и снабженной моралью, учитывающей запросы рядовых последователей буддизма. Приведем еще одну притчу.

"Некогда один бхикшу был изгнан [из общины] и пошел прочь, сетуя, вздыхая и стеля. По дороге он повстречал демона, который тоже был изгнан небесным царем Вайшраманой за нарушение закона. Тут демон спросил у бхикшу:

- Из-за чего ты бредешь здесь, стеля?

Бхикшу отвечал:

- Я нарушил монашеские правила, и монахи общины изгнали меня. Теперь я лишился всех даров и подношений, и недобрая слава распространяется обо мне повсюду. Вот почему я горю и лью слезы.

Демон заявил бхикшу:

- Я могу помочь тебе уничтожить дурную славу и получить богатые подношения. Ты должен немедленно встать на мое левое плечо, а я вознесу тебя на воздух. Люди увидят лишь тебя, а я останусь невидимым. Но ты, если получишь богатые подношения, первому дашь их мне.

И вот на плече демона бхикшу стал передвигаться в воздухе над тем самым селением, откуда раньше был изгнан. Тогда люди в селении, пораженные, решили, что он достиг истинного Пути, и стали говорить друг другу:

- Монахи нашей общины — невежи, они изгнали человека, достигшего Пути истины!

И жители селения тут же отправились в эту обитель и отругали монахов, а потом пригласили нашего бхикшу поселиться в обители и принесли ему богатые подношения. Этот бхикшу полученные одежду, пищу и другие предметы прежде всего преподнес демону, не нарушив соглашения. На следующий день демон снова стал передвигаться в воздухе с бхикшу на плече. Но тут перед ним предстал служитель небесного царя Вайшрама. Увидев его, демон чрезвычайно перепугался, скинул с себя бхикшу и что было силы пустился наутек. Бхикшу же упал на землю и разбился вдребезги.

Уподобим это вот чему: идущий по Пути истины должен сам осуществлять свое движение, не полагаясь на богатых и сильных. Иначе он в один прекрасный день будет низвергнут совсем так же, как тот бхикшу".

Ничего, кроме сказанного уже о первой и особенно второй притче, мы здесь добавить не можем. Поскольку выводы начинают повторяться, мы оставим дальнейшие примеры. Становится ясным, что главной задачей составителя было отобрать сами притчи. Что же касается морализующих концовок, то они или вовсе отсутствуют (как в первой из приведенных притч), или весьма кратки, примитивны и на какие-то глубокие обобщения не претендуют. В этом отношении они радикально отличаются от притч, входящих в состав больших произведений, хотя бы в ту же самую, упоминавшуюся выше — "Сутру о лотосе сокровенного закона". Ранее мы видели, что в этой сутре иллюстрируется понятие "средства". Ознакомимся с полным текстом еще одной небольшой притчи из той же сутры; притча эта условно может быть названа "Притча о спрятанном жемчуге"¹³.

"Некто пришел в дом близкого друга и лег там, напившись допьяна. А в это время его близкий друг должен был уйти по своим служебным делам. Он прикрепил этому человеку к подкладке одежды в подарок жемчуг, не имеющий цены, и ушел. А этот человек лежал упившись, ничего не чувствовал и ничего не понимал. Когда же поднялся, то направился в чужую страну, добывал одежду и пищу тяжким трудом и очень нуждался. Если ему удавалось добыть малое, он уже считал себя удовлетворенным. Впоследствии случилось, что друг повстречал его и сказал ему так:

- Эй, достойный муж! Почему ты терпишь такие муки ради одежды и пищи? Я уже давно, желая тебе спокойствия и удовлетворения пяти желаний, в такой-то год, луну и день, прикрепил тебе к подкладке бесценный жемчуг, он и сейчас по-прежнему на том же месте, но ты, не зная об этом, трудишься и страдаешь, чтобы обеспечить свое существование. Это очень глупо! Ныне ты можешь обменять эту драгоценность на все, что тебе угодно, и всегда иметь все, что пожелаешь, ни в чем не испытывая недостатка.

Будда совершенно так же беспрестанно нас наставляет, чтобы мы возымели помыслы, мудрые во всем, и стремились отбросить прочь все несправедливое. А мы не знаем этого, не понимаем этого и, едва достигнем пути архата, уже называем себя перешедшими в уничтожение. Трудясь, мы живем в нужде и малое считаем для себя достаточным, хотя желания, мудрые во всем, мы все еще не утратили. Ныне же Превосходнейший в Мире надоумил нас следующими словами:

- О бхикшу! То, что вы обрели, не есть еще окончательное уничтожение. Я давно уже привел вас к тому, что вы

посеяли семена корней добра будды, и с помощью "средства" показал вам облик нирваны. Но вы решили, что и в самом деле обрели записи ануттарасамьяксамбодхи (полное просветление, выше которого ничего нет. — Л.М.). И по этой-то причине ликуете, получив то, чего раньше никогда не имели".

Этот пример наглядно показывает, как в "Сутре о лотосе сокровенного закона" употребляются притчи для иллюстрации положений, которые в чистом виде не так-то легко усвоить. В приведенной притче таким положением является тезис о том, что все, принимаемое нами за достижения, на самом деле ничто по сравнению с требуемым для наивысшего просветления (ануттарасамьяксамбодхи). Подобно этому герой притчи радуется малому, добытому в трудах, не ведая о спрятанном у него жемчуге. По этой, а также по приведенной выше в кратком изложении "Притче о сыне-бедняке" можно представить себе разницу между оформлением и изложением притч в сутрах разбираемого нами разряда и в иных сутрах, включающих притчи как часть обширного повествования. Не говоря уже о размерах (в той же "Лотосовой сутре" есть притчи, занимающие целую главу), пояснения к притчам в составе других сутр весьма обширны и нередко значительно превосходят саму притчу. Другая картина в авадана-сутрах. Там притчи невелики по объему, и если имеют дидактическую концовку, то сравнительно простую по построению и по выраженным в ней наставлениям. Мы сейчас оставляем в стороне вопрос о том, какой вид притч первичен и какой — вторичен. Сам собой напрашивается ответ: простое предшествует сложному; на самом деле вопрос не решается так однозначно.

Мы уже обращали внимание на то, что собрания притч Дао-люэ были составлены в Китае. И если подавляющее большинство буддийских канонических сочинений оформилось за пределами этой страны и лишь потом они были переведены, то здесь дело обстоит несколько иначе. Сами притчи — несомненно, плод иноземной традиции, но имеющиеся своды притч были составлены или в самом Китае, или за пределами его, но явно с учетом развития китайской литературы того времени. Иными словами, если сутры этого рода и ввезены, то составители их явно ориентировались на китайские вкусы того времени и компилировали эти сочинения в расчете на тогдашнюю китайскую публику. Этому последнему положению есть и фактические подтверждения, но слишком сложные, чтобы подробно рассматривать их на страницах настоящей статьи.

Тот период, когда в Китае появлялись сутры притч, т.е. II-V вв., был временем широкого распространения в стране сборников коротких рассказов (сяшо, 小説), наиболее известный из которых — "Поиски духов" (搜神記) — был составлен в первой половине IV в. Гань Бао (干寶).

Рассказы эти излагают небольшие сюжеты фантастического или позже бытового характера и, как правило, не включают морализующего элемента. Их появление и широкое распространение знаменуют собой тот факт, что в повествовательной прозе этого периода впервые в истории китайской литературы проявляется интерес к сюжету, как таковому, независимо от того, можно ли из данного рассказа вывести некие полезные поучения или нет. Ранее сюжетное повествование, басня, притча, исторический эпизод и т.п. не имели самостоятельного значения и использовались как иллюстрация к философским положениям, как наставляющий потомков исторический прецедент, как повод для морального поучения¹⁴. Ту же самую тенденцию к выделению сюжета, как имеющего самостоятельное значение литературного явления, мы наблюдаем и в появившихся в это время буддийских сочинениях — книгах притч. Сохранение в них более сильного дидактического оттенка, нежели в светских сборниках коротких рассказов, неудивительно для сборников буддийского толка. Удивительным может показаться другое: столь малый и столь упрощенный наставляющий и морализующий элемент, в них заключенный.

Сравнение с параллельно развивающимися явлениями оригинальной китайской литературы показывает, что в буддийской литературе, прямо или опосредованно восходящей к индийским образцам (в том числе и тогда, когда сводные сутры притч составлены в Китае, но на материале иноземного происхождения), наблюдаются те же процессы. Поскольку в самом выборе переводов и в особенностях подхода к переводимому материалу всегда сказываются вкусы и тенденции эпохи, поскольку переводы являются фактом той словесности, на язык которой переведено произведение (кому придет в голову изучать, например, Гомера по русским переводам, но переводы Гнедича и Жуковского составляют несомненную, важную даже часть русской литературы), поскольку для передачи особенностей оригинала приходится изобретать средства в языке перевода — по всем этим причинам мы вправе рассматривать сутры притч как имею-

¹⁴

О сюжетной прозе этого времени см. в нашей статье "Сюжетная проза периода Лю-чао" (в печати). Опубликованы следующие переводы на русский язык, дающие о рассказах этого периода достаточное представление: Восточная новелла. Сост. З.Н.Ворожейкина, О.Л.Фишман. М., 1963; Волшебное зеркало. Дотанские новеллы. Пер. с кит. А.Тишкова и В.Панасюка. Сост. и предисл. А.Тишкова. М., 1963; Классическая проза Дальнего Востока. М., 1975 (Библиотека всемирной литературы). См. также вступительные статьи к этим сборникам О.Л.Фишман, А.А.Тишкова, Б.Л.Рифтина. Наиболее подробно история развития короткого рассказа *сяошо* в период Лю-чао (III-VI вв.) изложена в кн.: *Голыгина К.И.* Китайская проза на пороге средневековья (Мифологический рассказ III-VI вв. и проблема генезиса сюжетного повествования). М., 1983.

шие значение для развития китайской литературы прежде всего, как произведения этой литературы, и никакой иной. Не меняет дела и тот факт, что притчи китайских аваданасутр не сохранились в санскритском (или каком-то ином) оригинале. Для изучения этой исходной литературы мы — хотя бы мысленно — должны прибегать к реконструкциям или допущениям, что имеющийся перевод правильно отражает облик исходного литературного произведения. По изложенным причинам мы рассматриваем сутры притч на фоне китайской литературной действительности того времени.

Взаимовлияние собственно китайской и переводной сюжетной прозы можно расценивать двояко: считать, что перевод буддийских притч вызвал к жизни короткие рассказы этого периода, или же наоборот, что притчи, собранные в сборниках, отразили уже сложившиеся в Китае традиции составления сводов коротких рассказов. Факты истории китайской литературы показывают, что первые сборники коротких рассказов начали появляться в Китае в I в. н.э. Первая же сутра притч была переведена (и, может быть, составлена), как мы уже знаем, в конце II в. Если бы буддийские притчи послужили образцом для китайского короткого рассказа, то в этом последнем непременно наблюдалось бы тяготение к морализации и, может быть, к морализации буддийского толка — и уж во всяком случае, в сборниках рассказов попадались бы вкрапления буддийского материала. Между тем мы наблюдаем как раз обратное: со временем уменьшается дидактичность притч и они по своему облику становятся ближе к собственно китайскому рассказу. Наибольшая близость обнаруживается в тех случаях, когда можно утверждать, что до своего окончательного оформления книга притч определенное время обращалась на китайской почве (к этому вопросу мы еще вернемся ниже). Нет также в ранних сборниках рассказов (вплоть до V в.) и сюжетов, которые с уверенностью можно было бы квалифицировать как буддийские. Наконец, есть сборники буддийских притч, составленные в самом Китае, а значит, с расчетом на вкусы китайских читателей или слушателей. Все это убеждает нас, что именно буддийская литература этого рода при своем появлении в Китае следовала за китайской, а не наоборот. Все сказанное отнюдь не исключает роль буддийских сюжетов и литературных форм для последующего развития китайской литературы: она, эта роль, как достаточно хорошо известно, была весьма значительной и определила многое во всех слоях китайской словесности¹⁵.

¹⁵

В литературоведческом плане эти вопросы подробно рассмотрены в следующих публикациях автора настоящей статьи: Китайские рукописи из Дуньхуана. Памятники буддийской литературы сувэньсюэ. Изд. текстов и предисл. Л.Н.Меньшикова. М., 1963 (Памятники литературы

2. ОБ ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ "СУТРЫ СТА ПРИТЧ"

Поскольку "Сутра ста притч" есть предмет нашей публикации, а также потому, что она переведена на китайский после всех других сочинений этого класса, теперь, когда выяснен круг сочинений, к которому она относится, мы можем перейти к разбору этого произведения.

Об истории создания "Сутры ста притч" известно более, чем об остальных сочинениях этого рода. Сведения о ней мы обнаруживаем в двух библиографических сводах, написанных почти одновременно с ее переводом на китайский язык, выполненным Гунавриддхи. Первый источник — это каталог буддийских сочинений на китайском языке "Собрание сведений о переводах Трипитаки" (出三藏記集, далее — "Собрание сведений"). Каталог составлен известным деятелем буддизма Сэн-ю (僧祐, 445-518), конечно, не позднее 518 г. — года его смерти¹⁶. Второе сочинение "Жизнеописания достойных монахов" (高僧傳, далее — "Жизнеописания") составлено в 519 г., автор его — Хуэй-цзяо народов Востока. Тексты. Большая серия. XV); Бяньвэнь о Вэймоцзе. Бяньвэнь "Десять благих знамений" (Неизвестные рукописи бяньвэнь из Дуньхуанского фонда Института народов Азии). Изд. текста, предисл., пер. и коммент. Л.Н.Меньшикова. М., 1963 (Памятники литературы народов Востока. Тексты. Малая серия. VIII); Бяньвэнь о воздаянии за милости (Рукопись из Дуньхуанского фонда Института востоковедения). Ч.1. Факс. рук., исслед., пер. с кит., коммент. и табл. Л.Н.Меньшикова. М., 1972 (Памятники письменности Востока, XXXIV); Бяньвэнь по Лотосовой сутре. Факс. рук. Изд. текста, пер. с кит., введ., коммент., прил. и словарь Л.Н.Меньшикова. М., 1984 (Памятники письменности Востока, LXIV); а также в кн.: Дагданов Г.Б. Чань-буддизм в творчестве Ван Вэя. Новосибирск, 1984.

¹⁶ Нандзё Бунью определяет год смерти Сэн-ю как 520-й (см.: Nan-jio, стб.459). Это ошибка, исправленная уже в каталоге "Хобогирин" (Hōbōgirin, fascicule annexe. Токуо, 1931, с.151). В биографии Сэн-ю в "Жизнеописаниях достойных монахов", цз.11 (Трипитака Тайсё, I, 402), указана следующая дата его смерти: 天監十七年五月二十六日 "В семнадцатый год [под девизом] Тянь-цзянь, в пятую луну, двадцать шестой день", т.е. 19 июня 518 г. по европейскому летосчислению. Знак 出 чу (в словарях обычно "рождаться, выходить") в названии каталога означает "переводить, перевод". В "Собрании сведений" в этом значении встречаются три слова: 譯 и, 譯出 ичу, 出 чу. По содержанию каталог является собранием сведений о переводах и переводчиках. С начала периода Тан авторы аналогичных сочинений избегают слов чу и ичу, заменяя их словом и даже в тех случаях, когда цитируют каталог Сэн-ю.

(慧皎)¹⁷. В обоих сочинениях тексты биографии Гунавриддхи весьма близки друг другу, но есть и разночтения, подчас значительные, точно так же как и в более позднем "Буддийском каталоге годов Кай-юань" (開元釋教錄, датируется 730 г.), автором которого является Чжи-шэн (智昇)¹⁸. Приведем в переводе биографию, как она читается в "Собрании сведений", цз.14, с указанием разночтений по двум другим источникам. Места, имеющие разночтения, подчеркнуты и обозначены буквами русского алфавита, разночтения приведены в сноске 19. Слова, заключенные в скобки, принадлежат переводчику.

"Гунавриддхи (求那毗地, Guṇavṛddhi), человек из Центральной Тяньчжу^а (Индии). В нежные годы^б, следуя за [своим] наставником на Пути [Будды], стал служить наставнику в законе Большой Колесницы (Махаяны) Сангхасене (僧伽斯, Saṅghasena) из Тяньчжу. Умный, с цепкой памятью, [Гунавриддхи] усердствовал в изучении^в наизусть и мог произнести сверх ста тысяч^г слов сутр Большой и Малой Колесниц (Хинаяны и Махаяны). Еще изучал внешние^д (небуддийские) сочинения и постиг учение [о силах] инь и ян. В более поздние времена встречался с гадателями и во множестве перенимал их опыт, поэтому его слава мага-даоса была слышна в Западном Крае^е. В начале годов Цзянь-юань (479) прибыл в столицу^ж и остановился в обители Вайшали (毘耶離寺). Взяв в руки посох [настоятеля], строго поддерживал благочиние среди [своих] последователь. Ваны, гуны и [другая] знать наперебой слали [ему] приглашения^з. Первоначально Сангхасена в стране Тяньчжу, выписав и собрав [воедино] из сутр двенадцати разделов^и в Сутрапитаке главнейшие притчи, составил сочинение в

^а Об авторе "Жизнеописаний" см.: Продолжение жизнеописаний достойных монахов (續高僧傳), цз.6. — Трипитака Тайсё, L, 471.

В "Жизнеописаниях" биографии переводчиков, живших до 518 г., почти дословно совпадают с таковыми в "Собрании сведений" (Трипитака Тайсё, LV, №2145). Остается неясным, пользовались ли оба автора одними и теми же источниками, или же один заимствовал материал у другого (скорее первое). Биографию Гунавриддхи в "Жизнеописаниях", цз.3, см.: Трипитака Тайсё, L, 345.

^б О Чжи-шэне см.: Сунские жизнеописания достойных монахов (宋高僧傳), цз.5. — Трипитака Тайсё, L, 733-734. В его каталоге биография Гунавриддхи помещена в цз.6 (Трипитака Тайсё, LV, 5366).

целом из ста историй, чтобы наставлять^К вновь [вступающих] в учение. [Гуна] вриддхи произносил их все наизусть вместе с поучениями, поясняющими [их] смысл, а к десятому году [правления под девизом] Юн-мин^Л (492), осенью, перевел на язык Ци (китайский), всего в десяти цзюанях (свитках) [под названием] "Сутра ста притч" (百句譬喻經)^М. Кроме того, перевел сутры^Н "Судатта-чжанчжэ^О" и "Двенадцать видов судеб", каждая по одной цзюань. После^П годов Да-мин (457-464) переводы сутр прекратились, и его [деятельность] по распространению в мире драгоценности Закона заслужила всеобщее одобрение^Р. Как человек, [Гуна] вриддхи имел обширнейшие познания, был добр в общении, усерден в следовании Пути [Будды], даже по ночам не ленился^С, и потому толпы [людей] из иноземных общин-сангха^Т приходили [к нему] за десять тысяч ли. Купцы из Южных морей все служили [его] школе, являясь к нему с дарами в течение всего года непрерывно. Склонен [он] был к обильным накоплениям и обогащению сокровищниц, но для устройства дел Закона, а не для самого себя^У. В Цзяньэ (нынешний Нанкин, тогда — столица династий Ци и Лян), на берегу реки Хуай, построил обитель Чжэнгуань (正觀寺)^Ф с двухъярусной надвратной башней и скромно украшенными палатами и кельями^Х. В воспитании учеников и в обращении [людей в Закон Будды] заслуги [его] очень велики^Ц. Во втором году Чжун-син, зимой (конец 502 или начало 503), умер^Ч¹⁹.

^Ю Трипитака Тайсэ, LV, 106в-107а. Разночтения (обозначения: *Н.* — "Каталог годов Кай-юань"; *Ж.* — "Жизнеописания"): ^{АЖ.} это значит "Входящий в Успокоение" (安進), происходил из людей Центральной Тяньчжу; *Н.* [что значит] на языке Ци (китайском) "Входящий в благость" (德進), человек из Центральной Индии; ^{БЖ.} лета; ^{ВЖ.} декламации; ^{ГЖ.} в память хранил до двухсот тысяч; ^{ДЖ.} мирские; ^{ЕЖ.} При гаданиях исследовал каждый случай, и результаты [каждый раз] были несходными. [При династии] Ци; ^{ЖК.} в Цзянхуай; ^{ЗК.} и более низкие [по положению] соперничали в приглашениях посетить [их]; ^{ИЖ.} этих слов нет; ^{КЖ.} и наставлял; ^{ЛК.} добавление: императора У-ди [под циклическими знаками] жэнь-шэнь; ^{МК.} нет числа цзюаней; *Ж.* и *Н.* заглавие: 百喻經; ^{НК.} нет; ^{ОК.} нет; ^{ПК.} после этих слов: [династии] Сун; ^{РЖ.} всеми в мире была одобрена; ^{СЖ.} щедрю [душу]; ^{ТЖ.} нет; ^{УЖ.} Подношения [он] все принимал, но только для устройства Закона; ^{ФЖ.} добавление: где и поселился; ^{ХЖ.} храмами; ^{ЦЖ.} нет; ^{ЧЖ.} скончался там, где жил. В начале [династии] Лян (502-556) Сангхапала (? 僧伽婆羅), еще один иноземный ученый монах, благолепный по внешности и искусный в спорах, прибыл в столицу и также остано-

Записи в других сочинениях биобиблиографического характера повторяют сказанное в приведенной биографии²⁰.

Кроме биографии Гунавридхи в "Собраниях сведений" мы обнаруживаем некоторые дополнительные данные. В цзюани 9 этого сочинения, в разделе "Предисловия [к переводам сутр]", имеется подраздел, в который входят две небольшие заметки, касающиеся "Сутры ста притч". Автором первой из них является некий Кан Фа-суй (康法邃, никаких биографических сведений о нем не обнаружено), и озаглавлена она "Предисловие к сутре притч" (譬喻經序). В ней сказано следующее.

"Сутра притч (т.е. "Сутра ста притч". — Л.М.) — это рассказы, содержащие в себе четыре вида средств-пояснений. Они были рассказаны по случаю Жулаем (Татхагатой) и разъясняют важнейшие поучения безбрежного Закона с помощью соотнесения их с обыденными вещами, которые потом относятся к определенному роду понятий, после чего совершается поворот к пониманию основ Закона. Так объясняются добро и зло, промахи и удачи, должное и воздаяние. Все это нужно для пробуждения мыслей о том, как избежать трех дорог [греха]. Сегодня на сто тысяч притч, сказанных Буддой, часто не записано даже одной, но в записанных [его поучениях] можно найти повторения [притч], сказанных в разное время. Ныне эти истории заново собраны в одну книгу, составившую десять цзюаней. Все рассказы от начала до конца представлены в виде отдельных отрывков. Так легче воспринимать их, не испытывая в сер-

вился в обители Чжэнгуань. Нынешний государь (император династии Лян У-ди, 502-549) принял его с большим почетом, повелел пребывать в обители Чжэнгуань, в палате Шоугуан, в павильоне Чжаньюнь

(壽光殿, 占雲館), где переводить "Сутру о великом царе Ашоке"

(大阿育王經, Aśokāvadāna) и "Шастру о пути освобождения"

(解脫道論) и другие, а Ши Бао-чану (釋寶唱) и Юань Тань-юню

(袁曇允) принимать на кисть (т.е. записывать за ним на слух).

²⁰

В составленной в 597 г. "Хронологии трех драгоценностей разных эпох" (歷代三寶記) Чан Фана (長房), например, в цз.11 [Трипитака Тайсё, XLIX, 96a (8-9)], город, возле которого была расположена обитель Вайшали, назван не Цзянье, а Янчжоу. Объясняется это тем, что при династии Суй, когда писалась "Хронология", Цзянье был переименован. Других разночтений в биографии Гунавридхи с "Собранием сведений" там нет. Там же (стк.4) уточнена дата перевода: "в девятую луну, десятый день", т.е. 16 октября 492 г. Основанием для этого служит запись в "Собрании сведений", цз.9, которую мы приводим ниже. Более поздние сочинения (последовавшие за "Каталогом годов Кай-юань") добавляют сведения мало достоверные, и мы на них останавливаться не будем.

це сомнений. Хотелось бы, чтобы мудрые наставники обрели [в этих рассказах] средство, получив которое можно навеки подняться в дворцы счастья для заложения основ грядущего"²¹.

Кан Фа-суй, как можно видеть, не сомневается, что притчи, собранные в "Сутре ста притч", освящены авторитетом самого Будды. Во всяком случае, его слова свидетельствуют, сколь важно было место, занятое в то время интересующим нас произведением в буддийской проповеди. Что речь идет именно о "Сутре ста притч", ясно из следующей за предисловием заметки неизвестного автора, названной "Запись о переводе той же сутры" (出前經記) и относящейся явно к "Сутре ста притч", а не к какому-либо другому произведению этого рода.

"В десятый год [под девизом] Юн-мин, в девятую луну, десятый день (16 октября 492 г.), наставник в законе Гунавриддхи из Тяньчжу (Индии) перевел притчи, выписанные из сутр по двенадцати разделам Хранилища сутр (Сутрапитаки) и собранные в одну книгу, [состоящую] из ста историй. Наставник из Тяньчжу Сангхасена (здесь 僧伽其那) собрал их и, распространив учение Большой Колесницы (Махаяны) среди вновь [вступивших на путь] учения, составил и рассказывал эту сутру"²².

Все приведенные выше сведения позволяют нам в общих чертах представить историю создания разбираемого сочинения. Отобрал притчи и составил их в одну книгу наставник-индиец Сангхасена. Его ученик Гунавриддхи, прибывший в Китай в 479 г., перевел ее на китайский язык и записал в 492 г. Биография Гунавриддхи донесла до нас имя его учителя, о котором больше ничего не известно²³. О Гуна-

²¹ Трипитака Тайсэ, LV, 68в.

²² Там же.

²³ Нандзэ Бунью (см.: Nanjio, стб.375) считает Сангхасену автором трех сочинений, одно из которых переведено на китайский язык в середине III в., второе — в 391 г., а третье — наша "Сутра ста притч" — зафиксировано в 492 г. Ясно, что если бы все три сочинения принадлежали одному и тому же Сангхасене, то он не мог бы быть учителем Гунавриддхи, ибо между переводом первым и третьим прошло около 250 лет, а между вторым и третьим — не меньше восьмидесяти. Трудно поверить, даже в соотношении со вторым произведением, что Сангхасена составил нашу сутру в возрасте не менее ста лет или же Гунавриддхи умер не моложе ста двадцати лет (такой исключительный факт был бы отмечен в его биографии). "Хобогириин" повторяет ошибку Нандзэ, хотя еще Э.Шаванн обратил внимание на это противоречие. Он полагал, что было два Сангхасены: один — в III в., другой — в V в. (см.: *Chavannes E. Cinq cents et apologies extraits du Tripitaka chinois et traduits en Français. T.2. P., 1911, с.147-148*). Мы склонны думать (по приведенным соображениям), что деятелей с этим именем было даже три.

вриддхи сказано, что он был "из людей Центральной Индии", но не говорится, что он был рожден в Центральной Индии. Сходную помету мы находим в биографиях многих других деятелей китайского буддизма. Так, о Кумарадживе тоже говорится, что он "из людей Тяньчжу (Индии)", но далее рассказывается о том, что он родился в Центральной Азии (Ку-ча) и что деятельность его началась в этом районе²⁴.

Отметим еще один факт из биографии Гунавриддхи. Согласно его жизнеописанию, он, будучи учеником Сангхасены, изучал также и другие учения, в частности прославился как знаток даосской магии (道術) и гаданий, в основу которых было положено понятие о противоположности *инь* и *ян*, темного и светлого начал вселенной. (На утверждениях этой противоположности строилось учение позднего даосизма.) Нечто подобное мы находим в биографии Кумарадживы. Знакомство Гунавриддхи с даосизмом и даосской магией заставляет думать, что он с молодых лет был связан с китайскими традициями и что молодость его прошла не в Индии, а по крайней мере в Центральной Азии и, возможно, в областях, близких к Китаю. А если так, то он, видимо, мог знать короткие рассказы о чудесах, которые в китайской литературе в это время явились художественным отражением представлений позднего даосизма и его идей. Может быть даже, что наставник Сангхасена обучал его в тех же местах: переселение многих буддийских деятелей из Индии в Центральную Азию и Китай — новые центры буддизма — есть неоднократно засвидетельствованный в источниках исторический факт.

Наконец, названия "палат" в обители Чжэнгуань, основанной Гунавриддхи, а именно Шоугуан (палата Света долголетия) и Чжаньюнь (павильон Предсказаний по облакам) — названия, засвидетельствованные в "Жизнеописаниях", — явно даосского, а не буддийского характера. Они подтверждают тот факт, что и в Китае, став уже известным проповедником буддизма, Гунавриддхи по-прежнему оставался в известной степени связанным с даосской традицией.

Из трех переводов, выполненных согласно биографическим сведениям Гунавриддхи, до нашего времени дошло два: "Сутра ста притч" и "Сутра о домохозяине Судатте"²⁵. Что же касается третьего перевода — "Сутры о двенадцати видах судеб", — то он давно утерян. Есть другой, более древний перевод, сделанный в конце II или начале III в. Чжи Цянем (支謙). Этот перевод носит то же название и включается в современный свод китайской Трипитаки²⁶.

²⁴ "Жизнеописания", цз.2. — Трипитака Тайсё, L, 330-333.

²⁵ Трипитака Тайсё, I, № 73.

²⁶ Там же, XVI, № 713. — О Чжи Цяне см.: Nanjio, стб.388-389.

Перевод Гунавриддхи числится утерянным уже в "Каталоге годов Кай-вань", цз.6 [Трипитака Тайсё, LV, 536б (10)].

Причина столь ранней утраты одного из переводов Гунавриддхи, возможно, заключается в том, что он, обладая, как сказано в его биографии, "цепкой памятью", не все свои переводы записал. В течение тринадцати лет (с 479 г., когда он поселился в столице тогдашнего Китая Цзянье, до 492 г., когда был записан его перевод "Сутры ста притч") Гунавриддхи вел устную проповедь. Это, в свою очередь, не могло не повлиять на его рассказы по части приспособления их к вкусам китайских слушателей. Рассказы "Сутры ста притч", как можно думать, все имели свой прототип в виде вставных притч в более ранних произведениях. Однако нам удалось отождествить их только в трех случаях — и то с притчами, входящими в состав иных собраний притч. Сравним эти три рассказа Гунавриддхи с параллельными более ранними записями из других сборников притч, чтобы установить, насколько они видоизменились в произведении Сангхасены — Гунавриддхи.

"Сутра ста притч". Притча 2.
Про то, как глупец собирал коровье молоко.

Некогда к глупцу должны были прийти гости.

Он решил собрать коровье молоко, намереваясь попотчевать их. И стал думать так: "Если я, начав заблаговременно, буду ежедневно надаивать, то через какое-то время молока соберется много. А вдруг не окажется места для хранения или еще: оно прокиснет? Не лучше ли сохранять его в животе самой коровы, а когда придет время принимать гостей, тогда разом все и выдоить?" Приняв такое решение, он тут же раз-

"Разные притчи, собранные по всем сутрам", № 6 (Трипитака Тайсё, IV, 532-533).

Некогда жил один брахман. Жилище у него было бедным, и только и было у него что одна отелившаяся корова. Он доил ее и ежедневно получал один доу молока, чем и поддерживал свое существование. Вот он услышал, как говорят, что если в пятнадцатый день [месяца] угостить шраманов из сангхи, то добьешься благодати великого счастья.

Тут же определил больше корову не доить, а когда пройдет один месяц, собрать молоко все сразу. Надеялся получить целых три *ху* и использовать для подношения шраманам.

вел корову и теленка и привязал их порознь.

Прошел месяц, только тогда он устроил пир. Встретив и усадив гостей, хозяин, наконец привел корову, чтобы выдоить молоко. Но молока-то у коровы не оказалось: оно пропало. И тогда одни гости рассердились, а другие посмеялись.

С глупцом всегда бывает так: когда он хочет совершить даяние, он говорит: "Я дождусь, когда у меня [чего-нибудь] будет много, тогда и раздам сразу". Но не успеет такой человек собрать чего-нибудь много, как у него либо отнимут это уездные чиновники, либо пожар и наводнение, а [может случиться], его ограбят или же он сам неожиданно умрет. Так и не наступит время даяний. Точь-в-точь как с тем [хозяином, который собирал молоко].

Когда исполнился месяц, он пригласил отовсюду шраманов. Они все пришли в дом и уселись там. Вот брахман пошел доить корову, но выдоил всего один доу молока. Хотя корова и долго была не доена, но молока у нее оказалось мало. Все бранили брахмана: "Ты глупец! Как это ты целый месяц ни разу не доил корову и еще надеялся получить побольше!"

Люди нынешнего мира тоже таковы. Когда у них есть имущество, не могут раздать его сразу, ждут — может, поднакопится, чтобы значительно позже, собрав достаточно много, совершить [раздачу подаяния]. Но в воде и огне непостоянства бывает так, что вдруг и собственную жизнь становится трудно сохранить. Пусть даже все не расточится внезапно за один день, так что и удержать ничего не удастся, но ведь имущество опасно для самого себя. Оно подобно ядовитой змее и не стоит того, чтобы питать к нему пристрастие.

Сравним это вот с чем. Некогда Будда путешествовал по стране царя Прасенаджита и обнаружил в земле сокрытый клад, в котором было полно драгоценностей. Будда сказал Ананде: "Видишь ли ты, что это — ядовитая змея?" Ананда сказал: "Вижу". А в это время некто, следовавший за Буддой, услышал эти слова и решил подойти посмотреть. Увидел, что это сокровища, и прене-

брег словами Будды, сочтя их за пустые узоры: ведь это на самом деле драгоценности, а он называет их ядовитой змеей! И тогда этот человек тайно собрал домочадцев и забрал сокровища.

Семья его разбогатела, Нашелся человек, сказавший царю, что добытый клад не передан властям. Царь велел схватить [нашедшего]. Тот клялся, что все уже сдал, но царь никак не верил и все умножал способы пытки. [Бедняга] испытал яды всех страданий, но так ничего и не сказал. Царь разгневался и хотел покарать семь колен его рода. Когда его повезли на казнь, царь послал человека разведать, что тот будет говорить по дороге. [Осужденный] сказал: "Будда говорил верно, это действительно ядовитая змея, а я не верил. Теперь из-за этой ядовитой змеи мне некуда податься. Если бы я был погублен ядовитой змеей, то только сам. А тут я погубил все семь колен. Все в самом деле так, как сказал [Будда]". Посланный все вышеизложенное рассказал царю. Услыхав эти слова, царь велел вернуть [осужденного] и сказал этому человеку так: "Будда — человек великих добродетелей, а ты должен [всегда] помнить, что сказал Будда". На радостях царь вернул ему сокровища и отпустил его на свободу.

Так вспомнивший слова Будды за это избавлен был от смертной опасности. Вот почему слова Будды нельзя запечатлевать в душе и в сердце.

Несмотря на некоторую китаизацию (в переводной притче упоминаются китайские меры *доу* и *ху*, а не исходные индийские), притча в "Разных притчах", переведенных Кумарадживой, сохраняет первоначальный облик индийского сочинения, вплоть до соединения в цепочку ("гирлянду") двух сюжетов. Значительная обработка этой притчи у Гунавридхи не вызывает сомнений. Удалены многие второстепенные детали: сколько хозяин надаивал ежедневно, кто были его гости, кто был он сам, слова гостей после несостоявшегося угощения. В то же время добавлены конкретные бытовые подробности: хозяин боится, что молоко скиснет, отделяет корову от теленка, молоко у недоеной коровы пропадает (кстати, введение двух последних деталей объясняет разницу в результатах "накопления молока" в двух редакциях притчи. Если теленок не отделен от коровы, то при дойке получают обычное количество молока — так и происходит в "Разных притчах". Если же корову от теленка отделить и не доить ее, то молоко пропадет, как в "Сутре разных притч"). Многоплановая дидактическая концовка сведена к простой сентенции.

Притча 54. Про то, как хвост и голова змеи спорили между собой, кому быть впереди.

Представим себе какую-то змею.

Ее хвост говорит голове: "Я должен быть впереди". Голова отвечает хвосту: "Всегда я бываю впереди. Почему же вдруг будет иначе?" В результате впереди оказалась голова. Хвост же обвился вокруг дерева, и голова не могла двинуться вперед.

"Сутра разных притч" Даолюэ, № 26а (Трипитака Тайсэ, IV, 528).

Некогда жила змея, голова и хвост которой все время спорили между собою.

Голова говорит хвосту: "Меня должно считать старшей". Хвост отвечает голове: "Я тоже достоин быть старшим". Голова говорит: "У меня есть уши, чтобы слушать, глаза, чтобы смотреть, рот, чтобы есть, при движении я впереди остального [тела] — вот почему меня должно считать старшей. А ты не имеешь таких достоинств, тебя нельзя считать старшим". Хвост говорит: "Если я позволю тебе двигаться, то ты сможешь двигаться. А что, если я трижды обмотаюсь вокруг дерева?" И три дня не отпустил. Голова не смогла двигаться в поисках пищи и чуть не умерла от голода. Она сказала хвосту: "Ты можешь

[Тогда] она пустила вперед хвост. Змея тут же свалилась в огненную яму и там сгорела.

С учениками и наставником иногда случается то же самое. Ученики говорят: "Наставник уже стар, а все еще впереди. Вожаками должны быть мы, молодые". Однако такие молодые не придерживаются установленных правил, во многом их нарушают и поэтому увлекают друг друга в подземную тюрьму для грешных душ.

В "Сутре ста притч" притча и мораль значительно сокращены, главным образом за счет дискуссии головы и хвоста. Длинный диалог заменен действием. В морали укорочено сравнительно подробное описание ситуации "учитель — ученики".

Притча 57. Про то, как некогда пнул знатного человека ногой в рот.

Некогда жил-был знатный человек. Приближенные старались заслужить его благосклонность, и все перед ним пресмыкались. Знатный человек плюнет — слуги и приближенные ногой разотрут.

А вот один глупец не успевал растирать. Тогда он

отпустить меня, я признаю тебя старшим".

Хвост, услышав эти слова, тут же отцепился [от дерева]. Голова снова говорит хвосту: "Раз ты признал старшим, посмотрим, как ты пойдешь первым". Хвост пошел впереди, но не сделал и нескольких шагов, как свалился в огненную яму, и змея погибла в огне.

Вот с чем можно это сравнить. В некоей сангхе был умный и высокодобродетельный глава, который искусен был в определении правил поведения. Под его рукой был младший монах, не желавший ему подчиняться. И как глава сангхи ни старался, он не мог его урезонить. Тогда глава сказал монаху так: "Можешь делать что вздумается". И тот, не имея направляющей помощи в своих делах, все время впадал в беззаконие.

Сравните же это с той змеей, которая свалилась в огненную яму.

"Сутра разных притч" Дао-люэ, № 14 (Трипитака Тайсэ, IV, 525).

В одной чужой стране низкие служили знатному человеку и старались заслужить его внимание. Увидят, как знатный плюнет на землю, — спешат наперебой растереть его плевком.

Так вот. Один из этих людей был недостаточно про-

подумал: "Когда плевков падает на землю, то все [кидаются] его растирать. Значит, я смогу растереть плевков раньше всех, [если сделаю это], когда тот еще только соберется плюнуть".

В это время знатный человек кашлянул и хотел сплюнуть. Тут глупец поднял ногу и пнул того в рот: он разорвал знатному человеку губу и выбил зубы. Тот спросил глупца: "Ты зачем пнул меня в рот?" Глупец ответил: "Когда ты плюешь и плевков падает на землю, то его растирают окружающие лъстецы. Я же, как ни хотел растереть, всякий раз не поспеваю. Поэтому, когда плевков собирался отделиться от рта, я поднял ногу, чтобы успеть первым его растереть и тем добиться твоего расположения".

Всему свое время. Если время еще не пришло, то, сколько ни старайся, напротив, получают лишь суета и страдания. Вот почему людям этого бренного мира необходимо знать, когда время пришло, а когда — еще нет.

В "Сутре ста притч" видоизменен диалог между хозяином и прихлебателем, мотивирован поступок прихлебателя через добавление довольно пространных (по размерам притчи) его размышлений. Что же до дидактической концовки, то она вообще заменена на другую и сводится к пословице "Всему свое время".

Таким образом, во всех трех случаях, дающих нам материал для выводов, мы имеем дело со значительной авторской обработкой притч в интересующем нас сочинении. Рассказы, как правило, становятся более краткими, прямолинейными по изложению событий. В то же время поступки персонажей более точно мотивируются и детали приобретают большую бытовую достоверность. К характеристике дидакти-

ворен, и хотя и стремился растереть плевков, но все никак не поспеваю.

Через некоторое время он увидел, что знатный собирается плюнуть. И едва тот вытянул губы, он тут же пнул его ногой в рот. Знатный спросил: "Это что, бунт? Ты зачем пнул меня в рот?" Низкий человек отвечал: "Я с добрыми намерениями, бунтовать не хотел". Знатный спросил: "Если ты не хотел бунтовать, зачем же тебе это надо?" Низкий ответил: "Когда вы плюете, я все хочу растереть плевков. Но едва плевков выйдет из вашего рта, все бросаются к нему толпой, и я до сих пор не имел успеха. Вот почему я хотел растереть плевков еще во рту".

Если объяснения еще во рту, принцип еще не ясен для всех. Отсюда и возникают затруднения. Это совершенно то же, что растирать плевков, когда он еще во рту.

ческий концовок в "Сутре ста притч" мы еще вернемся. Обнаруженные нами изменения сближают притчу Гунавриддхи с китайским коротким рассказом и отдаляют ее от притчи в буддийских переводных сочинениях. Сравнение, следовательно, дает основание считать Гунавриддхи автором-обработчиком "Сутры ста притч", какова бы ни была предыстория текста до него (впрочем, эта предыстория по ныне имеющимся материалам невосстановима).

Дошло ли до нас это сочинение в первоначальном виде, или же оно было искажено при позднейших переписках? В ранних каталогах (включая "Хронологию трех драгоценностей") записано, что сутра эта состоит из десяти или же из пяти цзюаней (свитков). В "Каталоге годов Кай-юань" указано, что в сутре четыре цзюани, но к этому добавлено следующее замечание: "Иногда пять цзюаней... Каталог Сэн-ю (т.е. "Собрание сведений". — Л.М.) говорит, что перевод состоит из десяти цзюаней, однако в этом варианте из четырех цзюаней есть полностью все сто историй"²⁷. Добавим, что имеется еще вариант в двух цзюанях, учтенный в каталоге Нандзё (Nanjio, стб.375): автор каталога пользовался Трипитакой периода Мин (издана в 1601 г.), но и в более ранних изданиях Трипитаки в Китае, а именно в сунском 1239 г. и в юаньском 1290 г., эта сутра состоит также из двух цзюаней. В "Трипитаке Тайсё" взята за основу вариант в четырех цзюанях. Количество же притч во всех изданиях одинаково, и в текстах серьезных разночтений нет: они ограничиваются вариантами отдельных иероглифов. Этого же рода разночтения, не изменяющие смысла не только текста в целом, но даже смысла отдельных фраз или слов, мы обнаруживаем в рукописи X в. — древнейшей из известных ныне, — входящей в состав Дуньхуанского фонда Института востоковедения АН СССР²⁸. Различия же в количестве цзюаней объясняются тем, что длина цзюани (свитка) в разное время менялась и в IV-V вв. свиток был в 2-3 раза короче, чем в период Тан. После же изобретения книгопечатания слово "цзюань" вообще перестало обозначать "свиток", а стало номенклатурной книжной единицей, обычно составлявшей половину тетради-бэни, из которых образовывались многотомные китайские издания. Этим объясняется, что в печатных изданиях периодов Сун, Юань и Мин "Сутра ста притч", занимающая в каждом по одной тетради, состоит из двух цзюаней. Точных сведений о том, где в тексте проходило деление сутры на пять и на десять цзюаней, до нас не дошло, что же касается вариантов в две и четыре цзюани, то они сопоставлены в "Трипитаке Тайсё" и разночтений по тексту в них практически нет.

²⁷ Трипитака Тайсё, LV, 5366 (7-8).

²⁸ Воробьева-Десятовская М.И. и др. Описание китайских рукописей Дуньхуанского фонда Института народов Азии. Вып.1. М., 1963, № 23 (рукопись под шифром Дх-1420).

Несколько слов о названии сутры. Существует три варианта ее китайского заглавия: основное, общеупотребительное — "Сутра ста притч" (百喻經), более развернутый вариант, переводимый так же (百句譬喻經), и "Сутра, где собрано сто притч" (百句譬喻集經). Какой из трех вариантов является первоначальным, у нас нет возможности установить. Важно, что все три варианта означают одно и то же. Не должно смущать то обстоятельство, что притч на самом деле 98. Можно, конечно, для получения точного числа добавить введение и заключение, обрамляющие сутру. Но в такой операции нет никакой надобности, ибо числа "сто", "тысяча", "десять тысяч" в китайском языке постоянно употребляются для приближенного, а не точного счета. Так, в "Книгу песен" (Шы-чзин) включено 305 песен, но называют ее всегда "книгой из 300 песен".

Имеются попытки реконструировать первоначальное санскритское название сутры. Японские исследователи и переводчики сутры на японский язык Аканума Тидзэн и Нисио Миякоо возводят ее название к санскритскому Урамā-jāta-ка. Отнесение же ее к разряду авадаи они считают результатом смешения в китайском переводе понятий урамā (собственно "притча") и "авадана", которые одинаково переводятся как *тихой* 譬喻²⁹. Признавая правильность наблюдений Аканума и Нисио, отметим, однако, что они скорее указывают на два возможных прототипа китайского слова *тихой* в переводах с санскрита, чем действительно реконструируют первоначальное название. Нандзё пытался получить исходное заглавие сутры путем обратного перевода на санскрит: Śatāvadhāna-sūtra³⁰.

Для нас представляются фактом, решающим вопрос, завершающие слова "Сутры ста притч", гласящие: "Конец "Гирлянды цветов глупости", созданной высокочтимым Сангхасеной"³¹. Аканума и Нисио замечают, что "автор еще эту "Сутру ста притч" называет "Гирляндой цветов невероятной глупости". Но ни они, ни Нандзё не пытаются привлечь сказанное в этой фразе для реконструкции. Мы не беремся

²⁹ 赤沼智善、西尾京雄。百喻經解題。—

國譯一切經。本緣部七。東京，大東出版社

(Аканума Тидзэн, Нисио Миякоо. Вводные замечания к "Сутре ста притч". — Все сутры в переводе на язык нашей страны. Разд. "Бэнь-юань". Т. 7. Токио, 1930, с. 1-5).

³⁰ Nanjio, стб. 375.

³¹ 尊者僧伽斯那造作癡花鬘竟。—

произвести эту операцию, но заметим, что таковы обычные концовки индийских сочинений или их частей, в которые по стереотипу индийской литературы включается название сочинения или его части³². Поэтому естественно было бы считать "Гирлянду цветов глупости" первоначальным названием разбираемого произведения, а заголовок "Сутра ста притч" полагать названием обработки, произведенной Гунавридри, причем этот обиходный заголовок по типу своему является китайским, а не индийским и приспособлен к вкусам и привычкам китайского читателя.

3. "СУТРА СТА ПРИТЧ" КАК ПАМЯТНИК КИТАЙСКОЙ ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

По своему составу "Сутра ста притч" отличается от всех остальных сочинений этого разряда своего рода упорядоченностью. В других сутрах притч есть сюжеты слабо оформленные или даже почти не оформленные, рыхлые по своей фактуре вроде приводившейся выше притчи о перерождении и встрече после нового рождения двух братьев-шраманов. Объясняется это тем, что первоначально притчи в буддийских сочинениях самостоятельного значения не имели, а были вкраплениями в более обширное повествование. В "Сутре ста притч" все притчи носят ярко выраженный анекдотический или юмористический характер и каждая из них представляет собой законченный односюжетный рассказ. Строятся они в большинстве своем по одному типу, и в них обычно легко выделяются звенья: завязка, поворот темы и развязка. После рассказа следует морализующая концовка, также имеющая стандарт построения, о чем мы будем говорить ниже. А сейчас покажем, как строится сам рассказ. Возьмем для этого наудачу несколько притч.

Притча 1. Про то, как глупец ел соль

З а в я з к а

Однажды глупец попал в дом какого-то человека. Хозяин стал потчевать его. Но [еда] была пресной и безвкусной. Поняв это, хозяин добавил соли.

³² Например, в "Махабхарате": "Конец сказания об Астике" (Махабхарата. Адипарва. Пер. с санскр. и коммент. В.И.Кальянова. М.-Л., 1950, с.154); "Конец сказания о сожжении леса Кхандавы" (там же, с.585); или: "Так заканчивается в шри "Рамачаритаманасе", уничтожающем скверну Кали, книга пятая, носящая название "Сообщение знания" (Тулси Дас. Рамаяна, или Рамачаритаманаса. Море подвигов Рамы. Пер. с инд. (хинди), коммент. и вступит. ст. А.П.Баранникова. М.-Л., 1948, с.717); или: "Этим закончен в "Артхашастре" Каутильи одиннадцатый отдел "Образ действий в отношении объединений" (Артхашастра, или Наука политики. Пер. с санскр. Изд. подгот. В.И.Кальянов. М.-Л., 1959, с.435).

П о в о р о т т е м ы

Когда соли стало по вкусу, глупец про себя подумал: "Значит, все дело в соли! Если от одной щепотки стало так вкусно, то каково же будет, если положить побольше!"

Р а з в я з к а

Дурак есть дурак: он тут же принялся есть одну соль. Проглотил и, вместо того чтобы усладить вкус, напротив, заставил его страдать.

*Притча 6. Про то, как у одного человека умер сын,
а он захотел оставить труп в доме*

З а в я з к а

Некогда у одного глупца росло семеро сыновей. Но вот один из семерых безвременно умер. Когда глупец увидел, что сын мертв, он решил было, что оставит труп в доме, а сам уйдет из дома.

П о в о р о т т е м ы

Соседи, узнав об этом, сказали ему: "Пути живых и мертвых расходятся: ты бы поскорее обрядил [покойника] и похоронил его в отдаленном месте. Зачем же оставлять [в доме труп], а самому уходить?"

Р а з в я з к а

Выслушав это, глупец про себя подумал: "Если никак нельзя его оставить, а обязательно нужно хоронить, то лучше убить еще одного сына: нести на коромысле с двух сторон гораздо удобнее". И он без промедления убил второго сына и понес [оба трупа]. Похоронил он их далеко, в пустынном месте. Видевшие это громко хохотали и удивлялись столь невиданному случаю.

*Притча 58. Про то, как два брата
делили наследство*

З а в я з к а

Некогда в государстве Малла жил-был один кшатрия. Он тяжело заболел и точно знал, что умрет. Двум своим сыновьям он наказал: "После моей смерти поделите наследство справедливо".

П о в о р о т т е м ы

Следуя наставлению, сыновья после смерти отца поделили состояние на две части. Но старший брат сказал младшему, что доли у них неравные.

Развязка

Тут какой-то глупый старик предложил: "Давайте я вас научу, как сделать, чтобы все было поровну: каждую из имеющихся у вас вещей надо разломать надвое". — "Как разломать?" — "Одежду разрезать пополам на две части, деревянные доски и кувшины расколоть пополам, глиняные жбаны и горшки тоже расколоть пополам. И монеты разломать надвое. Точно таким же образом поступить со всеми [остальными] вещами: разделить каждую на две части". Такой способ дележа имущества был осмеян всеми людьми.

По той же схеме строятся и три приведенные ранее притчи. Для наглядности мы и их разделили на такие же три части каждую, причем первая часть является завязкой, вторая — поворотом темы, а третья — развязкой. Строгость построения притч в "Сутре ста притч" и превращает их из наставляющих, морализующих отрывков, включенных в более обширные повествования, в самостоятельные художественные произведения с законченной фабулой, где развязка рассчитана на неожиданный эффект. Этой цели — неожиданности — служат, по-видимому, и многие из тех изменений, которые произошли в сюжетах "Сутры ста притч" по сравнению с источниками ее рассказов. Так, в притче 2 удалена фраза, заранее подсказывающая результат: "Надеялся получить целых три *ху* и использовать для подношения шраманам". Сокращение диалога головы и хвоста змеи в притче 54 служит той же цели.

Так построены, за редкими исключениями (притчи 23, 65, 83 и др.), почти все рассказы, входящие в книгу Сангхасены — Гунавриддхи. Каждый рассказ — это искусно построенная крошечная новелла. Завязка сообщает о каком-нибудь обычном житейском случае: хозяин угощает гостя и для вкуса добавляет в пищу соли; у человека умер сын; отец, умирая, завещает разделить наследство по справедливости. Поворот темы показывает, что случилось после этого: глупец решает, что весь вкус в соли; соседи советуют похоронить покойника; сыновья сомневаются в справедливости дележа — пока еще ничего необычного не происходит. Вся суть рассказа заключена в развязке, ибо вывод из происшествия и продиктованные этим выводом действия настолько не вяжутся между собой, результаты настолько нелепы и неожиданны, до такой степени противоречат здравому смыслу, что не могли не вызывать у слушателей — а Гунавриддхи, судя по сказанному в его биографии, был искусным рассказчиком — взрыв смеха. В самом деле: глупец начинает есть одну соль; отец убивает второго сына, чтобы удобнее было нести трупы на коромысле; единственным способом разделить имущество поровну становится его уничтожение — все это несуразно и смешно. И мы можем поверить утверждению биографии Гунавриддхи,

что "ваны, гуны и более низкие по положению наперебой слали ему приглашения". Нужно заметить, что юмористическая новелла как жанр в это время еще не родилась и притчи Гунавриддхи, исполнявшиеся изустно, а потом записанные, явились в этом смысле совершенно новым словом в китайской литературе того периода.

Вторым нововведением "Сутры ста притч" было ее необычное для сборников коротких рассказов того времени, занявших, как мы уже говорили, видное положение в литературе эпохи Лю-чао, тематическое единство. Другие сборники буддийских притч, а также и собрания китайских коротких рассказов лишены объединяющей темы и составлены скорее по принципу отбора сюжетных повествований вообще. Если же с этой точки зрения взглянуть на "Сутру ста притч", то в ней решительно преобладают рассказы о глупцах. В сорока одной притче герои их прямо названы глупцами — и их поступки такой характеристике вполне соответствуют. Еще в шести случаях ведущие персонажи, поименованные "некими людьми" или "кем-то", совершают глупейшие поступки, и от замены этих слов на "глупцы" ничего не изменилось бы в сути рассказа. В остальных рассказах и притчах действуют брахманы, купцы, правители, женщины, воровы и разбойники, придворные, лекари, отшельники и их ученики, супружеские пары — вплоть до различных животных (лиса, обезьяна, голуби). И все персонажи совершают глупые поступки, не согласующиеся с тем, что полагается делать в таких случаях, и приводящие к нелепым, смехотворным результатам. Только немногие притчи (мы насчитали таких притч три) стоят несколько особняком. Из них притча 65 отличается от остальных сказочным сюжетом, напоминающим сказку о храбром портном. В ней трусливый человек, не отличающийся никакими особенными достоинствами, благодаря глупому стечению обстоятельств предстает перед окружающими как небывалый храбрец. В притче 81 герой ее просто не разобрался, в чем дело, его же глупость здесь ни при чем. В притче 52 царь сам по себе не глуп, но глупы оказываются музыканты, не сумевшие предусмотреть хитрый ход царя.

Единство содержания книги укрепляет нашу уверенность в том, что первоначальным названием сочинения, получившего в Китае название "Сутра ста притч", было "Гирлянда цветов глупости", как это сказано в заключительной ее фразе.

Сангхасена и Гунавриддхи не были бы буддийскими проповедниками и "Сутра ста притч" не была бы сутрой, если бы в книге были только рассказы о нелепостях и глупости, без буддийской дидактики. При рассмотрении сюжетов мы намеренно опустили дидактические, морализующие части притч. Теперь нужно к ним вернуться.

В биографии Гунавриддхи в "Собрании сведений" говорится о нем как о весьма популярном буддийском проповед-

нике. В "Каталоге годов Кай-юань" добавлена фраза, свидетельствующая, что его проповеди приносили его обители не только моральное удовлетворение, но и реальный доход. "Любил он копить ценности, — говорится там, — но не для себя, а для утверждения служения Закону Будды". Деятельность его, таким образом, направлена была на распространение буддизма и укрепление позиций этого учения. Поэтому естественным представляется, что каждая притча сопровождается моральным выводом. Дидактические концовки были уже в первоначальной редакции Сангхасены, и в заключительных стихах сутры есть на это прямое указание:

Чтобы составить все эти рассуждения,

Вместе собрал я эти смешные рассказы.

В многих из них — нарушение здравого смысла,

Должно ль так делать, увидишь в конце, в поученьях.

.....

Если ты мудр, то, истинный смысл восприняв,

Смех и забавы ты тотчас же должен отбросить.

То, что эти строки принадлежат Сангхасене, вряд ли может быть оспорено. При устной передаче именно стихи подвергаются наименьшим искажениям. Сама фактура этих стихов совпадает с таковой в тех стихах, которые можно обнаружить во многих переводах сутр на китайский язык. Стихи в сутрах резко отличаются от оригинальных китайских стихов, и в "Сутре ста притч" незаметно, чтобы ее стихотворные части (кроме конца сутры стихами изложена мораль в трех притчах: 59, 60 и 90-й) в каких бы то ни было отношениях сближались с непере译ной китайской поэзией.

Насколько Гунавриддхи изменил морализующие концовки исходного текста, можно видеть из приведенного выше сравнения притч "Сутры ста притч" с рассказами других собраний притч. Обратим внимание на некоторые детали. В приводившейся выше притче, параллельной притче 2, мораль гласит (берем только ту часть ее, которой есть соответствие в рассматриваемом здесь произведении): "Но в воде и огне непостоянства бывает так, что вдруг и собственную жизнь становится трудно сохранить. Пусть даже все не расточится внезапно за один день, так что и удержать ничего не удастся, но ведь имущество опасно для самого себя. Оно подобно ядовитой змее и не стоит того, чтобы питать к нему пристрастие". Наставление, как видим, достаточно абстрактное и не содержит в себе ничего, кроме общего положения о том, что богатство есть лишь суета сует этого бренного мира.

В притче Гунавриддхи сказано как будто о том же, но в совершенно иной форме: "Но не успеет такой человек собрать чего-нибудь много, как у него либо отнимут это уездные чиновники, либо пожар и наводнение, а /может

случиться), его ограбят или же он сам неожиданно умрет. Так и не наступит время даяний". Абстрактное положение о бесполезности и даже вреде накопления заменено вполне конкретным призывом к подаянию (которое в конкретной практике всегда мыслится как подаяние или пожертвование святой обители), а общее слово "расточится" заменено столь же конкретным указанием, от чего имущество может погибнуть. Особенно интересны слова об уездных чиновниках, подчеркнутые нами. Эти чиновники, ведавшие сбором налогов, были для рядового китайца самым ненавистным звеном административного аппарата. Обличительные выпады против них рассыпаны по всем произведениям китайской простонародной литературы³³. Появление уездных чиновников в "Сутре ста притч" показывает, что Гунавриддхи в своей проповеди учитывал массовые настроения слушателей-китайцев.

В притче, параллельной притче 54, находим следующую сентенцию, относящуюся к ученику, возгордившемуся перед учителем: "...не имея направляющей помощи в своих делах, все время впадал в беззаконие". Опять говорится в общей форме о "беззаконии", т.е. о нарушениях буддийского устава. Гунавриддхи прибегает к иной концовке. Он указывает конкретно, какие кары грозят нарушившим устав: отказавшиеся от учителя ученики "увлекают друг друга в подземную тюрьму для грешных душ".

Сходным образом изменилась и дидактическая концовка в притче 57. Вместо отвлеченного рассуждения: "Если объяснения еще во рту (т.е. не высказаны. — Л.М.), принцип еще не ясен для всех. Отсюда и возникают затруднения" — у Гунавриддхи совет, основанный на пословице, смысл которой знают все: "Всеми свое время... людям этого брэнного мира необходимо знать, когда время пришло, а когда — еще нет".

На основании этих сопоставлений мы можем утверждать, что не только фабульная сторона притч подвергалась изменениям в редакции Гунавриддхи. Мораль в притчах тоже перерабатывалась применительно к китайским вкусам и привычкам, ибо давно замечено, что китайцы стремятся к более конкретным сравнениям и сопоставлениям и к более практическим выводам, чем индийцы, для которых обычное абстрактное осмысление вопросов. Эту склонность к конкретности и практицизму нельзя заметить в других сборниках притч, которые, насколько можно судить по их особенностям и сохранившимся скудным историческим сведениям, в отличие от "Сутры ста притч" были записаны сразу же после отбора материала и соединения его в рамках одного сочинения. У нас нет оснований полагать, что первона-

³³

Мы, в частности, обращали внимание на аналогичные настроения в бьяньвэнь, см.: Бьяньвэнь о Вэймоцзе, с.42-43; Бьяньвэнь о воздаянии за милости. Ч.1, с.88-91.

чальная редакция Сангхасены в этом отношении разнилась с другими произведениями того же разряда. Наоборот, если мы обратимся к сохранившимся стихотворным концовкам (согласно нашему тезису, они должны в наибольшей мере соответствовать первоначальному виду наставительных концовок), то увидим, что их содержание больше напоминает абстрагирующую индийскую мораль.

В то же время приспособление сутры к вкусам китайской публики отнюдь не привело к сколько-нибудь заметной смене образной их системы и упоминаемых реалий на китайские. До этого Гунавриддхи не дошел: новая система, соединяющая индийско-буддийские и собственно китайские идеи и образы, часто в самом неожиданном виде, появляется в апокрифах периода Тан и находит свое полное развитие в бьяньвэнь³⁴. Но в "Сутре ста притч" глупец идет к реке Инд (притча 5); появляется "инородец, живущий в горах" (притча 8), — в Китае это был бы скорее степняк; героем рассказа является брахман (притча 11); отправляющиеся за море купцы идут сначала через пустыню (притча 14) — Китай же отделен пустыней не от моря, а от континентальных областей; человек прибывает в Государства Льва, т.е. на Цейлон (притча 19) и т.п. Лишь очень редко встречаются детали китайского быта. Так, в притче 12 огонь раздувают веером (как это делали в Китае). Если даже в фабульных частях притч почти не попадаетея китайских реалий, то в дидактических частях их обнаружить вообще невозможно.

Из всего сказанного мы можем сделать вывод, что произведение Сангхасены — Гунавриддхи, утвердившись на китайской почве, испытало влияние непереводаемой китайской повествовательной литературы со стороны композиции притч, получив более строгую организацию. Кроме того, наставления, которыми кончаются притчи, стали более конкретными, более практическими. В то же время притчи, включенные в сутру, не потеряли еще своей прямой связи с индийскими источниками и сохраняют реалии и образы индийские, не подменяя их в целом соответствующими китайскими, как это зачастую наблюдается в более поздних, относящихся к концу I тысячелетия н.э. произведениях жанра бьяньвэнь. В "Сутре ста притч" сделан только первый, достаточно робкий шаг в эту сторону. Понадобилось еще полтысячелетия, чтобы эта тенденция нашла свое полное развитие. Такая замедленность, постепенность оформления новых направлений вообще характерна для китайской классической литературы, освоение же ею опыта переведенной индийской (в ее буддийском варианте) литературы — это частный случай в общем неторопливо текущем потоке китайской словесности.

³⁴

Ср.: Бьяньвэнь о Вэймоцзе, с.61-63.

"Сутра ста притч" предстает перед нами в обычном для сутр оформлении. Если мы возьмем любую сутру, не являющуюся апокрифической, а также значительную часть апокрифических сутр, то увидим, что начало каждой из них стандартно. Схема вводных частей такова: "Вот что я слышал (или в другом переводе: именно так я слышал). Однажды Будда находился в таком-то месте вместе с такими-то (следует перечисление людей, небожителей, демонов и других персонажей, собравшихся перед Буддой)". Такое начало является законом построения каждого произведения, якобы сказанного (или действительно сказанного) Буддой и потом записанного согласно традиции со слов того или иного ученика, запомнившего рассказ Будды. Введение этого рода носит название "шесть точных сведений", каковые заключаются в следующем.

1. Указание на то, что это подлинные слова Будды (слова: "вот что я слышал" или "именно так я слышал").
2. Сообщение о том, кто это слышал и с чьих слов записана впоследствии сутра (слово "я", по традиции в связи с сутрами соотносимое, как правило, с любимым учеником Будды — Анандой, который везде следовал за учителем, обладал отличной памятью. Предание считает, что он слово в слово повторил проповеди Будды, другие записали вслед за ним. И так были составлены сутры).
3. Упоминание о времени рассказа Будды ("однажды").
4. Указание на рассказчика ("Будда").
5. Описание места, где рассказывалась сутра ("находился в..." — и далее следует название города, чаще всего Вайшали или Раджагрихи, и сада, дворца и т.п. в городе или возле него).
6. Перечисление слушателей (более или менее обширный список тех, кто пришел на собор).

После "шести точных сведений" следует вопрос или серия вопросов, обращенных кем-нибудь из слушателей к Будде, и ответ или серия ответов Будды. Завершаются вопросы и ответы переходом к тексту собственно сутры, предваряемой словами Будды: "Если вы желаете глубже постигнуть смысл мною сказанного, то послушайте сутру под таким-то названием". Тем самым вступление как бы удостоверяет, что мы имеем дело с подлинным рассказом Будды.

Про "Сутру ста притч" известно — как из биографии Гунвариддхи, так и из заключительной фразы самой сутры ("...созданная высокочтимым Сангхасеной"), — что традиция вовсе не приписывает составление произведения Будде и совсем не утверждает, будто Будда Шакьямуни когда-нибудь или где-нибудь рассказывал ее в сводном виде. И все-таки мы обнаруживаем в этом собрании притч вступление, полностью аналогичное тем, которые бытуют в канонических сутрах:

"Вот что я слышал. Однажды Будда находился в городе Жилище Правителя, в бамбуковой роще Цяофэн, вместе с ве-

ликими бхикшу, бодхисаттвами-махасаттвами и с восемью видами [небожителей и драконов] — всего было тридцать шесть тысяч человек".

Потом следует серия вопросов пятисот брахмачаринов — последователей "внешних учений" 外道 (или, как переводит этот термин И.С.Гуревич, "иных учений"), т.е. учений, несогласных с буддизмом, находящихся "вне" буддизма. Ответив весьма кратко на эти вопросы и подведя слушателей своими ответами к понятию нирваны, Будда делает их своими последователями. Потом Будда заявляет: "Слушайте внимательно. Сейчас я вам подробно изложу все притчи".

Примечательно, что вступление к "Сутре ста притч" находится в полном противоречии с тем, что мы знаем о действительной истории этой книги. Почему это случилось? Мы полагаем, что первоначально в сборнике Сангхасены такого вступления не было. Он, как видно из заключительных стихов и завершающей фразы, своей роли автора-составителя и не скрывал. Нелишне будет также обратить внимание на отсутствие подобных вступлений в остальных сборниках притч, имеющих, как мы знаем, иную творческую историю. Однако в процессе рассказывания сутры Гунавридхи, как можно думать, должен был свидетельствовать перед слушателями истинность высказываемых им сентенций — хотя бы утверждением, что все рассказываемое берет начало в подлинной проповеди Будды. Но при внимательном прочтении вопросов и ответов можно обнаружить во вступлении, в заключительных репликах Будды сходство с одним очень известным отрывком из знаменитого даосского сочинения Чжуан цзы. Брахмачарины возражают Будде, что раз он еще не в нирване, то он и не может утверждать что-либо о нирване. Будда напоминает им, что они тоже еще не испытали смерти, но знают, что смерть — это страдание. Этот ответ оказывается решающим в обращении брахмачаринов на путь истинный. Для сравнения приведем соответствующее место из Чжуан цзы (конец главы семнадцатой).

"Однажды Чжуан цзы вместе с Хуэй цзы прогуливался по мосту над рекой Хао. Чжуан цзы сказал:

— Рыбы выплыли, чтобы порезвиться на свободе, и этому рыбы радуются.

Хуэй цзы возразил:

— Но ведь вы — не рыба. Откуда же вы знаете, чему рады рыбы?

На это Чжуан цзы ответил:

— Но ведь вы — не я. Откуда же вы знаете, что я не знаю, чему рады рыбы?"³⁵.

³⁵ 莊子集釋。中華書局 ("Чжуан цзы" со сводным комментарием. Пекин, 1961, с.606-607).

Такое совпадение приема вряд ли случайно, особенно если вспомнить, что Гунавриддхи, согласно данным его биографии, занимался в молодости даосской практикой и, следовательно, должен был знать *Чжуан цзи* — одно из основных произведений даосского толка. Можно также показать, что и последовательность вопросов, которые брахмачарины в "Сутре ста притч" задают Будде, и сама их тематика, и ответы Будды — все это ближе к китайской традиции, чем к проповедям Будды, как они излагаются в сутрах махаянской школы.

В истории буддийской литературы в Китае мы знаем целую серию произведений, которые составлены внутри страны, переводами не являются и рассчитаны на вкусы и требования китайского слушателя или читателя. Цель таких сочинений — сообщить, как относится буддизм к тем понятиям, которые в буддийском каноне не рассматриваются, но в жизни Китая чрезвычайно важны. Одним из таких понятий является сыновняя почтительность³⁶. Несмотря на местное происхождение, подобные произведения оформлены как сутры и сказанное в них приписывается Будде. По-китайски они именуются "поддельными" или "сомнительными" сутрами (偽經, 疑經), в европейской же науке их обычно называют "апокрифами" или "апокрифическими сутрами"³⁷. В неоднократно цитированном "Каталоге годов Кай-юань" имеется специальный раздел, посвященный "поддельным сутрам". Значит, в VIII в. факт апокрифичности ряда сутр был ясно осознан, и неудивительно, ибо большинство из апокрифов танского времени, появившихся в этот период в массовом количестве, преподносят смесь вульгаризированного буддизма и традиционных китайских представлений. До периода Тан дело обстоит сложнее. В ранних дотанских каталогах нет специального раздела "поддельных сутр". Это не значит, что апокрифов в то время еще не было. Однако, во-первых, само понятие апокрифа еще не осознано и выделения апокрифов как особого течения китайской литературы в буддизме еще не произошло; во-вторых, само выделение для исследователя связано с большими трудностями, так как апокрифичность произведений, которые можно отнести к этому разряду, не столь очевидна, как в танский период. Поэтому каждый раз, когда есть подозре-

³⁶ Об этом подробно см.: Бяньвэнь о воздаянии за милости. Ч.1, с.72-91.

³⁷ См.: 牧田諦亮. 中國佛教における疑經研究序説. 敦煌出土疑經類をめぐって. — 東方學報 (Макита Тайрё. Введение в изучение апокрифов в китайском буддизме. В связи с апокрифами, обнаруженными в Дуньхуане. — Тōкō гакухō. 1964, №35. с.337-395); 牧田諦亮. 疑經研究. 京都大學 (он же. Исследования апокрифов. Киото, 1976).

ние на апокрифичность, произведение приходится тщательно анализировать. Признаки, которые удалось выявить при рассмотрении особенностей "Сутры ста притч", позволяют уверенно отнести ее к числу апокрифов, оформившихся весьма рано.

4. ПЕРЕВОДЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ "СУТРЫ СТА ПРИТЧ"

Сочинения буддийского канона, в первую очередь сутры, давно уже привлекают к себе внимание исследователей, прежде всего как неисчерпаемый источник сюжетов. В прошлом веке известный французский ученый Станислав Жюльен отобрал значительное количество рассказов, главным образом из сутр разделов "Джатака" и "Авадана", и опубликовал свой труд "Аваданы"³⁸, долгое время привлекавшийся исследователями сюжетов как весьма надежный источник. В начале XX в., через 60 лет после С.Жюльена, другой французский синолог Эдуард Шаванн продолжил дело своего предшественника, опубликовав четырехтомный свод, который полностью заместил материал, приведенный Жюльеном, и значительно его дополнил новыми, ранее не привлекавшимися сюжетами. Этот свод под названием "Пятьсот сказок и басен, выбранных из китайской Трипитаки в переводе на французский" до сих пор остается самым полным из трудов этого рода³⁹.

Нельзя не отметить плодотворность трудов обоих французских ученых в области ознакомления европейского читателя с неисчерпаемым морем буддийских сюжетов, что особенно справедливо для труда Шаванна. Они и поныне продолжают быть самыми надежными справочниками в этой области. В последние годы существенным пособием к тому же материалу (сюжетам из Трипитаки) явились индексы к китайской Трипитаке, издающиеся как справочные тома "Трипитаки Тайсё", и указатель мотивов в мировом фольклоре, составленный С.Томпсоном⁴⁰.

Ценность трудов Шаванна и Жюльена общепризнана, но они ставят своей целью представить не произведение буддийского канона, как таковые, а только те сюжеты, которые в них можно найти. Поэтому дидактические части тех

³⁸ Julien S. Les Avadānas. T.1, 2. P., 1859.

³⁹ Chavannes E. Cinq cents contes et apologues extraits du Tripiṭaka chinois et traduits en Français. P., t.1, 1910; t.2, 1911; t.3, 1911; t.4, 1934.

⁴⁰ 大正新修大藏經索引.東京(Индексы к Заново составленной Трипитаке годов Тайсё, Токио). Второй том индексов (1967) относится к разделу джатак и авадан, т.е. к томам III-IV "Трипитаки Тайсё"; *Tompson S. Motif Index of Folk Literature. New Enlarged and Revised Edition. Vols. 1-6. Copenhagen-Bloomington, 1955.*

или иных рассказов у них зачастую опущены, как не имеющие отношения к собственно "сюжетоведению". В результате буддийские сочинения, в частности и "Сутра ста притч", в их передаче предстают не как цельные литературные произведения, задуманные и выполненные по единому плану, а лишь как сборники басен, сказок, притч, никак между собой не связанных. Правда, Шаванн переводит также вступление и заключение сутры, а в последнем автор подчеркивает, что для него главное заключается именно в поучениях, смешные же рассказы приводятся для облегчения восприятия. Но слова заключительных стихов сутры вступают в противоречие с методом отбора у Шаванна, который вслед за Жюльеном отсекает моральные концовки как нечто побочное, второстепенное.

Кроме того, нам известно, что в конце XIX или начале XX в. к "Сутре ста притч" обращался профессор Петербургского университета А.О.Ивановский, по-видимому намереваясь использовать притчи при обучении студентов. Работу эту он не окончил, рукопись ее хранится в Архиве востоковедов при Ленинградском отделении Института востоковедения АН СССР⁴¹.

Таким образом, с точки зрения европейских исследователей, "Сутра ста притч" представляла ценность главным образом как источник сюжетов. Несколько иную картину мы застаем в Японии, стране, где буддизм как философское учение и как религия широко распространен и где поэтому существенную роль для читателя играет буддийское истолкование и применение сюжетов в интересующем нас произведении. В наше время упоминавшиеся уже Аканума Тидзэн и Нисио Миякоо перевели на японский язык полный текст сутры, ничего в нем не опуская, и снабдили перевод комментарием и исследованием⁴². Цели их издания в принципе отличаются от таковых у Жюльена и Шаванна. Серия, в которую включен их перевод, "Все сутры в переводе на язык нашей страны" предназначена прежде всего для японских буддистов. Если до новейшего времени китайский язык был непременной частью японского классического образования, то в XX в. положение переменилось и японскому читателю-буддисту стало уже недостаточным наличие китайских текстов буддийских произведений. Поэтому и было предпринято издание обширной серии переводов китайской Трипитаки на японский язык. Но уже потому, что Аканума и Нисио обращаются к читателю-буддисту, их внимание направлено не только и не столько на сюжеты, сколько на дидактические части сутры. Они, например, подсчитывают, сколько из морализующих концовок говорит о глупцах, сколько — о жителях брэнного мира и т.п. Исследование их оказывается

⁴¹ Архив востоковедов ЛО ИВАН СССР, ф.20, оп.1, ед.хр.30.

⁴² Все сутры в переводе на язык нашей страны. Разд. "Бэньюань". Т.7.

односторонним, но в ином смысле, чем у французских си-
нологов.

Сам перевод, как и все переводы серии, информационно-
го свойства. Это понятие в Японии носит несколько специ-
фический характер и нуждается в пояснении. Когда япон-
ские переводчики хотят в переводе с китайского передать
какое-либо произведение китайской литературы, они идут
обычно путем перевода многоступенчатого. Поскольку мно-
гие (хотя далеко не все) японские читатели и сейчас в
силу культурных традиций их страны и вследствие того,
что китайские иероглифы всегда были и остаются весьма
устойчивой частью японской орфографии, умеют читать ста-
рый китайский текст, то даже в популярных изданиях на
первом месте нередко стоит неизменный китайский ориги-
нал. Для облегчения чтения добавлены значки (*каэритэн*),
указывающие, в каком порядке стояли бы слова по прави-
лам грамматики японского языка. На втором этапе тот же
текст располагается без изменения входящих в него иерог-
глифов, но уже по правилам японской грамматики и с добав-
лением японских грамматических формантов. Около иерогли-
фов японской слоговой азбукой указано, как они читаются
по-японски. Это дословный перевод, как правило снабжен-
ный подробным фактическим комментарием. Третий этап со-
ставляет перевод художественный, который претендует на
то, чтобы ввести произведение в японскую литературу. Ав-
тор перевода отказывается здесь от сплошной китаизиро-
ванной лексики, и многие слова, записанные на втором эта-
пе иероглифами, теперь заменены на собственно японские.
Этот этап в тех случаях, когда текст сложен для восприя-
тия, сопровождается комментарием-парафразом, объясняю-
щим общий смысл текста и связь между отдельными его час-
тями.

В тех случаях, когда переводчик ставит своей целью
дать читателю точные сведения о переводимом тексте, не
претендуя на роль "соперника" (по выражению А.С.Пушкина)
переводимого автора, он ограничивается вторым этапом,
останавливаясь на дословном переводе чисто информаци-
онного характера. В серии "Все сутры в переводе на язык
нашей страны" такой характер имеют все переводы, в том
числе и перевод "Сутры ста притч", выполненный Аканума
и Нисю. Сочинение интересует их, следовательно, не как
произведение художественной литературы, а как текст
буддийского канона, который должен быть передан слово
в слово. Статья тех же авторов подтверждает этот вывод,
ибо с литературной точки зрения "Сутра ста притч" в ней
не рассматривается.

Под тем же углом зрения рассматривается "Сутра ста
притч" в ряду других произведений буддийского канона в
книге Хаясия Томодзиро, посвященной исследованию вопро-
са о том, какова была история сложения буддийских тек-
стов и как она отразилась в разновременных переводах од-

них и тех же сочинений на китайский язык⁴³. Определение того, насколько справедливы выводы Хаясия в отношении истории буддийских текстов, выходит за пределы задач, поставленных в данной статье, и потому здесь рассматриваться не будет.

В последние годы в Японии появились новые переводы "Сутры ста притч". Один из них, выполненный Танахаси Икко, по характеру своему близок к тому, который помещен в серии "Все сутры". Танахаси полностью принимает выводы, предложенные в исследовании Аканума и Нисию, не скрывая своей зависимости от них. Он даже озаглавил свой перевод "Упама-джатака", как это предлагали его предшественники, а название "Сутра ста притч" отнес в подзаголовок⁴⁴. Иную цель преследует перевод Фурута Кадзухиро

(古田和弘), помещенный в серии "Китайская классическая литература" издательства Хэйбонся и обращенный к массовому читателю⁴⁵. В томе "Буддийская литература" собрания джатак, авадак, притч, в том числе и "Сутра ста притч", представлены в избранных образцах (последняя в наибольшем количестве: 77 притч). В то же время отобранные сюжеты никак не сокращены, не исключая и морализующие концовки. Характер памятника, таким образом, сохраняется. Появление двух переводов — Танахаси и Фурута — отражает общую тенденцию, наблюдаемую в Японии в течение двух последних десятилетий: стремление к такому ознакомлению массового читателя с китайской классической литературой, которое делает необязательным обращение к подлиннику (исходные китайские тексты в такого рода сериях, как правило, не помещаются).

В Китае "Сутра ста притч", бывшая весьма популярной на протяжении веков как занимательное и назидательное чтение⁴⁶, хорошо знакома широким слоям народа и в настоя-

⁴³ 林屋友次郎. 異譯經類の研究. 東京. (Хаясия Томодзирё.

Исследования разных переводов сутр. Токио, 1945).

⁴⁴ ハパマーシヤカ(百喩經). 棚橋一晃譯. 東京, 誠信書房 (Упама-джатака — Сутра ста притч. Пер. Танахаси Иккё. Токио, 1969). — Пользуюсь случаем выразить свою благодарность Б.Л.Рифтину, взявшему на себя труд ознакомиться с данной статьей в рукописи и указавшему на ряд упущений в китайской и японской библиографии вопроса.

⁴⁵ 仏教文学集. 中國古典文学大系, 60. 東京, 平凡社

(Буддийская литература. — Китайская классическая литература. Т.60. Токио, 1975).

⁴⁶ В старину в Китае "Сутру ста притч" читали и как цельное литературное произведение, и по частям, выбирая те или иные притчи. О хождении отдельных притч свидетельствует как упоминавшаяся выше

шее время. В 1914 г. начинающий писатель Чжоу Шу-жэнь (впоследствии прославившийся под псевдонимом Лу Синь) предпринял на свои средства издание "Сутры ста притч"⁴⁷. Интерес его к этой сутре вряд ли покажется случайным, если вспомнить, что в своих сочинениях Лу Синь неоднократно обращается к произведениям буддийской литературы как к выдающимся творениям литературы и человеческой мысли, причем в первую очередь его интересуют сочинения повествовательного характера. В колофоне издания Лу Синь указал также, что он одновременно издает и сутру "Десять колес земных сокровищниц" (地藏十輪經), но была ли в самом деле издана эта сутра, мы сведений не имеем. Что же до "Сутры ста притч", то именно лусиневское издание легло в основу последующих ее перепечаток как в "Полном собрании сочинений Лу Синя" 1938 г., так и отдельно в 1955 г. в издательстве "Классическая литература"⁴⁸.

Наряду с полными изданиями текста сутры, преследующими, как и другие подобные китайские издания, задачу представить специалисту и квалифицированному читателю первоначальный, неискаженный текст памятника (изданиями филологически точными), есть в современном Китае и другой вид публикаций, предназначенный для читателя рядового, массового, часто малоподготовленного и даже недостаточно грамотного по части старых текстов. Для такого читателя печатаются книги двух типов: популярные переложения и "книжки-картинки". Здесь мы не можем претендовать на полноту изложения материала, ибо книги обоих

рукопись из Дуньхуана, где выписаны три притчи, так и различные своды притч, выбранных из разных сочинений. Наиболее полным сводом считается: 徐元太. 喻林. 萬曆乙卯 (Сюй Юань-тай. Лес притч. [Б.м.], 1615). Отсюда ясно, что принцип выбора притч имеет в Китае достаточно давнюю традицию.

⁴⁷百喻經. 周樹人施. 金陵. 民國三年秋九月 (Сутра ста притч. Издал Чжоу Шу-жэнь в Цзиньлине (Нанкине) в третьем году Республики (1914), осенью девятой луны]. Из советских исследований о Лу Сине это его издание отмечено только в кн.: Петров В.В. Лу Синь. Очерк жизни и творчества. М., 1960, с.51-52. По колофону издания книга отпечатана в девяную луну третьего года Республики (т.е. в октябре-ноябре 1914 г.). В дневниках Лу Синя есть запись о получении экземпляров издания от 11 января 1915 г., см.: 魯迅日記. 北京. 人民出版社 (Лу Синь. Дневники. Пекин, 1976, с.126). От выхода издания до получения его Лу Сином вполне могло пройти месяц-полтора.

⁴⁸魯迅全集. 上海 (Полное собрание сочинений Лу Синя. Т.8. Шанхай, 1938); 百喻經. 上海, 古典文學刊行社 (Сутра ста притч. Шанхай, 1955).

типов издаются в самых разных уголках Китая и учет их становится поэтому весьма затруднительным.

К первому типу следует отнести два из известных нам изданий. Одно из них выпущено в 1926 г. Ван Пинь-цином и сопровождается вступительной заметкой Лу Синя⁴⁹. Заметим, что Ван Пинь-цин отбросил название "Сутра ста притч" и выбрал то, которое указано в заключительных словах сутры: "Гирлянда цветов глупости". Эта книга отличается от всех предыдущих изданий сутры тем, что Ван Пинь-цин, как писал Лу Синь, "будучи влюблен в эти прелестные притчи, отсекает моральные поучения, оставив только сами притчи". Это была первая попытка такого рода, но, как мы увидим, ей следуют почти все китайские популярные издания новейшего времени. Так, в 1948 г. известный писатель Фэн Сюэ-фэн, автор многих китайских притч, печатал в шанхайских газетах свои переложения из "Сутры ста притч", а потом опубликовал их отдельной книгой⁵⁰. Концовки он, как и Ван Пинь-цин, убрал.

Второй вид современных популярных изданий — "книжки-картинки" — это наиболее массовые издания Китая XX в., выпускаемые огромными тиражами. Нам удалось ознакомиться с тремя такими изданиями "Сутры ста притч", но можно не сомневаться, что в действительности их гораздо больше. Первая из "книжек-картинок" — это своеобразная переработка 37 притч, выполненная Чжэн Ши-фэном⁵¹. Сохранив сюжеты притч, Чжэн Ши-фэн удалил из них буддийские нравоучения, заменив их новыми, применительно к новой жизни современного Китая. Поучения эти, местами весьма наивные и прямолинейные, придают притчам совершенно иную окраску и смысл, отличные от прежних, буддийских. По существу, Чжэн Ши-фэн создал новые произведения на основе старых сюжетов. Вторая из доступных нам "книжек-картинок" составлена Ни Хай-шу, известным переводчиком классической китайской поэзии на современный китайский язык⁵². В своих переводах Ни Хай-шу гораздо ближе к подлиннику,

⁴⁹ 癡筆鬢. 王品青校訂. 上海, 北新書局 (Гирлянда цветов глупости. Сост. Ван Пинь-цин. Шанхай, 1926). Заметку Лу Синя см. также: 魯迅. 集外集. 北京, 人民文學出版社 (Лу Синь. Не вошедшее в сборники. Пекин, 1952, с. 98-99).

⁵⁰ 馮雪峯. 百喻經故事. 上海 (Фэн Сюэ-фэн. Истории из "Сутры ста притч". Шанхай, 1948).

⁵¹ 百喻經新釋. 鄭拾風文. 上海, 人民美術出版社 ("Сутра ста притч" с новыми толкованиями. Текст Чжэн Ши-фэна. Шанхай, 1956).

⁵² 百喻經故事. 倪海曙譯述. 上海, 文化出版社 (Истории из "Сутры ста притч". Перевел Ни Хай-шу. Шанхай, 1957).

чем Чжэн Ши-фэн, но нравоучительные концовки притч повсеместно опущены. Наконец, третье издание, где из общего количества притч отобрано 55, также отбрасывает нравоучительные заключения и даже название произведения. "Книжка-картинка" носит заглавие "Богатый старик строит трехъярусную башню"⁵³.

По приведенным примерам видно, что в Китае XX в. признают популярность "Сутры ста притч" и что целый ряд авторов-популяризаторов способствуют ознакомлению народа с ее сюжетами и тем самым еще большему их распространению. С другой стороны, предпринимаются определенные усилия к тому, чтобы буддийская мораль, составляющая идейное содержание сутры, из этих сюжетов была удалена. В этом отношении современные китайские ученые и популяризаторы стоят ближе к французским синологам (хотя и преследуют иные цели), чем к своим японским коллегам.

Из всего обзора, отнюдь не претендующего на полноту, а ставящего своей задачей лишь выделение основных направлений в исследованиях, обработках и переводах "Сутры ста притч", видно, что как памятник китайской словесности, интересный в его полном виде и значительный для своего времени, занимающий определенное место в истории китайской литературы (и прежде всего художественной повествовательной прозы), — в этом плане никто данное произведение до сих пор не рассматривал. Усилия ученых были направлены или на выяснение места этого произведения в китайской Трипитаке, или на историю его сложения, или же на его исследование как источника сюжетов. Настоящий перевод и данная статья призваны в какой-то мере заполнить эту лауну.

Предлагаемый перевод преследует двоякую цель. С одной стороны, он не претендует на то, чтобы быть художественным в полном смысле этого слова, переводчица И.С.Гуревич поставила себе задачу ознакомить читателя с не сокращенным ни в каких частях переводом сутры при возможно более точной передаче оригинала. С другой стороны, любой перевод, в том числе и строго научный, имеет право претендовать на то, чтобы не нарушать норм языка, на который произведение переводится. Русская стилистика не любит дословных повторений, которыми изобилует китайский оригинал. Поэтому многие слова, выражения и целые периоды, по-китайски написанные совершенно одинаково, в переводе варьируются в пределах близких по значению синонимов и оборотов. В этом смысле перевод дословным не является.

В тексте памятника буддийские имена, географические названия и термины передаются двояко: либо путем перево-

⁵³

富翁造三層樓. 上海, 兒童文學出版社 (Богатый старик строит трехъярусную башню. Шанхай, 1957).

да на китайский язык, либо китайской транскрипцией санскритских слов. В переводе сделана попытка сохранить эту особенность оригинала. Значимые (переведенные на китайский) имена и термины в большинстве переводятся и на русский язык (например, "город Жилище Правителя"), в тех же случаях, когда перевод оказывается затруднительным (например, "Жулай"), оставлена транскрипция китайского слова. Если же слово китайского оригинала является транскрипцией иноязычного слова, там, где это возможно, восстанавливается его первоначальное звучание (как, скажем, в словах "бхикшу", "бодхи", "сротапанна"). Но коль скоро это оказывается невозможным, то транскрибируется китайская его передача (например, "пишача").

В основу перевода положено издание 1914 г., осуществленное Лу Синем. С досок для печатания ксилографа, заказанного Лу Синем, было сделано всего сто отпечатков. Понятно, что при таком небольшом тираже книга стала библиографической редкостью. Нам не удалось обнаружить упоминаний об этом издании ни в одном из известных нам каталогов современных китайских библиотек. В библиотеке Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР имеется экземпляр "Сутры ста притч", подаренный в 1957 г. проф. Бао Чжэн-гу. Поскольку этот ксилограф дает разделение сутры на две цзюани, перевод сохраняет и эту его особенность. Для удобства принята нумерация притч, отсутствующая в первоначальном тексте, но введенная составителями "Трипитаки Тайсэ".

В квадратные скобки заключены слова, в подлиннике отсутствующие, но добавленные для связности перевода.

Краткий комментарий, составленный И.С.Гуревич, предназначен для пояснения встречающихся в тексте бытовых реалий и буддийских терминов. Объяснения относятся только к тем реальным значениям, которые встречены в данном тексте, и не дают поэтому всестороннего раскрытия сложных буддийских понятий. Это вызвано самим характером сочинения, обращенного скорее к "профанам", чем к глубоким знатокам учения.

Л.Н.Меньшиков

СУТРА СТА ПРИТЧ

СУТРА СТА ПРИТЧ

ЦЗЮАНЬ ПЕРВАЯ

*Высокоцитимый Сангхасена составил при династии Ци,
основанной родом Сяо.*

*Гунавриддхи, наставник по Трипитаке
из страны Тяньчжу¹, перевел.*

Вот что я слышал. Однажды Будда находился в городе Жилище Правителя², в бамбуковой роще Цяофэн, вместе с великими бхикшу³, бодхисаттвами-махасаттвами⁴ и с восемью видами [небожителей и драконов]⁵ — всего было тридцать шесть тысяч человек.

Было тогда среди собравшихся пятьсот брахмачаринов⁶, которые исповедовали иные учения. Они поднялись со своих мест и, обращаясь к Будде, сказали: "Мы слышали, что учение Будды обширно и глубоко, что никто не может его постичь, поэтому мы и пришли покорнейше просить, чтобы ты только разъяснил нам его".

Будда сказал: "Очень хорошо".

Брахмачарины спросили: "Мир есть нечто или ничто?"

Будда ответил: "И нечто, и ничто".

Брахмачарины спросили: "Если он нечто, то как же ты говоришь, что он ничто? А если он ничто, то как же ты говоришь, что он нечто?"

Будда ответил: "Живущий скажет "нечто"; умерший скажет "ничто". Поэтому я и говорю и "нечто", и "ничто".

Брахмачарины спросили: "Из чего рождаются люди?"

Будда ответил: "Люди рождаются из зерна".

Брахмачарины спросили: "Из чего возникли пять зерен?"

Будда ответил: "Пять зерен возникли из огня и ветра, что из четырех великих стихий".

Брахмачарины спросили: "А откуда взялись огонь и ветер, что из четырех великих стихий?"

Будда ответил: "Огонь и ветер из четырех великих стихий возникли из отсутствия чего бы то ни было".

Брахмачарины спросили: "А откуда взялось отсутствие чего бы то ни было?"

Будда ответил: "Из отсутствия чего бы то ни было".

Брахмачарины спросили: "Из чего же возникло отсутствие чего бы то ни было?"

Будда ответил: "Оно возникло из собственной сущности".

Брахмачарины спросили: "А собственная сущность откуда взялась?"

Будда ответил: "Из нирваны".

Брахмачарины спросили: "А откуда взялась нирвана?"

Будда сказал: "То, о чем вы сейчас спрашиваете, настолько глубокие вещи! Нирвана — это дхарма⁷, которая не рождается и не умирает".

Брахмачарины спросили: "А ты, Будда, это нирвана или еще нет?"

Будда ответил: "Еще не нирвана".

"А если это еще не нирвана, то откуда тебе известно о вечном блаженстве нирваны?"

Будда сказал: "Сейчас я спрошу у вас: все живые существа пребывают в радости или в страданиях?"

Брахмачарины ответили: "Все живые существа пребывают в невероятных страданиях".

Будда сказал: "Почему вы называете это страданиями?"

Брахмачарины отвечали: "Мы видим, что, когда наступает смерть, все живые существа претерпевают невыносимые муки, поэтому мы знаем, что смерть — это страдание".

Будда сказал: "Хотя вы сейчас не умираете, вы все же знаете, что смерть мучительна. Я же вижу, что все будды десяти сторон не рождаются и не умирают, поэтому я знаю, что нирвана — это вечная радость".

У всех пятисот брахмачаринов сердца раскрылись, разум сбросил путы. Они возжелали дать обет о [соблюдении] пяти запретов⁸. Они постигли плоды сротаннны⁹. Они снова уселись как прежде, и Будда сказал: "Слушайте внимательно. Сейчас я вам подробно изложу все притчи".

Притча 1. Про то, как глупец ел соль

Однажды глупец попал в дом какого-то человека. Хозяин стал потчевать его. Но [еда] была пресной и безвкусной. Поняв это, хозяин добавил соли. Когда соли стало по вкусу, глупец про себя подумал: "Значит, все дело в соли. Если от одной щепотки стало так вкусно, каково же будет, если положить побольше!"

Дурак есть дурак: он тут же принялся есть одну соль. Проглотил и, вместо того чтобы усладить вкус, напротив, заставил его страдать.

Это похоже на то, что было с тем еретиком¹⁰: услышав, что воздержанием в пище и напитках можно достичь истины, он вовсе перестал есть. Прошло то ли семь, то ли пятнадцать дней, он лишь напрасно морил себя голодом, несколько не приблизившись к истине.

То же и с нашим глупцом: полагая, что вкус зависит от соли, он стал есть одну соль, добываясь приятных ощущений во рту.

Что один, то и другой.

Притча 2. Про то, как глупец накапливал коровье молоко

Некогда к глупцу должны были прийти гости. Он решил собрать коровьего молока, намереваясь попотчевать их. И стал думать так: "Если я, начав заблаговременно, буду ежедневно надаивать, то через какое-то время молока соберется много. А вдруг не окажется места для хранения или еще: оно прокиснет? Не лучше ли сохранять его в животе самой коровы, а когда придет время принимать гостей, тогда разом все и выдоить". Приняв такое решение, он тут же развел корову и теленка и привязал их порознь.

Прошел месяц, только тогда он устроил пир. Встретив и усадив гостей, хозяин наконец привел корову, чтобы выдоить молоко. Но молока-то у коровы не оказалось: оно пропало. И тогда одни гости рассердились, а другие посмеялись.

С глупцом всегда бывает так: когда он хочет совершить даяние¹¹, он говорит: "Я дождусь, когда у меня [чего-нибудь] будет много, тогда и раздам сразу". Но не успеет такой человек собрать чего-нибудь много, как у него либо отнимут это уездные чиновники, либо пожар или наводнение, а [может случиться], его ограбят или же он сам неожиданно умрет. Так и не наступит время даяний. Точь-в-точь как с тем [хозяином, который собирал молоко].

Притча 3. О том, как грушей разбили голову

Жил некогда один глупец с лысой головой. Кто-то ударил его по голове грушей. Потом ударил второй и третий раз, да так, что всю голову расшиб. При этом дурак молча терпел и не догадался убежать.

Окружающие, видя это, говорили ему: "Что же ты не убегаешь? Стоишь, а тебя колотят, и вот уже голова разбита". А дурак на это отвечал: "Взять, скажем, к примеру, этого человека: он заносчив, полагается только на свою силу. Он глуп, ему недостает разума: видит, что у меня на голове нет волос, и принимает ее за камень. И ну колотить грушей по голове, так что вконец голову и расшиб".

"Вот ты и есть дурак, — сказали окружающие, — как же ты можешь кого-то называть глупым! Будь ты поумнее, разве б не сообразил убежать, когда тот стал тебя колотить и расшиб голову!"

Бывает то же и с бхикшу. Они не могут в полной мере соблюдать обеты, в которые верят, и усовершенствоваться в той мудрости, которую услышали¹². Они заботятся лишь о ложных обрядах и церемониях¹³, стремясь обрести для себя выгоду.

Точно как с тем глупцом: его били по голове, а он не догадался убежать, и, будучи весь изранен, он обозвал

дураком того, который бил. Во всем похожи на него и эти бхикшу.

Притча 4. Про то, как жена прикинулась мертвой

Некогда у одного глупца была красивая жена. Он очень любил ее, а жена не отличалась ни целомудренностью, ни верностью.

Прошло сколько-то времени, и она вступила в связь с другим. Преисполненная порочных желаний, она решила бросить своего мужа и уйти к любовнику. При этом она обратилась с тайной просьбой к старой служанке: "Раздобудь-ка ты тело какой-нибудь умершей женщины и после моего ухода внеси труп в дом, а мужу скажи, что я умерла".

Старуха улучила время, когда мужа не оказалось дома, и внесла в дом женский труп. Когда муж вернулся, старая служанка сообщила ему: "Жена твоя умерла". Муж тут же взглянул на труп и признал в нем свою жену. Поплакав и погоревав о ней, он подложил большую охапку хвороста, облил труп маслом и сжег, а костями наполнил мешок и держал его день и ночь при себе.

Прошло еще сколько-то времени, жене надоел ее любовник, и она вернулась домой. Мужу своему она сказала: "Я — твоя жена". На это муж ей отвечал: "Моя жена давно умерла. Кто же ты, что несешь такой вздор, будто ты моя жена?"

Жена уверяла его еще и еще раз, но он ей так и не поверил.

Точно как с тем еретиком: он услышал какое-то ложное учение, и, хотя в душе его возникло сомнение, он все же счел учение за истинное, и его уже никогда нельзя было переубедить. А услышав действительно истинное учение, он не уверовал в него и не воспринял.

Притча 5. О том, как тамимый жаждой увидел воду

Некогда один глупый человек, не наделенный разумом, томился от жажды и искал воду. Увидев марево, он подумал, что это вода, и побежал [в том направлении]. Так он дошел до реки Синьтоухэ¹⁴.

У реки он остановился и, уставившись, стал смотреть, но не пил.

Окружающие сказали: "Ты мучился от жажды и спешил к воде. Вот ты у воды, отчего же не пьешь?" Глупец отвечал: "Благородный муж должен пить до дна; [значит], я должен выпить всю реку. Но в ней очень много воды, нам даже вместе всю не выпить. Потому я и не пью".

Услышав такие речи, все окружавшие его люди захохотали.

Точно как с тем еретиком, который нелепо истолковал закон: поскольку я не могу полностью соблюсти обеты, [завещанные] Буддой, то я их вовсе не приемлю. В результате в будущем он не постиг и доли истины, оставаясь в круговороте жизни и смерти¹⁵.

Здесь то же самое, что было с тем глупцом, [томившимся от жажды]: он глядел на воду, но не пил и был осмеян очевидцами.

*Притча 6. Про то, как у одного человека умер сын,
а он захотел оставить труп в доме*

Некогда у одного глупца росло семеро сыновей. Но вот один из семерых безвременно умер.

Когда глупец увидел, что сын мертв, он решил было, что оставит труп в доме, а сам уйдет из дома. Соседи, узнав об этом, сказали ему: "Пути живых и мертвых расходятся: ты бы поскорее обрядил [покойника] и похоронил его в отдаленном месте. Зачем же оставлять [в доме труп], а самому уходить?"

Выслушав это, глупец про себя подумал: "Если никак нельзя его оставить, а обязательно нужно хоронить, то лучше убить еще одного сына: нести на коромысле с двух сторон гораздо удобнее". И он без промедления убил второго сына и понес [оба трупа]. Похоронил он их далеко, в пустынном месте. Видевшие это громко хохотали и удивлялись столь невиданному случаю.

Вроде как с тем бхикшу: он тайно нарушил один обет, но, вместо того чтобы устыдиться, раскаяться, он умолчал, все сокрыл и говорил о своей чистоте. Но тут какой-то мудрец сказал ему: "Человек, ушедший от мира, соблюдает обеты, как хранил бы драгоценную жемчужину — не роняя, чтобы не появился изъян. Как же так: ты сейчас нарушил обет и не стремишься покаяться". Бхикшу сказал: "Если уж так нужно покаяться, то я заодно нарушу еще один обет и тогда уж разом покаюсь". И он нарушил еще один обет, совершил много недобрых поступков и во всех покаялся.

Как тот дурак: когда один сын у него умер, он сам убил второго; точно таков и наш бхикшу.

Притча 7. Про то, как некто назвал другого братом

Жил-был человек, красивый собой, исполненный мудрости. К тому же владел большим богатством. Все без исключения восхищались им.

Живший в те же времена дурак, видя такое, сказал: "Он придется мне братом. А раз так, то при случае я могу воспользоваться его богатством. Ведь для этого я и назвал его братом".

Но вот дурак увидел, что тот же человек возвращает долг, тогда он сказал: "Никакой он мне не брат".

Окружающие сказали: "Да ты просто дурак: когда тебе нужны были его деньги, ты называл его своим братом; когда же оказалось, что у него долги, ты утверждаешь, что он тебе вовсе не брат". Дурак им отвечал: "Я называл его братом, когда хотел воспользоваться его богатством. На самом же деле никакой он мне не брат. А раз у него долги, то я и говорю, что он мне не брат".

Все до единого осмеяли его, услышав такой ответ.

Подобное было и с тем еретиком: услышав слова Будды о добре, он присвоил их и выдавал за свои. Когда же окружающие хотели, чтобы он совершенствовал свои поступки, он не пожелал их совершенствовать, заявляя: "Слова Будды о наставлении на Путь всего сущего я присвоил в расчете на выгоду, а не ради истинных деяний. Зачем же мне совершенствовать свои поступки?"

Точно так же как с тем дураком: для того чтобы воспользоваться богатством, он называл братом чужого человека. Но стоило лишь этому человеку оказаться в долгах, как дурак сказал: "Никакой он мне не брат". Так же поступил и этот еретик.

*Притча 8. Про то, как инородец, обитавший в горах,
украл платье из кладовой правителя*

В давно прошедшие времена какой-то инородец, обитавший в горах, похитил вещь из кладовой правителя и сбежал куда-то далеко.

Правитель немедленно разослал людей во все концы. [Вора] нашли, схватили и привели к правителю. Правитель спросил, где он взял платье. Тот ответил: "Эта вещь досталась мне по наследству еще от моего деда". Правитель велел ему надеть платье. Но поскольку на самом деле это было чужое платье, то инородец и не знал, с какого конца его надевать: то, что нужно было надевать на руки, он надел на ноги; то, что должно было быть на поясе, оказалось на голове.

Убедившись, что перед ним вор, правитель собрал всех своих сановников, они обсудили случившееся и сказали инородцу следующее: "Если бы это платье действительно принадлежало твоему деду, ты бы знал, как его надевать. Разве стал бы ты надевать все шиворот-навыворот и то, что должно было быть сверху, у тебя оказалось снизу? Неумелое обращение с платьем как раз и доказывает, что прежде у тебя не было этой вещи и ты ее украл".

Давайте уподобим правителя Будде, сокровищницу — Дхарме, а глупого инородца — еретика.

Тайком подслушав Дхарму Будды, еретик включил ее в свою Дхарму и выдал за свою собственность. Но поскольку

он не разбирался в Дхарме Будды, то, излагая ее, он поставил все с ног на голову. Он не знал проявления Дхармы.

Этот еретик поступил точно так, как тот инородец, который украл у правителя дорогой наряд, но, не зная, в каком порядке его надевать, надел шиворот-навыворот.

Притча 9. Про то, как восхвалялась отцовская добропорядочность

В давние времена какой-то человек расхваливал перед собравшимися добропорядочность своего отца. Он говорил: "Мой отец милосерден, он не убивает и не ворует. В поступках прям, в речах правдив, а сверх того, занимается раздачей милостыни".

Эти слова услышал один дурак и заявил: "Мой отец своей добропорядочностью значительно превзошел твоего".

Люди спросили: "Какие же похвальные поступки совершил твой отец? Пожалуйста, расскажи нам о них". Дурак отвечал: "Мой отец с самого детства пресек в себе плотские желания и никогда не осквернял себя ими". Люди сказали: "Если твой отец пресек в себе плотские желания, то как же ты родился?" Ну и высмеяли его все окружающие!

Так поступает и тот в этом мире, кто, будучи лишен разума, подвержен перерождениям: он хочет воспеть добродетели человека, но так как он не разбирается в существе дела, то его [похвала] превращается в хулу.

Точно как с тем глупцом: хотел прославить отца, но своими высказываниями развенчал его.

Притча 10. О трехэтажной постройке

Когда-то давно жил-был глупый богач. Он был туп, ни о чем не имел понятия. Пошел он к другому богачу, увидел у того башню в три этажа, высокую, просторную, величественную. С высоты ее видна необозримая даль.

Глупца охватила зависть, и он подумал: "В богатстве я ему не уступаю. Почему бы и мне не соорудить такую же башню и [сделать это] не откладывая?"

Он сейчас же позвал плотника и спросил у него: "Сможешь построить такую же красивую башню, как у того богача?" Плотник отвечал: "Это я ее и строил". — "Тогда, — сказал глупец, — точно такую же построй теперь для меня".

Плотник тут же замерил землю и стал закладывать фундамент постройки. Глупец видел, как тот делает кирпичную кладку, чтобы возвести строение, в чем-то усомнился, забеспокоился. Будучи не в силах разобраться, спросил у плотника, что он намерен делать. "Строить трехэтажное здание", — отвечал тот. Но глупец продолжал: "Мне ни к чему два нижних этажа. Ты сначала построй мне самый верх-

ний!" — "Но такого еще не бывало, — отвечал плотник. — Разве можно, не заложив фундамента, возводить первый этаж? А не построив второго, как можно строить третий?" Но глупец упрямо твердил: "Да мне не нужны два нижних этажа. Ты мне строй самый верхний".

Услышав такое, все окружающие хохотали от изумления и говорили: "Как можно, не построив нижнего этажа, соорудить верхние?"

Уподобим это ученикам Шицзуня¹⁶, принадлежащим к четырем категориям¹⁷. Они не могут усердно совершенствоваться и почитать три драгоценности¹⁸. Они ленивы и расхлябанны, но хотят достичь результата Пути¹⁹. Они говорят так: "Нам теперь не нужны три первых результата²⁰, нам нужен лишь результат, который соответствует состоянию архата²¹". И они были осмеяны окружающими. Точь-в-точь как тот глупец.

Притча 11. Про то, как брахман убил сына

Некогда жил брахман, который думал, что много знает. Он разбирался в гаданиях по звездам и постиг все без исключения магические обряды. Возгордившись, он захотел, чтоб и [другие] узнали о его достоинствах. Для этого, придя в страну, где его не знали, он взял на руки ребенка и стал плакать.

Кто-то спросил брахмана: "Почему ты плачешь?" — "Этот ребенок, — отвечал брахман, — через семь дней умрет. Я скорблю о том, что жизнь этого младенца такая короткая. Оттого и плачу". Окружающие сказали: "Что предначертано судьбой, знать невозможно. А если, к счастью, твои расчеты неверны и через семь дней сын не умрет, зачем же оплакивать его раньше времени?" Брахман отвечал: "Солнце и луна могут померкнуть, созвездия могут осыпаться, но мое предсказание не может не исполниться".

Ради собственной славы брахман к концу седьмого дня убил сына. Таким образом он доказал, что его предсказание сбылось.

Когда через семь дней стало известно, что ребенок умер, люди в мире заговорили с восхищением: "Да он и впрямь мудрец — не ошибся в предсказании". И сердца их преисполнились веры в него. Они приходили к нему, чтобы выразить свое почтение.

Нечто подобное происходит с учениками Будды, принадлежащими к четырем общинам: во имя собственной выгоды они похваляются, будто обрели истинный Путь. Но действуют они по закону глупцов: убивая действительно достойных людей, обманным путем выдают себя за милосердных и добродетельных. За такое они в будущем подвергаются неисчислимым страданиям.

Происходит то же, что с брахманом, который для доказательства своей правоты убил сына и тем самым ввел мир в заблуждение.

Притча 12. Про то, как некто варил медовый сироп

Некогда глупец варил медовый сахар. Пришел к нему в гости богач. Глупец подумал: "Нужно бы угостить богача медовым сиропом". Он влил в сахар немного воды и поставил на огонь, а над огнем стал размахивать веером, чтобы сироп поскорее остыл.

Человек, находившийся рядом, сказал: "Пока не погасишь огонь под сиропом, сколько бы ты ни махал веером, все равно сироп не остынет". Тут все вокруг стали громко смеяться.

Это можно уподобить тому, что происходит с еретиком. Не погасив полыхающего огня суеты и треволнений, он с молодых лет предается аскетизму: спит на шипах терновника, жжет свое тело на пять ладов²², надеясь, что находится на Пути к очищению и умиротворению. Но все напрасно: он никогда не достигнет этой цели и только подвергнется осмеянию со стороны премудрых. Он и в настоящем терпит муки, и в будущие калпы²³ обречен на бесприютность.

Притча 13. Рассказ о том, как один человек легко впадал в ярость

В давно прошедшие времена какой-то человек с восторгом рассказывал собравшимся в одном доме людям о том, сколь восхитительно добропорядочное поведение некоего незнакомца. Последний имеет лишь два недостатка: во-первых, он легко впадает в ярость, во-вторых, он чрезмерно поспешен в действиях.

Как раз в это время человек, о котором шла речь, проходил мимо и услышал разговор. Он рассвирепел, ворвался в дом, схватил человека, говорившего о его пороках, и дал ему пощечину.

Окружающие спросили: "За что же ты его бьешь?" В ответ они услышали: "Когда это я легко впадал в ярость и был поспешен в действиях! А этот человек говорит, что я легко впадаю в ярость и допускаю поспешные поступки. За эти слова я его и ударил". — "Вот и сейчас своим поведением ты доказал, что легко впадаешь в ярость и очень поспешен в действиях, — заметили окружающие. — Как ты еще можешь это отрицать! Едва только человек обмолвился о твоих недостатках, как ты впал в ярость и избил его".

Всех поразило глупое заблуждение этого человека.

Подобное же происходит с человеком, который, живя в этом бrenном мире, пристрастился к вину. Утратив чувство

меры, он пьет запоем, совершает непоправимые поступки. Услышав же укоры со стороны людей, еще более распоясывается. А ведь если бы он прислушался к доводам, то с их помощью он бы и сам все понял.

Точно как с тем глупцом, который пытался утаить свои недостатки. Когда же другой стал говорить о них, то глупец его же еще и ударил.

Притча 14. Про то, как торговцы убили своего проводника, принесли его в жертву небу

Однажды торговцы задумали отправиться в заморские страны. Согласно закону для путешествия за море полагалось сначала найти проводника и только потом можно было покататься в путь.

Торговцы все вместе взялись за поиски и нашли себе проводника. Он сразу же повел их. Вот подошли они к большой пустыне. Там стоял храм, где приносили жертвы небу. Нужно было принести в жертву человека, лишь после этого можно было следовать дальше.

Торговцы стали совещаться между собой: "Все мы, спутники, друг другу приходимся родней. Как же можно кого-то из нас убивать! Остается один лишь этот проводник. Из всех нас его одного можно принести в жертву небу". Тут же они убили проводника и принесли жертву небу.

Но вот закончилась церемония жертвоприношения. Спутники сбились с пути, не знали, куда двигаться. От истощения и усталости все они погибли.

Точно таким же образом поступают и люди, живущие в бренном мире: они хотят выйти в море Закона²⁴ и добыть его сокровища. Для этого нужно упражняться в исполнении закона добра. Они же полагаются на наставника, а сами разрушают добрые свершения и навсегда остаются на бескрайней дороге рождения и смерти²⁵. Они идут по трем дорогам зла²⁶ и будут вечно терпеть муки.

С ними происходит то же, что с теми торговцами, которые собирались путешествовать в заморские страны, а сами убили проводника, [после чего] они блуждали, сбившись с пути, и в конце концов погибли от невыносимых страданий.

Притча 15. Про то, как от снадобья лекаря дочь правителя сразу повзрослела

Некогда у правителя одного государства родилась дочь. Правитель призвал лекаря и сказал ему: "Дай мне лекарство, от которого моя дочь сразу стала бы взрослой".

"Я дам тебе отменное снадобье, от которого дочь твоя сразу станет взрослой, — отвечал лекарь, — только сейчас

его нет, оно кончилось, и, значит, придется раздобывать. А до тех пор пока я не достану лекарство, правитель не должен видеть дочь. Только после того как я дамой снабдью, правителю покажут девочку".

И не откладывая лекарь отправился в дальние страны за лекарством.

Через двенадцать лет он привез лекарство, дал девочке, чтобы она приняла, и повел ее к правителю. Правитель увидел дочь, обрадовался и про себя подумал: "И в самом деле превосходный лекарь: дал моей дочери лекарство, от которого она сразу повзрослела". И распорядился, чтобы приближенные одарили лекаря драгоценностями.

Тогда все люди стали смеяться над правителем, не наделенным мудростью. Он был [настолько] непонятлив, что не мог рассчитать, сколько месяцев и лет прошло с момента рождения дочери. Увидев, что сна выросла, он решил, что это благодаря силе снадобья.

Подобное случается и с жителями нашего бренного мира; они приходят к постигнутому добро²⁷ и обращаются к нему со словами: "Я стремлюсь постичь Путь и хочу такого наставника, который помог бы мне сделать это немедленно".

Постигший добро наставник в соответствии со способом²⁸ велит такому человеку сидеть, погрузившись в созерцание²⁹, и наблюдать двенадцать причин и следствий³⁰. Постепенно накапливаются добродетели и происходит превращение в архата. Тут человек начинает ликовать, прыгать от радости, восклицая: "О великий наставник, вот так радость, ты помог мне в кратчайший срок постичь самый сокровенный Закон!"

Притча 16. О поливке сахарного тростника

Однажды два каких-то человека одновременно посадили сахарный тростник и договорились: тот, у которого вырастет хороший тростник, получит награду, а тот, у которого тростник будет плохой, будет тяжело наказан.

Тогда один из договаривавшихся подумал: "Сам сахарный тростник очень сладкий. Если я выжму из него сок и этим соком буду поливать посеvy, то [мой] тростник будет, несомненно, самым сладким и я одержу над тем победу".

Тут же он выжал сок из сахарного тростника и полил им посеvy. Он надеялся на необычайно [прекрасный] вкус, но получилось наоборот: семена погибли, и весь сахарный тростник, который у него был, начисто пропал.

С людьми в бренном мире тоже случается такое. Они стремятся к счастью и добру, но полагаются при этом на свою знатность и могущество, злоупотребляя внешней формой в ущерб внутренней. Они угнетают простой народ, лишают его богатства и надеются таким путем обрести счастье.

Но плоды добра³¹, которые были у них изначально, в будущем неожиданно для них оборачиваются несчастьями.

Точь-в-точь как с тем, что выжимал сок из сахарного тростника и [из-за этого] лишился всего.

Притча 17. Про то, как некто требовал возвратить ему долг в полмонеты

Некогда один торговец дал в долг какому-то человеку полмонеты. Прошло много времени, а тот все не возвращал долг. Тогда торговец пошел востребовать долг.

[На пути] ему встретилась большая река. За переправу торговцу пришлось заплатить какому-то человеку две монеты. Оказавшись на том берегу, он пошел к должнику, но так и не смог повидать того. На обратном пути снова надо было переправляться через реку — снова заплатил две монеты.

Так ради того, чтобы вернуть долг в полмонеты, торговец потерял четыре монеты. К тому же натерпелся в пути немало. То, что ему задолжали, было ничтожно, издержки же — довольно значительны.

В результате люди были удивлены его [поведением] и смеялись над ним.

С людьми, живущими в брэнном мире, происходит то же самое: ради ничтожной славы и выгоды они разрушают великие поступки, ради своего собственного тела пренебрегают правилами поведения и долгом. [В результате] они сейчас³² пользуются дурной славой, а потом³³ в виде воздаяния терпят муки.

Притча 18. Про то, как некто тащил на башню [верблюда], чтобы [там] точить нож

Жил некогда человек в бедности и нужде. Многие дни и месяцы он работал на правителя. Исхудал и ослабел. Увидел это правитель, стало ему жалко [бедняка], и он подарил ему дохлого верблюда.

Взял бедняк [подарок] и тут же стал сдирать шкуру. Да нож оказался тупым, и стал он искать камень, чтоб наточить нож. Вот на башне нашел он точильный камень. Поточил нож, спустился вниз, снова стал сдирать шкуру.

И так много раз он взбирался наверх: поточит нож и спускается. Через некоторое время он так устал от подъемов и спусков, что уже не мог подниматься наверх. Тогда он связал верблюда, поднял его на башню и подтащил к точильному камню.

Всеми людьми этот человек был осмеян.

То же происходит с глупцами. Они нарушают обеты, накапливают большое состояние и на этом строят свое счастье. И еще надеются обрести рождение на небесах.

Точно как с тем, что связанного верблюда втащил на башню к точильному камню: усилий затратил много, а достигнутый результат ничтожен.

Притча 19. Про то, как человек плыл на лодке и потерял чашу

Некогда один человек плыл на лодке по морю и потерял серебряную чашу: он уронил ее в воду. Тут же он решил: "Сделаю-ка я для памяти отметку на воде, что чаша осталась здесь, и двинусь дальше, а через некоторое время достану ее".

Плыл он два месяца и приплыл в Государства Льва³⁴. [Здесь] он увидел речку, полез в нее и стал искать потерянную ранее чашу. Когда его спросили, что он делает, он ответил: "Некоторое время тому назад я потерял серебряную чашу и вот хочу разыскать ее". Его спросили: "Где ж ты ее потерял?" — "При выходе в море", — отвечал он. "Сколько времени прошло с тех пор, как ты ее потерял?" — продолжали его расспрашивать. Он сказал, что прошло уже два месяца. "Если с тех пор, как ты ее потерял, прошло уже два месяца, почему ты сейчас ищешь ее именно здесь?" — спросили люди. "Потому, — ответил он, — что там, где я потерял чашу, я сделал для памяти отметку на воде. А вода в этой реке ничем не отличается от той, на которой я сделал отметку. Вот я и ищу здесь". — "Допустим, — продолжали люди, — вода одна от другой не отличается, но, когда ты потерял чашу, ты ведь находился где-то там, а ищешь ее здесь. Откуда она может взяться!" И тут все, как один, стали громко смеяться над ним.

Так же поступает и еретик: он не совершенствуется в правильных поступках. Внешне он как будто бы и добродетелен. Сбившись с ног, ищет причину страданий, чтобы освободиться от мирских уз³⁵.

Точь-в-точь как с тем глупцом: потерял чашу в одном месте, а ищет совсем в другом.

Притча 20. Про то, как некто осуждал правителя за безудержную жестокость

Некогда человек осуждал правителя за его грехи, он говорил: "Правитель очень жесток, он правит несправедливо".

Правитель услышал это и очень разгневался. Он никак не мог выяснить, кому принадлежали эти слова. Поверив клеветнику, схватил преданного сановника и высочайше приказал вырезать у того из спины сто лянов³⁶ мяса.

Нашелся, однако, какой-то человек, который установил, что [пострадавший] не произносил таких слов. Тогда правитель в душе раскаялся и потребовал, чтобы [пострадав-

шему] наложили на спину в виде заплаты тысячу лянов мяса. Ночью [пострадавший] стонал, кричал, пребывая в муках.

Правитель, услышав его стоны, спросил: "Что ты страдаешь? Тебе вернули твои сто лянов в десятикратном размере. Неужели этого недостаточно? Почему ты так огорчаешься?" Приближенные ответили: "Великий правитель, если б вам отрубили голову и дали бы тысячу других голов, [все равно] смерти было б не избежать. [С ним то же самое]: пусть он получил мясо в десятикратном размере, но от страданий и болей не избавился".

То же бывает и с глупцами: они не боятся будущей жизни³⁷. С жадностью предаются наслаждениям нынешней жизни, подвергают мучениям все живые твари, издеваются над простым народом, накапливают большие состояния и еще надеются избавиться от грехов и получить счастливое воздаяние³⁸.

Точь-в-точь как тот правитель: содрал со спины человека кожу, вырезал мясо, залатал спину другим мясом и считает, что не заставил того страдать. Видано ли такое!

Притча 21. О женщине, которой хотелось иметь еще сыновей

В давние времена жила-была женщина. И был у нее один сын. А ей хотелось иметь еще. Она стала спрашивать других женщин, кто из них способен сделать так, чтобы у нее были еще сыновья.

Нашлась старуха, которая сказала: "Я могу поспособствовать, чтобы у тебя были столь желанные сыновья. Но надо обязательно принести жертву небу". Женщина спросила у старухи: "Что же нужно принести в жертву?" Старуха отвечала: "Убей своего сына, а его кровь принеси в жертву небу. [Тогда] обязательно будет много детей".

Следуя совету, женщина уже собиралась убить сына. [К счастью], рядом оказался мудрый человек, он осмеял и выругал ее: "Ты глупа, лишена мудрости, вот и докатилась до того, чтобы ради еще не существующих сыновей — да и неизвестно, будут ли они вообще когда-нибудь, — убивать сына, который уже есть".

Глупцы тоже поступают так. Во имя будущей радости они бросаются в огненные ямы. Они причиняют себе всякого рода увечья, для того чтобы возродиться на небе.

Притча 22. О том, как некто отправился за море, чтобы привезти орлиное дерево³⁹

Как-то давно один почтенный человек отправился за орлиным деревом в заморские края. Ему понадобился целый год, чтобы набрать воз этого дерева.

Когда он вернулся домой, то пошел на базар продавать орлиное дерево. Но стоило оно очень дорого, и потому покупателей не оказалось.

Прошло много дней, а человек все не мог сбыть [свой товар].

Он устал, [это занятие] ему надоело, он ощутил беспокойство и тревогу. [Тут] он увидел, что человек, который торговал древесным углем, быстро все распродал. Тогда он подумал: "Пожалуй, лучше я сожгу орлиное дерево и сделаю из него уголь. Уголь можно будет быстро продать".

Он сжег орлиное дерево, образовался уголь. Уголь он понес на базар и продал. Но за уголь, полученный из орлиного дерева, он не получил даже того, что стоило полтелеги [обычного] угля.

Так поступают и глупцы в мире: они прибегают к бесчисленному множеству способов⁴⁰ в надежде на плоды Будды⁴¹. Но так как последние недостижимы, то появляются отступнические мысли: лучше уж принять решение стремиться к плодам гласу внимавших⁴², поскорее прекратить круговорот жизни и смерти⁴³ и стать архатами⁴⁴.

Притча 23. Про то, как вор украл парчовое шитье и завернул в него платье из дешевой ткани

Некогда вор забрался в дом богатого человека, украл там парчовое шитье и завернул в него ветхое платье из дерюги и еще всякую всячину.

Мудрые люди его осмеяли.

Глупцы в мире поступают так же: как только они уверуют, что вступили в Закон Будды, они практикуются в осуществлении добрых деяний и во всех заслугах, [обещающих] благодати. Но своей жадной выгоды они разрушают чистые обеты и благодатные заслуги⁴⁵.

Притча 24. Про то, как глупец посадил жаренные семена кунжута

Некогда один глупец поел семян кунжута в сыром виде и решил, что это невкусно. Он поджарил их, стал есть: вкусно. Он подумал: "А не лучше ли сажать жаренные семена? Тогда они вырастут вкусными!"

Он поджарил семена и посадил их. Но семена уже были невсхожими.

С людьми в мире тоже случается подобное. Чтобы стать бодхисаттвой, нужно совершенствовать свои поступки в течение большой калпы⁴⁶. Так как осуществлять подвижничество трудно да и радости от этого никакой, то они размышляют: "А не лучше ли стать архатом? Архат прекращает круговорот жизни и смерти в короткий срок". И они огра-

ничиваются малыми усилиями. Но потом, когда они хотят достичь плодов Будды, это оказывается невозможным.

Подобно глупцу, который, бросив в землю жареные семена, лишил их жизненной силы, поступают и глупцы в мире.

Притча 25. Про огонь и воду

Некогда человеку для какого-то дела нужны были огонь и холодная вода. Он развел огонь и поставил на него таз для умывания, через край наполненный водой.

Какое-то время спустя он хотел воспользоваться огнем, но огонь погас, хотел взять холодной воды, но вода уже нагрелась. И так он лишился обеих вещей — и огня, и холодной воды.

Случается такое и с людьми в мире. Они вступают в Закон Будды, уходят от мира, ищут истинный Путь. Но не успеют они покинуть мир, как мысли их снова возвращаются к их женам, детям, родственникам, мирским делам, к удовольствиям от пяти желаний⁴⁷. Из-за этого они теряют огонь — благодать заслуг и воду — соблюдение обетов.

Люди, мечтающие об удовольствиях от пяти желаний, уподобляются тому, [кто лишился огня и холодной воды].

Притча 26. Про то, как человек, подражая правителю, моргал глазами

Жил-был некогда один человек. Захотелось ему заслужить расположение правителя. Он расспрашивал других, как этого добиться. Кто-то ему сказал: "Если хочешь добиться расположения правителя, подражай его манерам".

Этот человек немедленно явился к правителю и, увидев, что правитель моргает глазами, тоже стал моргать, подражая правителю. Правитель спросил: "Не болен ли ты? Не простудился ли? Почему ты моргаешь?" Человек отвечал:

"У меня не болят глаза и простуды тоже нет. Я добиваюсь твоего, правитель, расположения. Я вижу, что правитель моргает глазами, вот и стараюсь подражать правителю". Услышав это, правитель очень рассердился и тут же отдал приказ сурово наказать этого человека и выгнать его из государства.

С людьми в мире тоже случается такое. Они стремятся приблизиться к властителю Закона⁴⁸ Будде, чтобы с помощью его закона о добре возвеличить себя. А как только им удастся приблизиться к нему, они замечают лишь изъяны, будучи не в силах понять все способы, которые властитель Закона Жулай⁴⁹ дает всем живущим [для спасения]. Иные, услышав Закон, замечают в нем лишь неверные слова и фразы, начинают осуждать и поносить их. Но они подражают недостаткам. Поэтому учение о добре, которое содержится

в Законе Будды, для них оказывается безвозвратно утерянным. Сами они скатываются в пучину трех зол⁵⁰.

Происходит то же самое, что с тем глупцом.

Притча 27. Про то, как некто пытался залечить рубцы от ударов плетью

Некогда правитель избил человека плетью. Сразу после избития тот наложил [на раны] лошадиный навоз, чтобы поскорее заживали.

Это наблюдал глупец. "Я немедленно применю этот способ лечения", — сказал он радостно. Вернувшись домой, он попросил сына: "Отстегай-ка ты меня плетью по спине. Я знаю хороший способ [залечивать раны] и сейчас хочу испытать его на себе".

Сын отстегал глупца по спине плетью, а тот наложил на рану навоз и счел себя крайне находчивым.

Так бывает и с людьми в мире. Услышат от кого-то: "Если упражняться в созерцании нечистого, то можно уничтожить телесные раны от пяти скверн⁵¹" — и говорят: "Я желаю созерцать женскую красоту". Но из-за пяти [порочных] желаний⁵² они оказываются охваченными заблуждением от женской красоты, еще не успев разглядеть нечистое. В круговороте жизни и смерти⁵³ они попадают в подземную тюрьму для грешников. Происходит точно то же, что с глупцами в мире.

Притча 28. Про то, как глупец менял нос своей жене

Некогда жил-был человек. Имел прекрасную жену. Только нос у нее был безобразный.

Как-то, выйдя из дома, этот человек увидел красивую женщину. И уж очень хорош был ее нос. И человек подумал: "Почему бы мне не отрезать ее нос, чтобы приставить к лицу своей жены? Ведь он и ей также подойдет!"

Тут же отрезал он нос у незнакомки и принес его домой. Вызвал жену: "Скорее иди сюда, я принес тебе красивый нос". Вошла жена. Он мигом отрезал ее нос и пытался приделать к ее лицу нос другой женщины. Однако [на лице жены] нос не держался. И своего носа она уже лишилась. [Глупец] зря только обрек свою жену на сильные муки и боли.

Глупцы в мире тоже поступают так. Услышат, например, что какие-то шраманы⁵⁴ и брахманы⁵⁵ в прежние времена приобретали большую известность, их почитали в мире, они получали большие подношения, и начинают думать так: "Ведь я ничем не отличаюсь от тех шраманов и брахманов".

Они незаслуженно возносят себя, нелепо заявляют, что обладают добропорядочностью. Из-за этого они не только лишаются благоденствий [со стороны мирян], но и разрушают

свое поведение. Это подобно тому, как, отрезав чужой нос, глупец ничего не достиг, а лишь сам себе причинил вред.

Именно так действуют и глупцы в мире.

Притча 29. Про то, как бедняк сжег свою одежду из дерюги

Жил-был некогда человек в бедности и нужде. Нанявшись к кому-то на работу, он заработал себе на одежду из самой грубой ткани.

Он надел эту одежду на себя. Тут его увидел какой-то другой человек и сказал: "Род твой знатен, ты — сын благородного человека, как можешь ты носить такую грубую одежду? Вот я сейчас научу тебя, как раздобыть самую изысканную одежду. Ты только поступай, как я велю, а уж я тебя ни за что не подведу". Бедняк обрадовался, изъявив почтительную [готовность] следовать указаниям этого человека.

А человек тут же на месте развел огонь и сказал бедняку: "Теперь снимай свою дерюжную одежду и бросай ее прямо в огонь. Я сделаю так, что, как только она сгорит, на том [самом] месте, где она сгорела, ты найдешь изысканно прекрасное царское платье".

Бедняк мигом разделся и бросил свою одежду в огонь. Когда же она сгорела, он стал искать на том месте, где [попыхал] огонь, надеясь найти там изысканно прекрасное царское одеяние, но так ничего и не нашел.

Люди в мире ведут себя подобным же образом. Из прошлого перерождения, совершенствуясь в соответствии с законом добра, они приобретают в настоящем человеческий облик. Его следует беречь и охранять и, продвигаясь вобретений добропорядочности, совершенствовать карму⁵⁶. Они же, обманутые еретиками, поддаются злым женским чарам. Последние твердят: "Ты сейчас должен доверять моим словам. Занимайся всякого рода мученичеством: бросайся с утесов, отправляйся на костры. Как только ты расстанешься со своим настоящим телесным обликом, ты возродишься на небе Брахмадевы⁵⁷, обретешь вечное блаженство и радость".

Послушные этим словам, люди в мире жертвуют своей плотью. Однако, лишившись ее, они попадают в подземную тюрьму для грешников и подвергаются всем мукам. Таким образом, потеряв человеческий облик, они ровно ничего не обретают.

Происходит точно то же, что с тем бедняком.

Притча 30. Про пастуха

Жил когда-то один человек. Он был искусным пастухом. Овец у него было много, несметное количество. Пастух был очень жаден — другому и крохи не даст.

Жил в те же времена другой человек. Был он искусным хитрецом. Выбрав удобный случай, он пришел к пастуху завязать с ним дружбу и обратился с такими словами: "Мы теперь с тобой настолько сроднились, что составляем одно целое: где ты, где я — не различаю. А известно мне, что в одном доме есть хорошая девушка, и я сделаю все, чтобы она досталась тебе в жены". Услышав такое, пастух обрадовался, дал тому много овец и всяких других подарков.

Некоторое время спустя хитрец сказал: "Сегодня твоя жена родила сына". И хотя пастух и женщины-то самой еще не видел, но, узнав, что родился сын, несказанно обрадовался и снова щедро одарил хитреца.

Прошло еще время, и тот снова говорит пастуху: "Сегодня умер твой новорожденный сын". Услышав про это, пастух громко заплакал, и рыданий его было уже не остановить.

Так бывает и с людьми в мире. Наслушавшись [поучений], они во имя своей выгоды держат в тайне [знание] Закона и не желают произносить проповеди, чтобы других обращать к истине. Введенные в заблуждение просачивающимся в тело вожделием, они обретают порочную тягу к мирским радостям.

Подобно тому [как случилось с пастухом], которого обманули [рассказами] о "его" жене и сыне, в них гибнет закон добра, потом они теряют богатство и телесное существование. Они скорбят и плачут. Начинаются их страдания.

Точь-в-точь как с тем пастухом.

Притча 31. О том, как глутец нанимал гончара

Некогда один брахман-наставник намеревался устроить большой собор. Обратившись к своему ученику, он сказал: "Мне нужна глазурованная посуда, для того чтобы угощать из нее во время собора. Найми-ка мне гончара. Отправляйся на рынок и там поищи". Ученик пошел к гончару.

В это время человек вел осла, нагруженного фаянсовой посудой, человек этот шел на базар продавать посуду. И вдруг осел в один миг все расколотил. Человек повернул назад, стал кричать и плакать. Увидев это, ученик брахмана спросил: "Чем ты так огорчен и из-за чего убиваешься?" Человек ответил: "Для того чтобы изготовить эту посуду, я потратил несколько лет упорного, тяжелого труда — и вот получилась посуда. Я вез ее на базар продавать, а этот негодный осел в один миг разбил всю мою посуду. Вот я и убиваюсь".

Услышав это, ученик брахмана очень обрадовался и подумал: "Этот осел — удивительная тварь: он сумел в один миг разбить то, что делалось в течение столь долгого времени. Я, пожалуй, куплю этого осла".

Ученик вернулся к наставнику верхом на осле. Наставник спросил у него: "Почему же ты не привел гончара и зачем мне этот осел?" Ученик отвечал: "Этот осел превзошел гончара: посуду, на изготовление которой гончар затратил так много времени, осел разбил в один миг". Тогда наставник сказал: "Ты очень глуп, нет в тебе никакой мудрости. Этот осел только и может, что бить. Но дай ему хоть сто лет, он не сделает ни единой посуды".

Так же и люди в мире: у них нет никакого желания отплатить добром тем, кто многие годы приносит им дары. [Напротив], они постоянно вредят [своим благодетелям] и веки не принесут им пользы.

Те, кто забывает о благодеяниях, во всем подобны этому ослу.

Притча 32. О том, как торговец украл золото

Некогда два торговца вместе отправились торговать. Один из них продавал чистое золото, а второй — материю из хлопка.

Какой-то человек, пожелавший купить золото, проверял его в огне. Тут-то другой торговец украл раскаленное золото и завернул его в материю из хлопка. Так как золото было раскалено, то оно прожгло всю материю, и проделка [вора] немедленно выплыла наружу.

Он лишился и золота и материи.

Это можно уподобить тому еретiku, который по-воровски выдает Закон Будды за свое собственное [учение], лживо заявляя, что оно принадлежит ему и что это вовсе не Закон Будды. Но этим же он и уничтожает еретический канон, и последний не получает распространения.

Точь-в-точь как с тем, что украл золото: всем стала ясна его афера.

Притча 33. О том, как некто срубил дерево, чтобы собрать плоды

Некогда у правителя одного государства росло замечательное дерево, огромное и в высоту и в толщину. На нем всегда вызревали прекрасные плоды — душистые и необычайно сладкие.

Как-то пришел к правителю один человек. Правитель сказал ему: "Это дерево скоро даст великолепные плоды. Сможешь ли ты отведать их?" Пришедший ответил правителю: "Дерево высокое и толстое, если я и захочу отведать плодов, то как это сделать?"

И тогда он срубил дерево, надеясь собрать плоды. Но тут оказалось, что он ничего не нашел, зря только старался. Потом он захотел поставить дерево вертикально,

но дерево уже засохло и погибло: в нем уже не было жизненных сил.

Люди в мире поступают так же. У властителя Закона Жулая было дерево соблюдения обетов. На нем вызревали превосходнейшие плоды. Но в душах возникла жажда наслаждений. Люди захотели отведать этих плодов. Им следовало для этого соблюдать обеты, практиковаться во всех благостных деяниях. Они же, напротив, не разбираясь в способах, нарушили запреты.

Получилось как с тем, что срубил дерево: он хотел вернуть его к жизни, но никак не мог это сделать. Так и с людьми. разрушающими обеты.

Притча 34. О том, как правитель посылал за вкусной водой

Некогда в одной деревне — она находилась в пяти йоджанах⁵⁸ от города, где жил правитель, — была очень вкусная вода. Правитель приказал жителям деревни ежедневно доставлять ему эту вкусную воду. Жители деревни очень страдали от этого, и все решили переселиться, чтобы быть подальше от этих мест.

Староста же деревни обратился к ним со словами: "Не уходите из деревни, я от вашего лица поговорю с правителем, пусть он из пяти йоджан сделает три, тогда вам будет ближе ходить и вы не будете так уставать". Тут же староста отговаривался разговаривать с правителем. Правитель для [их удобства] превратил пять йоджан в три.

Услышав об этом, люди очень обрадовались. Нашелся один, который сказал: "Они как были, так и остались пятью йоджанами — ничего не изменилось".

Люди хотя и услышали это, но так уверовали в слова правителя, что уже не захотели покидать свою деревню.

Так и с людьми в мире. Совершенствуя свое поведение в соответствии с истинным Законом, они проходят пять дорог⁵⁹ на пути к городу Нирваны⁶⁰. Тут у них появляется усталость, и тогда они хотят все бросить, от всего отказаться. Находясь в колеснице⁶¹ жизни и смерти, они не могут больше двигаться вперед. Но властитель Закона Жулай располагает превосходным способом: Закон одной Колесницы он поделил и истолковал как три⁶².

Приверженцы Малой Колесницы⁶³, услышав это, обрадовались. Они решили, что им будет легко в поступках: они будут практиковать добро, продвигаться в благостях, стремясь к прекращению круговорота жизни и смерти. Потом они от кого-то услышали, что нет Трех Колесниц, а есть по-прежнему один Путь. Но, поверив словам Будды, они уже не желают покидать [избранную дорогу].

Они поступают точно так, как жители той деревни.

*Притча 35. О зеркале, что находилось в ларце
с драгоценностями.*

Некогда жил один человек. Был он крайне беден, жил в нищете, много задолжал людям, а возвращать долги было нечем. И тогда он сбежал.

Добрался он до какой-то пустыни. Там он нашел ларец, наполненный драгоценностями, и чистое зеркало. Оно лежало на драгоценностях, прикрывая их. Увидев это, бедняк очень обрадовался.

Он поднял зеркало и обнаружил в нем человека. Тут он испугался и, сложив руки в молитвенном жесте, сказал: "Я думал, что ларец пустой, что в нем ничего нет. Вдруг оказалось, что в нем находитесь вы, господин! Не сердитесь на меня!"

С людьми в мире тоже случается подобное. Бесчисленные треволнения доводят их до крайней степени измождения, и они попадают в пути своего заимодавца — властителя круговорота жизни и смерти, повелителя демонов⁶⁴. Они хотят вырваться из круговорота жизни и смерти, вступить в Закон Будды, совершенствоваться в соответствии с законом добра, копить благодетельные заслуги.

Но, уподобляясь тому, кто нашел драгоценный ларец и был введен в заблуждение, увидев свое отражение в зеркале, они ошибочно полагают, что существует собственное "я", и замыкаются в нем, считая, что оно являет собой реальность. Таким образом они низвергают себя, теряют все благодетельные заслуги и все добро, обретенное через созерцание, через пройденные ступени Пути⁶⁵, через непроницаемость для скверны. Они начисто теряют плоды Пути⁶⁶ Трех Колесниц.

Сторонники привязанности к собственному "я"⁶⁷ поступают точно так же, как глупец, что выбросил ларец с драгоценностями.

*Притча 36. Про то, как выкололи глаза тому,
кто был наделен даром пяти проникновений⁶⁸*

Некогда один человек отправился в горы изучать истинный Путь и стал святым, наделенным даром пяти проникновений. Небесным оком⁶⁹ он видел все насквозь. Он мог видеть, например, все клады и сокровища, спрятанные в земле.

Правитель государства услышал об этом, очень обрадовался в душе и сказал сановникам: "Как добиться того, чтобы этот человек постоянно жил в моем государстве и не покидал бы его никогда? Ведь таким образом моя сокровищница наполнилась бы богатствами".

Нашелся один глупый сановник, который пошел и выколол мудрецу оба глаза, затем принес их правителю и ска-

зал: "Я выколол ему глаза, и потому он уже не сможет уйти и [вынужден] всегда жить в вашем государстве".

"Ведь я стремился удержать мудреца, — сказал правитель, — именно из-за его способности видеть все богатства, спрятанные в земле. И вот теперь ты лишил его глаз. Как же он сможет мне служить?"

Так же поступают и люди в мире. Они видят, что некто во имя дхуты⁷⁰ терпит страдания: в горах, в лесах, в пустынных местах, на кладбище, под деревом тот практикуется в стремлении покончить с четырьмя [вещами]⁷¹ и в созерцании нечистого. Тогда, предвосхищая будущее, [люди из мира] несут в его дом различные подношения. Таким образом они разрушают накопленное им добро, так что тот не может достичь результата Пути. Погибает око, созерцающее истинный Путь⁷². И сразу пропадает польза [от святого], и уже ничего от него не получишь.

Люди из мира подобны глупому сановнику, который зря только лишил глаз того мудреца.

Притча 37. Про то, как глупец уничтожил стадо коров

Когда-то у одного человека было двести пятьдесят коров. Всякий раз он пригонял их на заливные луга, где они обычно паслись.

Однажды тигр заел одну корову, и тогда владелец коров подумал: "Раз уж одной коровы нет и, [стало быть], стадо не полное, на что мне [оставшиеся] коровы?"

Тут он пригнал стадо к крутому обрыву у высокой скалы и столкнул вниз. Так всех до единой коров он уничтожил.

Глупцы, живущие в мире, поступают таким же образом. Берутся соблюдать все запреты Будды Жулая. Но если уж нарушат один, то, вместо того чтобы устыдиться и проникнуться очищающим раскаянием, они начинают рассуждать так: "Один запрет я уже нарушил. А раз не смог соблюсти их полностью, то не к чему вообще соблюдать". И нарушают запреты все до единого.

Точь-в-точь как тот глупец, который уничтожил стадо коров.

Притча 38. Про то, как некто пил воду из деревянной трубы

Некогда человек в дороге томился от жажды. [Вдруг] он увидел, что из деревянной трубы течет чистая вода. Он тут же подошел и напился.

Утолив жажду, он поднял руку и сказал, обращаясь к трубе: "Я уже напился, прекрати, вода, литься". Но, не смотря на его слова, вода по-прежнему продолжала течь.

Тогда он с гневом произнес: "Я уже напился и сказал, что не надо больше течь! Почему же ты продолжаешь течь по-прежнему?"

Другой, услышав это, сказал: "Ты очень глуп, начисто лишен ума. Ты бы просто ушел отсюда, а ты говоришь, чтобы вода не текла".

И он подошел к глупцу и оттащил его от того места.

Так и с людьми в мире. Они томятся от жажды любви в круговороте жизни и смерти и пьют соленую воду пяти желаний. Но вскоре они пресыщаются пятью желаниями.

Подобно глупцу, что утолил жажду, они тогда говорят: "Не являйтесь больше мне формы, звуки, запахи, вкусы, чтобы я вас не чувствовал!" Однако пять желаний то и дело продолжают являться. Побывав еще раз в их власти, люди с гневом говорят: "Немедленно исчезайте и больше не являйтесь! Почему вы снова приходите и действуете на меня?" Тут появляется мудрый человек и говорит: "Если вы хотите оградить себя от желаний, то должны обуздать шесть органов чувств⁷³, преградив путь этим желаниям. Тогда не будут рождаться сумасбродные мысли и можно будет освободиться от всех мирских уз. Для того чтобы желания не возникали, вовсе не обязательно не видеть [соблазнов]".

Точно как с тем глупцом, что пил воду.

*Притча 39. О человеке, который видел,
как другой оштукатурил глиной*

Как-то раз один человек пришел к другому и увидел, что у того в доме стены оштукатурены, пол ровный, [в доме] чисто и приятно.

Тогда он спросил [хозяина]: "На чем ты замешивал глину, что так хорошо получилось?" Хозяин сказал: "Как следует размочил в воде рисовые отруби, подмешал к глине и обмазал стену, потому так и получилось".

Глупец подумал: "А если взять чистый рис? Ведь лучше это сделать с чистым рисом. Стена будет белая и чистая. И глина ляжет ровно и хорошо". Тут же он взял рис, замешал с глиной и обмазал стену. Он рассчитывал, что получится ровно и хорошо, а получилось наоборот — бугры и вмятины. И вся стена потрескалась. Зря только рис израсходовал, а пользы никакой. Лучше было бы раздать этот рис в виде подаяния и тем обрести благостные заслуги.

Люди в мире тоже поступают так. Услышат, как мудрый человек, толкуя Закон, [утверждает], что, совершенствуясь во всем добром, принося в жертву самого себя⁷⁴, можно достичь возрождения на небе и тем самым освободиться от мирских уз, кончают с собой в надежде тоже возродиться на небе и освободиться от мирских уз. Но они только напрасно губят себя, ничего не достигая.

Точь-в-точь как тот глупец.

Притча 40. Про то, как "лечили" лысого

Жил-был человек, у которого на голове не было волос. Из-за этого он зимой страдал от холода, а летом — от жары. К тому же его кусали комары и слепни. Ни днем ни ночью он не знал покоя и от этого очень мучился.

Был один лекарь, который знал множество чудодейственных рецептов. Человек с лысиной пришел к нему и сказал: "Хочу лишь одного, великий лекарь, избавь меня от моей лысины".

Лекарь сам был лысый. Он тут же снял шапку и показал лысину, при этом он сказал: "И я страдаю от того же, и мне оно доставляет мучения. Если бы я был способен излечивать от облысения, то прежде всего избавил бы себя от этого недуга".

Так же и с людьми в мире. Их охватывает беспокойство по поводу рождения и старости, болезни и смерти, они стремятся обрести долголетие и бессмертие. Они слышат, что существуют шраманы, брахманы, искусные лекари⁷⁵, что они отлично излечивают все недуги [этого мира]. Люди приходят к ним и говорят: "Хочу лишь одного: чтобы вы избавили меня от этого недуга — бесконечного круговорота жизни и смерти — и навеки поместили бы туда, где постоянный покой и радости, чтобы жить там вечно, без перевоплощений".

На это брахманы отвечают: "Мы тоже страдаем от такого непостоянства — рождение, старение, болезни, смерть — и всеми средствами ищем место, где живут вечно, но никак не можем обрести его. Если б мы сейчас были в состоянии дать тебе возможность обрести такое место, мы наверняка обрели бы его сначала сами, после чего помогли бы и тебе обрести его".

Это подобно тому, как человек, который страдал из-за своей лысины, зря только старался: вылечиться все равно не мог.

Притча 41. О бесах-пишача⁷⁶

Жили-были два беса-пишача. Они совместно владели одним коробом, одним посохом и одним башмаком. Бесы спорили между собой, каждый из них хотел завладеть [этим имуществом]. Оба беса суетились и целый день не могли успокоиться.

В это время какой-то человек услышал их спор и спросил: "Что особенного в этом коробе, посохе и башмаке, что вы ссоритесь из-за них и пребываете в таком гневе?" Бесы ответили: "Из этого нашего короба можно достать [любую] одежду, пишу, постельное белье — все, что нужно для жизни, мы достаем оттуда. Стоит только взять в руки этот посох, как противник изъясняет покорность и уже не

смеет с тобой спорить. Одевший этот башмак оказывается в состоянии беспрепятственно подняться в воздух".

Выслушав бесов, человек сказал им: "Отойдите-ка отсюда немного, и я разделю между вами все поровну". Бесы, услышав такое, отбежали подальше, а человек тут же схватил короб, взял посох, надел башмак и взлетел. Оба беса опешили: вдруг нечего стало добиваться. А человек сказал им: "Я забрал то, из-за чего вы спорили, теперь вам не из-за чего будет ссориться".

Бесы-пишача — это намек на всех злых духов и еретиков. Коробу подобна задача милостыни: с нее начинается все, что нужно для существования всех пяти разрядов существ⁷⁷. Посоху подобно погружение в созерцание: оно уничтожает разбойников — злобу и треволнения этого мира. Башмаку подобно соблюдение обетов: оно непременно возвысит человека до небожителя. Спор всех злых духов и еретиков о коробе — это намек на то, что люди, "имеющие течь"⁷⁸, всеми силами ищут воздаяния, но так ничего и не достигают. Только в том случае, если они смогут усовершенствоваться в добрых деяниях да еще совершать даения, соблюдать обеты, погружаться в созерцание, то получат избавление от страданий и достигнут плодов истинного Пути.

Притча 42. Про то, как у купцов издох верблюд

Возьмем такой пример. Купцы отправились торговать. Случилось, что в дороге у них издох верблюд. Среди поклажи, которой был нагружен верблюд, было много драгоценностей, превосходные ковры из тончайшей шерсти и разные другие вещи.

Как только верблюд издох, с него содрали шкуру. Главный купец ушел, оставив двух помощников, которым он сказал: "Присматривайте хорошенько за верблюжьей шкурой, не дайте ей намокнуть и сгнить".

Через какое-то время после его ухода пошел дождь. Оставшиеся двое по глупости прикрыли верблюжьей шкурой дорогами коврами, и все ковры сгнили. А разве можно сравнить по ценности ковер и шкуру? Только глупцы могли шкуру укрыть ковром.

Люди в мире тоже поступают так. Чистому ковро уподобим их запрет "не убий"; верблюжья шкура — намек на богатство. Дождь намочил и сгноил — намек на то, что распущенность разрушает добрые поступки.

Запрет "не убий" — это непревзойденное основание тела Закона Будды⁷⁹, без которого люди не могли бы совершенствоваться. Богатство же люди используют для строительства храмов и подношений⁸⁰ монахам. Хватаясь за вершущи, они пренебрегают корнями и не стремятся достичь первоосновы. Они носятся по волнам пяти дорог перерож-

дений и не могут освободиться от них. Вот почему послушник должен, очистив свое сердце, соблюдать запрет "не убий".

Притча 43. Про то, как некто обтачивал большой камень

Возьмем такой пример. Какой-то человек обтачивал большой камень. Он много и усердно трудился. Проходили дни и месяцы, а он сделал всего лишь игрушечного бычка.

Сил потрачено много, а то, ради чего старался, ничтожно.

Так и у людей в мире. Обтачивание большого камня сравнимо с муками упорного труда в достижении учености. Изготовленный [в результате] маленький бычок — это намек на то, что слава соотносится как с истинным, так и с ложным⁸¹. Ведь для достижения учености [предмет] рассматривают пристально, с усердием, глубоко штудируют, проникая во многие области знаний.

Следует исполнять долг и лишь в далеком будущем искать высший плод⁸², только тогда придет слава. Если же быть высокомерным, выказывать свое превосходство, то от этого лишь продлятся страдания.

*Притча 44. Про то, как некто [считал],
что следовало съесть пол-лепешки*

Представим себе: какой-то человек, будучи голоден, съел семь жареных лепешек.

Уже после того как он съел шесть с половиной, он почувствовал, что совсем сыт. Этот человек очень рассердился и, хлопнув себя рукой [по лбу], сказал: "Этой половиной лепешки я сейчас и насытился. А шесть лепешек, что съел до этого, все равно что выбросил. Если бы знать, что [именно] этой половины лепешки достаточно, чтобы оказаться абсолютно сытым, надо было сначала съесть ее".

Люди в мире поступают так же. С самого начала они никогда не знают блаженства. Но из-за глупости у них все становится с ног на голову и возникает превратное представление о блаженстве. Подобно тому как у глупца мысль о сытости возникла на половине седьмой лепешки.

Люди в мире лишены понимания. Они принимают за блаженство богатство и знатность. На самом же деле в то время, когда стремишься к богатству и знатности, очень страдаешь. Обрета их и стараясь сохранить, тоже страдаешь. Потом, лишившись их, снова печалишься и опять страдаешь. На всех трех этапах нет никакого блаженства.

Еще называют блаженством одежду и пищу.

В горьких страданиях рождается превратное представление о блаженстве. В поучениях всех будд сказано: "Во

всех трех мирах⁸³ нет покоя, а есть лишь тяжкие страдания. Омраченные же жители этого мира, напротив, думают о блаженстве".

Притча 45. Про то, как слуга ворота караулил

Представим себе: какой-то человек собирался в далекое путешествие. Своему слуге он наказывал: "Ворота охраняй хорошенько. Да еще присматривай за веревкой, которой привязан осел".

После отъезда хозяина в соседнем доме заиграла музыка. Слуге так захотелось послушать, что он не мог совладать с собой. Он быстро перевязал веревкой ворота, положил их верблюду на спину и направился слушать музыку туда, где разыгрывалось веселье.

Когда слуга ушел, вору вынесли из дома все вещи. Вернулся хозяин и спросил слугу: "Куда делись вещи?" Слуга ответил: "Уходя, хозяин поручал мне ворота, осла и веревку, все же остальное меня не касается".

Хозяин тогда сказал: "Я оставил тебя караулить ворота именно из-за вещей. На что мне ворота, если вещи пропали?"

Глупцы, пребывающие в круговороте жизни и смерти, поступают так же, как ревностный слуга. Наставления добру Будды Жулая всегда охраняют вход в органы чувств, не давая проникнуть в них шести видам мирской пыли⁸⁴. Они охраняют непросветленного осла и присматривают за веревкой пристрастий. Но бхикшу не стремятся усвоить поучения Будды, они жадно стремятся к выгоде, выдавая себя за чистых и белых, [как правда Будды]. Они сидят в месте очищения, но их сердца плавают и носятся в жажде удовлетворения пяти желаний. Их сбивают с толку красота, звуки, ароматы, вкусы. Омрачение покрывает их сердца. Их опутывает веревка пристрастий. И как раз в то время, когда они думают о просветлении, теряют богатство, накопленное на всех ступенях Пути.

Притча 46. Про то, как украли быка

Представим себе, что жители одной деревни вместе украли быка и съели его.

Потерявший быка поспешил по следам в их деревню. Он созвал жителей этой деревни и стал расспрашивать их об обстоятельствах дела. Он спросил: "Я нахожусь в вашей деревне, не так ли?" Укравшие отвечали: "У нас, право же, нет никакой деревни". Тот продолжал: "В вашей деревне, не правда ли, есть пруд? И возле этого пруда вы съели быка?" Жители деревни отвечали: "Нет пруда". Тот снова спросил: "А у пруда есть дерево?" Жители деревни

отвечали: "Нет дерева". Тот продолжал расспрашивать: "Когда вы похищали быка, это происходило к востоку от вашей деревни?" Жители деревни отвечали: "Нет у нас востока". Тот снова спросил: "Когда вы похищали быка, был полдень?" Жители деревни отвечали: "У нас и полдня нет".

Тогда тот сказал: "Можно было допустить, что у вас нет деревни и нет дерева. Но не может не быть на земле востока или времени дня. Ясно, что вы лжете, и верить вашим словам нельзя. Итак, вы похитили быка и съели его, не так ли?"

И они признались ему в том, что действительно съели.

То же происходит с людьми, нарушающими запреты. Они скрывают свои прегрешения и не хотят, чтобы последние были обнаружены. После смерти они попадают в подземную тюрьму для грешных душ. Все небесные духи добра наблюдают за ними небесным оком, от которого ничего не скроешь.

Это подобно тому, как жители деревни съели быка и не смогли не сознаться в этом.

Притча 47. Про то, как один бедняк подражал криканью уток

В некоем государстве существовал в старину веселый праздник. В день этого праздника все женщины украшали волосы цветами утпала⁸⁵. Жена одного бедняка сказала мужу: "Если ты сумеешь раздобыть для меня цветок утпала, я и в дальнейшем буду тебе женой, если же не сумеешь, я тебя брошу".

Муж [этой женщины] издавна умел искусно подражать утиному криканью. Он тут же забрался в царский пруд и, подражая утиному криканью, сорвал цветок утпала.

В это время сторож, охранявший пруд, спросил: "Кто это там в пруду?" И у бедняка невольно вырвалось: "Это я, утка". Сторож схватил его и повел к правителю. По дороге бедняк снова очень похоже изобразил утиное криканье. Стороживший пруд сказал: "Если ты не сделал этого раньше, какой прок от этого сейчас?"

Глупцы в мире поступают так же. Всю жизнь только и занимаются тем, что причиняют вред, совершают всевозможные злые деяния, не совершенствуются в мыслях и поступках на пути к добру. И лишь в конце жизни говорят: "Вот сейчас я хочу, чтобы мне дали возможность практиковать добро". Но стражники подземной тюрьмы уже ведут их к владыке Яньловану⁸⁶. И хотя они готовы делать добро, но уже поздно.

Это подобно тому глупцу, который стал подражать криканью утки, когда его уже вели к правителю.

*Притча 48. Про то, как шакала
ударилло обломанной веткой дерева*

Представим себе: под деревом находился шакал. Подул ветер, сломал ветку дерева, и она упала на спину шакалу. [Обидевшись], он закрыл глаза и не пожелал смотреть на дерево. Он [вообще] покинул эти места и ушел.

Добрался до возвышенного места. Наступил вечер, а шакал все не хотел возвращаться.

[Потом] он увидел издалека, что ветер покачивает ветку дерева вверх и вниз. Тогда он сказал: "Это она меня зовет". И тут же снова вернулся под то дерево.

Глупые последователи Будды тоже поступают так. Вот они уже достигли того, что ушли из мира и приблизились к наставнику. Но стоит лишь слегка их побранить, как они бегут от монашеской жизни.

В дальнейшем им случается встретиться с друзьями зла, и смятению их нет конца, только тогда они возвращаются к наставнику. Такого рода уходы и возвращения происходят из-за заблуждения от глупости.

Притча 49. Про то, как два мальчика спорили о волоске

Представим себе: некогда два мальчика забрели в речку и стали играть.

Со дна речки они достали пригоршню волос. Один мальчик сказал: "Это борода святого". Другой же мальчик сказал: "Это шерсть медведя".

В те времена жил на берегу реки один отшельник. Так как спору мальчиков не было конца, они отправились к отшельнику, чтобы разрешить свои сомнения.

Отшельник тут же взял зернышки риса и конопли, подержал во рту, пожевал и, выплюнув на ладонь, сказал мальчикам: "То, что у меня на ладони, очень похоже на павлиний помет". [Таким образом], этот отшельник не ответил на то, о чем его спрашивали, и люди поняли это.

Глупцы в мире тоже поступают так. Во время толкования Закона они развлекаются рассуждениями о разных законах, а не отвечают, в чем состоит главный принцип учения. То же, что с тем отшельником: он не ответил на то, о чем его спрашивали, и всеми был осмеян. Тот, кто растекается в пустых речах, уподобляется отшельнику.

Притча 50. Про то, как лекарь распрямлял горбатого

Представим себе: какой-то человек вдруг стал страдать из-за горба на спине. Он обратился к лекарю, чтобы тот его вылечил.

Лекарь смазал горб маслом, наложил сверху и снизу

доски и с силой сжал до боли. Он не заметил, что у больного выскочили из орбит сразу оба глаза.

Глупцы в мире тоже поступают так. Чтобы устроить счастье, они заботятся о пропитании, занимаются торговлей, совершают поступки, идущие вразрез с Законом. Вроде бы и дела делают, но польза от них не покрывает вреда. В будущих мирах они попадают в подземную тюрьму для грешников. Их можно уподобить лекарю, из-за которого у больного оба глаза вылезли из орбит.

ЦЗЮАНЬ ВТОРАЯ

*Притча 51. Про то, как пять человек
сообща купили служанку
и заставляли ее прислуживать всем пятерым*

Представим себе: пять человек сообща купили служанку. Один из них сказал служанке: "Постирай-ка мне одежду". И другой тоже сказал: "Постирай мне одежду".

Служанка ответила тому, другому: "Первым делом я постираю тому, первому". Второй разгневался: "Я покупал тебя сообща с тем, первым. Почему же ты сделаешь это только для него?" И он нанес ей десять ударов.

Так же поступили и все остальные: каждый из пятерых нанес ей по десять ударов.

С пятью составляющими⁸⁷ происходит то же самое. Причины и следствия от треволнений и суеты собираются все вместе в одной плоти. Эти пять составляющих постоянно наносят палочные удары всем сущим через рождение, старость, болезнь, смерть и бесчисленные страдания.

Притча 52. Про то, как играли музыканты

Представим себе: музыканты играли для правителя. Правитель обещал им за это тысячу монет.

После игры они стали требовать от правителя обещанных денег, а он им не давал. Правитель сказал: "Когда вы играли для меня, то услаждали мои уши, да и только. Суля вам деньги, я тоже услаждал ваш слух".

С воздаянием в мире дело обстоит так же. Хотя те, кто из [мира] людей попадает на небеса, и получают ничтожное наслаждение, в нем нет ничего реального. Оно непостоянно, преходяще, его нельзя удержать надолго. Это подобно тому, как те "услаждали, да и только".

*Притча 53. Про то, как наставник
доверил ученикам свои большие ноги*

Представим себе: у некоего наставника было два ученика. Этот наставник страдал [какой-то] болезнью ног.

Он поручил своим ученикам, чтобы они поочередно растирали ему каждый по одной ноге.

Между учениками была постоянная вражда. Когда один из учеников ушел, другой схватил ту ногу наставника, которую должен был растирать ушедший, и расшиб ее о камень. Когда тот, первый, [что уходил], возвратился, он очень рассвирепел. В свою очередь, он схватил ногу, которую растирал второй, и тоже побил ее.

С последователями Закона Будды иногда происходит то же. Те, кто придерживается направления Фандэн⁸⁸, отвергают Малую Колесницу⁸⁹. Приверженцы же Малой Колесницы отвергают направление Фандэн. Это приводит к тому, что гибнут оба пути Закона Великого мудреца.

Притча 54. Про то, как хвост и голова змеи спорили между собой, кому быть впереди

Представим себе какую-то змею. Ее хвост говорит голове: "Я должен быть впереди". Голова отвечает хвосту: "Всегда я бываю впереди. Почему же вдруг будет иначе?"

В результате впереди оказалась голова. Хвост же обвился вокруг дерева, и голова не могла двинуться вперед. [Тогда] она пустила вперед хвост.

Змея тут же свалилась в огненную яму и там сгорела.

С учениками и наставником иногда случается то же самое. Ученики говорят: "Наставник уже стар, а все еще впереди. Вожаками должны быть мы, молодые".

Однако такие молодые не придерживаются установленных правил, во многом их нарушают и поэтому увлекают друг друга в подземную тюрьму для грешных душ⁹⁰.

Притча 55. Про то, как некто мечтал побрить бороду правителю

Жил-был когда-то правитель, и был у него один любимец. На поле сражения он, рискуя жизнью, спас правителя, и тот остался цел и невредим.

На радостях правитель пообещал ему все, чего он пожелает. И тут же спросил: "Чего бы тебе хотелось? Я готов удовлетворить любое твоё желание".

Подданный сказал: "Когда правителю понадобится брить бороду, пусть позволит мне побрить его". — "Если это отвечает твоему желанию, — сказал правитель, — пусть будет так, как ты хочешь".

Такого глупца современники осмеяли. Он мог добиться всего: получить в управление половину государства, стать большим сановником или приближенным советником. А попросил какую-то ерунду.

Глупцы поступают так же. Все будды в течение бесчисленных калп с помощью тяжких трудов и страданий дости-

гали состояния Будды. А чтобы встретить Будду и найти завещанный Закон⁹¹ — такое в человеческом облике чрезвычайно трудно испытать. Это можно сравнить, например, с тем, что слепая черепаха наткнулась на плывущее бревно с дуплом. И то и другое [одинаково] мало вероятно.

Но вот [все-таки] случилось так, что они встретились, и [оказалось], что их желания ничтожны. Они соблюдают малый обет, считая, что этого достаточно. Они совсем не стремятся к сокровенному непревзойденному закону нирваны. У них и в мыслях нет стремления обрести его. В своем поведении они допускают неверные поступки и остаются довольны ими.

Притча 56. Про то, как требовали "ничего"

Однажды шли по дороге вместе два человека. [Вдруг] они увидели, что какой-то [третий] человек везет телегу, полную кунжута. Телега застряла на крутом участке пути и не могла двинуться вперед.

Возница сказал, обращаясь к двум путникам: "Помогите мне втолкнуть телегу на эту кручу". Те двое спросили: "А что ты нам [за это] дашь?" Возница ответил: "Ничего — вот что я вам дам".

Те двое помогли вывезти телегу на ровное место и сказали вознице: "Дай же нам то, что ты обещал". — "Я обещал ничего". А те снова: "Дай нам ничего". Тут один из двух путников, улыбаясь, заметил: "Стоит ли обижаться, если даже он и не хочет давать?" Но другой [настаивал]: "Дай мне "ничего", уж "ничего"-то у тебя непременно есть". Однако первый [из двух] сказал: "Ничего" — это лишь название, это значение двух соединенных вместе иероглифов".

У людей, живущих в этом бренном мире, когда они соприкасаются с понятием "ничего", возникает мысль о месте, где ничего нет. Второй же путник сказал: "Ничего" — это то, что не имеет формы, чего нельзя желать, с чем ничего нельзя сделать".

Притча 57. Про то, как некто пнул знатного человека ногой в рот

Некогда жил-был знатный человек. Приближенные старались заслужить его благосклонность, и все перед ним пресмыкались. Знатный человек плюнет — слуги и приближенные ногой разотрут.

А вот один глупец не успевал растирать. Тогда он подумал: "Когда плевок падает на землю, то все [кидаются] его растирать. Значит, я смогу растереть плевок раньше всех, [если сделаю это], когда тот еще только соберется плюнуть".

В это время знатный человек кашлянул и хотел сплунуть. Тут глупец поднял ногу и пнул того в рот: он разорвал знатному человеку губу и выбил зубы. Тот спросил глупца: "Зачем ты пнул меня ногой в рот?" Глупец ответил: "Когда ты плюешь и плевков падает на землю, то его растирают окружающие льстецы. Я же, как ни хотел растереть, всякий раз не поспеваю. Поэтому, когда плевков собирался отделиться от рта, я поднял ногу, чтобы успеть первым его растереть и тем добиться твоего расположения".

Всему свое время. Если время еще не пришло, то, сколько ни старайся, напротив, получают лишь суета и страдания. Вот почему людям этого бренного мира необходимо знать, когда время пришло, а когда — еще нет.

Притча 58. Про то, как два брата делили наследство

Некогда в государстве Малла⁹² жил-был один кшатрия⁹³. Он тяжело заболел и точно знал, что умрет. Двум своим сыновьям он наказал: "После моей смерти поделите наследство справедливо".

Следуя наставлению, сыновья после смерти отца поделили состояние на две части. Но старший брат сказал младшему, что доли у них неравные.

Тут какой-то глупый старик предложил: "Давайте я вас научу, как сделать, чтобы все было поровну: каждую из имеющихся у вас вещей надо разломать надвое". — "Как разломать?" — "Одежду разрезать посредине на две части, деревянные доски и кувшины расколоть пополам, глиняные жбаны и горшки тоже расколоть пополам. И монеты разломать надвое. Точно таким же образом поступить со всеми [остальными] вещами: разделить каждую на две части".

Такой способ дележа имущества был осмеян всеми людьми.

Это подобно тому, как еретики неправильно толкуют различные суждения. Существует четыре типа суждений. Есть суждения, содержащие категорическое утверждение. Например, "Все люди смертны" содержит категорическое утверждение. Суждение же "Тот, кто умер, непременно родится вновь" требует отдельного утверждения; если страсти уничтожены, то он вновь не родится; если же страсти не уничтожены, то он непременно родится вновь. Подобные суждения относятся к типу суждений с отдельными утверждениями.

Когда спрашивают: "Является ли человек самым превосходным [существом]?" — то на это не отвечают без встречного вопроса: "Ты спрашиваешь по отношению к трем дорогам зла или по отношению к небожителям? Если по отношению к трем дорогам зла, то человек действительно самое совершенное. Если же по отношению к небожителям, то, безусловно, человек им уступает". Этот тип именуется суждением, содержащим встречный вопрос.

Если же задают вопрос из числа четырнадцати трудных [вопросов]⁹⁴: имеют ли границы миры и все живые твари в них, имеют ли они начало и конец, то такое именуется суждением, которое [заведомо] исключает ответ на вопрос.

Все еретики и глупцы считают себя мудрыми. Они разрушают [систему] четырех типов суждений и оставляют только один тип суждений, а [именно] содержащий отдельные утверждения.

Это подобно тому, как глупец делил все наследство одним способом: разламывал и монеты и вещи на две части.

*Притча 59. Про то, как некто наблюдал
за изготовлением кувшинов*

Представим себе: два человека пришли к гончару и стали наблюдать за тем, как он, вращая ногой круг, делает кувшины. Они смотрели на гончара без устали.

[Через некоторое время] один из них ушел и направился на великий собор⁹⁵, где его угостили вкусными кушаньями и одарили сокровищами. Второй же, [продолжая] смотреть на гончара, говорил: "Дай мне досмотреть до конца".

Время шло, и солнце уже село, а тот человек все смотрел, как делаются кувшины. Из-за этого он лишился и платья и еды.

Так же и с глупцами. Они устраивают свои домашние дела, не сознавая, что [занимаются] преходящим⁹⁶.

Нынче они заняты делом одним,

Завтра они хлопочут о деле другом.

Словно драконы, в мире являются будды:

Грома раскаты распространяются в мире,
Ливень Закона льет, не встречая преграды,

Но за делами глупцы ничему не внимают,

Так и не знают, что смерть приближается к ним,

Так и теряют возможность встретиться с Буддой,

Так и не будет сокровищ Закона у них,

В вечности злые дороги⁹⁷ для них не исчезнут.

Отвратившись от истинного Закона,

Все они смотрят, как изготовляют кувшины,

Это занятие их конца не имеет.

Вот почему Закон для них бесполезен,

Освобожденья они не узнают веки*.

*Притча 60. Про то, как некто увидел
на дне водоема отражение золота*

Некогда один глупец отправился к большому пруду и увидел на дне водоема отражение чистого золота.

* Здесь и далее стихи в переводе Л.Н.Меньшикова.

С возгласом "Ой, золото!" он тут же полез в воду, зачерпнул ил и стал искать в нем золото. Устал невероятно, но так ничего и не нашел. Вышел из воды и снова сел. Через некоторое время вода снова стала прозрачной, и снова стало видно, как блестит золото. Он снова нырнул, зачерпнул ил и стал искать. И опять не нашел.

[А в это время] его разыскивал отец. Подойдя к пруду, он увидел сына и спросил: "Чем это ты занимаешься, что так устал?" Сын отвечал отцу: "На дне [этого] пруда лежит чистое золото. Я сейчас нырял, хотел зачерпнуть ил и выбрать из него золото. Но так ничего и не добыл, а только устал".

Отец посмотрел на отражение золота на дне пруда и понял, что золото находится на дереве. Он понял это именно благодаря тому, что отражение было на дне водоема. Отец сказал сыну: "Конечно же, летела птица, в клюве она держала золото, которое укрепила на дереве". Выслушав отца, сын влез на дерево и достал золото.

Глупые люди, жители этого мира,

Делают то же, с мудростью незнакомы.

Тайна для них отрицание "я" своего⁹⁸,

Наоборот, думают: "я" существует.

Так же как тот, кто увидел золота призрак:

Долго старался, искал и разглядывал воду, —

Трудятся тщетно и ничего не получают.

*Притча 61. Почему ученик Брахмадевы
стал создавать живых тварей*

Все брахманы провозглашают великого царя Брахмадеву отцом мира и говорят, что он может создавать все живущее.

А у повелителя, творящего все живущее, был ученик, который сказал: "Я тоже могу создавать живых тварей". На самом же деле это был дурак, считавший себя мудрецом. Он сказал Брахмадеве: "Я желаю создавать живых тварей". — "Не возмей такого намерения! Ты не можешь этого делать", — возразил Брахмадева.

Но глупец пренебрег этими словами Брахмадевы и все же решил создавать живых тварей. Увидев, что сотворил его ученик, Брахмадева сказала: "Ты делаешь голову слишком большой, а шею слишком маленькой, руки слишком большими, а предплечье слишком маленьким, ноги очень маленькими, а пятки очень большими. [Твои создания] похожи на бесов-пишача".

Смысл [сей притчи] в том, что необходимо понять: каждое живое существо создается своими прошлыми делами, а не Брахмадевой.

Когда будды излагают Закон, они не впадают ни в одну из двух крайностей⁹⁹: они не касаются ни прерывности, ни

постоянства. Таким образом, они трактуют Закон с помощью благородного восьмеричного пути¹⁰⁰.

Еретики же, столкнувшись с такими явлениями, как прерывность и постоянство, порождают привязанность к вещам¹⁰¹. Обманывая мир, они придают своим толкованиям лишь внешнюю форму Закона. На самом же деле то, что они проповедают, вовсе не является Законом.

Притча 62. Про то, как больной ел мясо фазана

Некогда один человек тяжело заболел. Искусный лекарь освидетельствовал его и сказал, что ему необходимо регулярно съедать мясо одного фазана, только так можно избавиться от болезни.

Этот больной купил на базаре фазана, съел его и больше есть не стал.

Через какое-то время лекарь увидел его и спросил: "Прошла твоя болезнь?" Больной отвечал: "В прошлый раз ты, лекарь, велел мне регулярно есть мясо одного фазана. Сейчас тот фазан, которого я ел, уже кончился, а больше я есть не смею". Лекарь возразил: "Если тот фазан кончился, почему же ты не ешь больше? Как же так: ограничился тем, что съел одного фазана, и надеешься поправиться?"

То же получается со всеми еретиками. Они слышали, что Будда и бодхисаттвы, непревзойденные в искусности целители, учат, что нужно освободить от мирских уз разум и сознание.

Еретики же считают, что увиденное ими постоянно. Они полагают, что прошлое, будущее и настоящее раз и навсегда существуют в сознании без продвижения и упадка. Они похожи на того, кто съел единственного фазана, и поэтому не могут излечиться от заболевания глупостью, омрачением и тревожностями.

Все великомудрые будды учили всех еретиков отказаться от взгляда о постоянстве. Все дхармы¹⁰² каждое мгновение возникают и погибают. Так может ли быть постоянным и неизменным хоть одно сознание! Будда же поступает так, как тот мирской лекарь, который велел регулярно есть фазанье мясо, чтобы достичь выздоровления; он призывает всех живущих уяснить, что все дхармы разрушаются, потому непостоянны, продолжают, потому непрерывны. [Только] так можно избавиться от болезни — приверженности к постоянству.

*Притча 63. Как комедиант всех натугал,
нарядившись в платье ракшаси¹⁰³*

Некогда в государстве Гандхара¹⁰⁴ существовала труппа комедиантов. Так как в это время случился неурожай и голод, то они отправились в поисках пропитания в чужие края.

Они шли через горы Баласена¹⁰⁵. А в этих горах издавна водились злые демоны-ракшасы, пожиравшие людей. Случилось так, что комедианты заночевали в этих горах. В горах дул холодный ветер; они развели огонь и уснули. Одному из комедиантов стало холодно. Он оделся в наряд беса-ракшасы и сел к огню.

В это время кто-то из его спутников проснулся и увидел, что у огня появился ракшаса. Не разглядев как следует, он кинулся прочь и убежал. Вслед за ним всполошились и другие, и вся компания пустилась наутек.

Тогда тот из комедиантов, что был одет в платье ракшасы, тоже бросился бежать и мчался без оглядки. А его попутчики, видя, что он бежит за ними, решили, что он собирается причинить им зло, и страх их удвоился. Они перебирались через горы и реки, падали в канавы. Тела их были изранены, они устали и выбились из сил.

Только с наступлением следующего дня они поняли, что это не бес.

Все жители брэнного мира поступают так же. Пребывая в голоде и тревожнении, они по закону добра стремятся когда-нибудь обрести вечное блаженство и очищение от собственного "я" — пищу непревзойденного Закона. Однако, пребывая в состоянии пяти составляющих, слишком уповают на собственное "я". Из-за отношения к реальности собственного "я"¹⁰⁶ они носятся в круговороте жизни и смерти. Гонимые тревожностями, они не могут достичь собственной независимости. Они попадают на дорогу трех зол, оказываются в канаве. Наступление рассвета — это намек на окончание ночи круговорота жизни и смерти. Наступает просветление мудростью, и только тогда становится понятно, что в пяти составляющих нет истинного "я"¹⁰⁷.

*Притча 64. Про то, как люди думали,
что в старом доме обитает злой дух*

Стоял некогда старый дом. Люди говорили, что в этом доме всегда водились злые духи, и все боялись их и не хотели в этом доме останавливаться.

Был в те времена один человек, который считал себя смельчаком. Он сказал: "Я войду в этот дом и останусь там ночевать". И он пошел и остался ночевать. Следом за ним другой человек, считавший себя еще смелее первого, тоже услышал, что окружающие говорят, будто в доме постоянно обитают злые духи. И он тоже захотел войти в дом.

Он толкнул дверь и уже собирался войти. Тот же, что проник в дом первым, решил, что это злой дух. Он захлопнул дверь и держал ее, не давая тому войти. Тот же, что пришел вторым, принял [первого] за злого духа. И эти двое пытались одолеть один другого.

Только когда рассвело и они увидели друг друга, каждый из них понял, что другой не был злым духом.

Со всеми людьми в мире случается то же самое. Они ненадолго сходятся по воле судеб, но нет среди них главного распорядителя. И они один за другим выясняют: "А кто же я?"

Но все живущие произвольно понимают, что правильно, что ложно. Возникают сильные распри. Они ничем не отличаются от тех двоих, [что приняли друг друга за злых духов].

Притча 65. Пятьсот живительных пилюль

Жила некогда женщина. В распутстве она не знала меры. И когда страсти ее переполняли, она ненавидела своего мужа и всякий раз придумывала планы, как бы его погубить. У нее были различные замыслы, но она не могла их осуществить.

[И вот] случилось так, что муж ее был послан по службе в соседнее государство. Жена втайне придумала [план]. Она приготовила ядовитые пилюли и хотела отравить ими мужа. Она обратилась к мужу со словами, [полными] притворства: "Тебя отправляют в дальние края на службу. Если случится тебе испытать какие-то лишения, то вот я приготовила пятьсот живительных пилюль. Я даю их тебе вместо припасов на дорогу. Когда ты окажешься за пределами нашего государства, в чужих краях, когда будет трудно и ты будешь голоден, ты сможешь достать их и съесть".

Муж запомнил эти ее слова. Добравшись до чужих мест, но еще не успев отведать пилюль, он темной ночью оставился в лесу. Так как он боялся хищных зверей, то для безопасности забрался на дерево. А свои живительные пилюли он оставил внизу, под деревом.

И как раз случилось так, что в ту самую ночь пятьсот воров-разбойников, укравших у правителя государства пятьсот лошадей и разные сокровища, расположились под [этим же] деревом.

Поскольку они бежали и скрывались, то были голодны и страдали от жажды. А тут под деревом они увидели живительные пилюли. Все разбойники набросились на них, и каждый съел по одной. Губительная сила яда дала себя знать, и все пятьсот разбойников полегли разом.

С наступлением следующего дня человек, сидевший на дереве, увидел, что все разбойники лежат под деревом мертвые. Тогда он нарочно порубил трупы мечом и вонзил в них стрелы, взял оседланных лошадей и драгоценности и двинулся в то государство.

В это же время правитель государства и с ним множество народа шли по следам грабителей. В пути тот человек повстречался с правителем. Правитель спросил: "Что ты за

человек и где взял лошадей?" Человек отвечал: "Я из такого-то государства. В пути столкнулся с шайкой грабителей. Я их всех разом порубил и пронзил стрелами, и теперь все пятьсот разбойников лежат мертвые под деревом. А лошадей и драгоценности я забрал, чтобы вернуть их правителю. Если ты, правитель, не веришь, можешь послать осмотреть то место, где разрублены и уничтожены грабители".

Правитель тут же послал доверенное лицо посмотреть. В самом деле все оказалось так, как рассказывал этот человек. Правитель очень обрадовался. Он воскликнул: "Видано ли такое!" Когда же вернулись домой, он щедро наградил и пожаловал титулом [смелого человека]. Правитель одарил [смельчака] драгоценностями, пожаловал земли.

Старые сановники, служившие у этого правителя, стали очень завидовать. Они сказали правителю: "Этот человек из дальних мест. Не стоило бы ему доверять. Почему ты вдруг так благоволишь к нему, так его награждаешь, даешь титулы значительно щедрее, чем тем, кто давно тебе служит?"

Человек из далекой страны услышал это и сказал: "У кого из вас хватит смелости со мной помериться силами, пусть выйдет на ровное место и покажет свои силы и умение". Старые сановники испугались и не решились противостоять [смельчаку].

Прошло какое-то время, и в этом государстве на огромном пустыре завелся свирепый лев: он выходил на дорогу и убивал людей. По дорогам страны невозможно стало ездить.

Тогда старые сановники стали держать совет и решили: "Этот человек из далекой страны считает, что он смел и силен так, что не имеет себе равных. Если теперь он убьет льва и избавит страну от этой беды, это и в самом деле будет необычайно". Свое мнение они доложили правителю. Правитель выслушал их, вручил [смельчаку] меч и дубину и велел ему выступать.

Человек из далекой страны, как только получил приказ, укрепил свою волю и двинулся на льва. Завидев человека, лев пришел в ярость, зарычал, прыгнул, бросился вперед. Человек испугался и в тот же миг влез на дерево, от страха выронив из рук меч.

Меч угодил в лвиную пасть, и лев тут же издох. А человек из далекой страны от радости запрыгал и отправился с докладом к правителю.

Правитель удвоил свое благоволение. Тогда уж и люди этого государства тоже стали уважать его и доверять ему.

Живительные пилюли, приготовленные женой, — это намек на нечистое даяние^{10⁸}. То, что правитель направил человека послом, — намек на совершенного наставника^{10⁹}. То, что человек отправился в другое государство, — это

намок на небеса. То, что человек уничтожил шайку грабителей, сравнивается со вступлением в сротапанну¹¹⁰ и окончательным пресечением пяти желаний и треволнений. То, что человек встретил правителя того государства, — намек на встречу с совершенномудрым. То, что старые сановники того государства ревновали и завидовали, — намек на всех еретиков. Когда они видят, что мудрый человек может пресечь треволнения и пять желаний, они начинают возводить на него клевету. Они говорят, что ничего этого не было. То, что человек из далекой страны, придя в ярость, сказал старым сановникам, что никто из них не сможет ему противостоять, — намек на то, что еретики не смеют противиться [истине]. То, что человек убил льва, сравнивается с уничтожением демона Мары¹¹¹, после которого прекратились все треволнения. И еще это намек на то, что повергнувший злых демонов получает в награду плоды Пути, не возмущенные мирскими треволнениями¹¹². То, что человек из далекой страны каждый раз испытывал страх, — это намек на то, что слабость может обернуться силой.

Хотя поначалу он и не имел чистых помыслов, но с помощью своих даяний повстречался с другом добра и получил наивысшее воздаяние. Нечистые даяния хотя и нечисты, но добрые устремления [могут превратить их] в даяния радости. Вот почему следует усердно раздавать милостыню на ниве счастья.

*Притча 66. Про то, как некто твердил наизусть
правила вожделения судов, но не знал,
как ими пользоваться*

Жил-был некогда выходец из знатной семьи. С группой торговцев он отправился в море за сокровищами. Он твердо заучил правила управления судами, вышедшими в море: "Если, находясь в море, [попадешь] в место, где есть водовороты, подводные течения и камни, то следует держать руль так-то, продвигаться так-то, останавливаться так-то". Он заявил всем: "Я знаю все правила плавания по морю". Услышав такое, все торговцы прониклись к его словам глубоким доверием.

Через короткое время после их выхода в море заболел и скоропостижно умер кормчий. И тогда "знавший все правила" занял его место. Когда они попали в водоворот, он возгласил: "Надо так-то править, так-то двигаться вперед".

Но суденышко стало вертеть на месте, и оно не могло плыть дальше, к тому месту, где были сокровища. Все находившиеся на нем торговцы потонули.

Люди в мире поступают так же. Мало упражняются в способах созерцания, регулировании вдохов и выдохов¹¹³ и раз-

глядывании нечистого¹¹⁴. Они твердят слова, но не вникают в смысл. Они совершенно не понимают истинной сущности различных методов, а говорят, что прекрасно в них разбираются. Они неверно излагают способы созерцания, так что сидящие перед ними люди теряются, мысли их путаются. Проявление Закона оказывается поставленным с ног на голову. За долгие годы всей своей жизни они так ничего и не достигают.

Они похожи на того глупца, из-за которого другие погибли в море.

Притча 67. Про то, как муж и жена заключили договор, кому съесть оставшуюся лепешку

Некогда жили-были муж с женой. У них было три лепешки. Муж и жена поделили их между собой, каждый съел по лепешке, и еще одна лепешка осталась.

Они условились: тот, кто заговорит, теряет лепешку. Как только они заключили этот договор, ни один из них уже не смел разговаривать — и все из-за одной лепешки.

Прошло сколько-то времени. Какие-то вору забрались в их дом. Они обокрали их, унесли все добро. Все, что у них было, попало в руки воров. Муж и жена все видели, но из-за заключенного ранее договора не произнесли ни слова.

Убедившись, что [хозяева] молчат, вору на глазах у мужа схватили жену. Муж и на это смотрел, не проронив ни слова. Тогда жена крикнула: "Вору!" — и обратилась к мужу: "Что же ты, дурень, ради какой-то лепешки глядишь на воров и не закричишь!"

Тут муж хлопнул в ладоши, засмеялся и сказал: "Ну, жена, уж точно лепешка моя. А ты ничего не получишь!"

Люди, жившие в то время, услышав такое, громко хохотали.

Так и с людьми в мире. Ради маленькой славы и выгоды они притворно безмолвствуют, и их захватывают всякого рода злые разбойники ложных треволнений. В них гибнет закон добра, и они попадают на дорогу трех зол. Однако они не пугаются. Они пытаются покинуть бранный мир, но из-за пяти желаний предаются забавам и развлечениям.

Хотя они и терпят большие муки, но не считают себя страждущими. Все обстоит точно как с тем глупцом — никакой разницы между ними нет.

Притча 68. Про то, как один глупец из ненависти хотел уничтожить какого-то человека

Однажды один человек рассердился на кого-то. И загрузил, перестал радоваться.

Кто-то спросил его: "Что это ты так горюешь?" Тот ему отвечал: "Один человек нанес мне ущерб, а я не в силах ему отомстить. Я грущу оттого, что не знаю, каким образом отомстить".

Кто-то сказал: "Только с помощью заклинания Веталы¹¹⁵ можно уничтожить его. Но тут есть одна неприятность: прежде чем уничтожить его, ты уничтожаешь себя".

Услышав такое, человек возликовал: "Ты только научи меня. Пусть я сам погибну, но зато его уничтожу".

Так же и люди в мире. В гневе стремятся произнести заклинание Веталы и навлечь беды на другого. В конце же концов, еще не успев причинить вреда другому, они своим гневом навлекают беду на самих себя. Они попадают в подземную тюрьму для грешных душ, перерождаются в животных и голодных духов¹¹⁶.

Все равно как с тем глупцом — никакой разницы между ними нет.

Притча 69. Про то, как некто, подражая предкам, быстро ел

Некогда один человек приехал из Северной Индии в Южную. Прожив там довольно большой срок, он посватался к одной девушке, и они стали мужем и женой.

[Как-то] жена приготовила для мужа еды и напитков, а муж все быстро-быстро проглотил. Его не остановило даже то, что пища была горячая.

Жена с удивлением сказала мужу: "Здесь нет разбойников, грабящих людей. Что у тебя за срочные дела, что ты так торопишься? Почему не можешь есть спокойно?" Муж ответил жене: "Тут есть маленькая тайна, и я не могу раскрыть ее тебе". Услышав такое, жена решила, что все дело в чужеземном обычае, и [продолжала] участливо расспрашивать его.

Прошло довольно много времени, и муж наконец объяснил: "Мои деды всегда имели обыкновение быстро есть. Вот и я, подражая им, тороплюсь".

Люди в мире поступают так же. Они не постигают истинных правил, не отличают добро от зла. Они совершают дурные поступки и не испытывают стыда. Они говорят: "Мои предки всегда жили по таким законам". Они ведут себя так до самой смерти и не могут от этого отказаться.

Точно как тот глупец, который привык быстро есть и считал, что это хорошая привычка.

Притча 70. Про то, как некто пробовал плоды манго

Некогда один богач послал человека, дав ему денег, в сад к другому человеку купить плодов манго. Богачу хотелось отведать плодов. Он наказал человеку: "Покупай только в том случае, если плоды вкусные и сладкие".

Человек тут же взял деньги и отправился покупать эти плоды. Владелец фруктового сада сказал: "У меня на этом дереве все плоды хорошие, ни одного нет плохого. Ты попробуй один — тебе будет достаточно, чтобы это понять".

Покупатель же заявил: "Я должен попробовать каждый плод, только тогда я смогу их купить. А если я попробую только один, то как я узнаю об остальных?"

И он стал пробовать один плод за другим, пока не перепробовал все. После этого он взял их и отнес домой. Увидев [надкусанные плоды], богат почувствовал отвращение к ним и не стал есть. Пришлось все выбросить.

Люди в мире тоже поступают так. Они слышат, что соблюдением обетов и раздачей милостыни можно добиться большого богатства и радости. Тело всегда будет в покое, не будешь знать никаких страданий. Но они не верят этому и думают так: "Даяниями достигают счастья... Вот когда я сам достигну этого счастья, только тогда и поверю".

Они видят собственными глазами, что благородное и низкое, бедность и нищета суть плоды, полученные в воздаяние за содеянное в прошлом. Но они не понимают, что достаточно разобраться в одном, чтобы доискаться, где причина, а где ее результат. Пока нечто скрыто, они в это не верят и должны через все пройти сами.

Но однажды брэнной жизни приходит конец. Все состояние оказывается потерянным. Точь-в-точь, как с тем, что перепробовал все плоды, которые [потом пришлось] выбросить.

Притча 71. О том, как из-за двух жен глупец потерял оба глаза

Некогда один человек взял в жены сразу двух женщин. И стоило ему только приблизиться к одной, как другая приходила в ярость. Он никак не мог решить, [как себя вести].

Он улегся прямехонько между двумя женщинами, устремив глаза в небо. Полил ливень. Крыша дома протекла¹¹⁷. Вода, смешанная с грязью, стала капать вниз, попадая [как раз] глупцу в глаза.

Следуя [избранному им] первоначальному принципу, он не посмел ни встать, ни отвернуться. Это привело к тому, что он ослеп на оба глаза.

С людьми в мире тоже происходит подобное. Они сближаются с неверными друзьями, привыкают поступать вопреки Закону. Они создают себе злую карму¹¹⁸ и попадают на дорогу трех зол. Они навеки остаются в круговороте жизни и смерти, лишаются глаз мудрости.

Точь-в-точь как с тем глупцом, который из-за двух жен потерял оба глаза.

*Притча 72. Про то, как из-за набранного в рот риса
глупцу рассекли щеку*

Некогда один человек пришел к родственникам жены и увидел, что там толкут рис.

Он подошел и, украдкой схватив рису, затолкал в рот. Тут вошла жена, увидела мужа и захотела с ним поговорить. Но у того был полный рот риса, и он не мог ей отвечать.

Ему стало стыдно перед женой: он не мог просто выплюнуть рис, но и говорить он тоже не мог. Жена удивилась, что он не разговаривает, и, ошупав рукой щеку, решила, что у него во рту опухоль. Она сказала своему отцу: "Только что пришел мой муж — у него вдруг распухло во рту. Он совсем не может разговаривать".

Отец жены немедленно вызвал лекаря, чтобы тот полечил [зятя]. Лекарь сказал: "Заболевание серьезное. Вылечить его можно, только вскрыв опухоль ножом". И тут же рассек ножом щеку. Из рта вывалился рис, и сразу все стало ясно.

Люди в мире поступают так же. Они совершают различные дурные поступки, преступают обет соблюдения чистоты, скрывают свои прегрешения, не желая, чтобы они обнаружили. Они попадают в подземную тюрьму для грешных душ, перерождаются в животных и голодных духов.

Они уподобляются тому глупцу, что стыдился выплюнуть рис, а позволил рассекь ножом щеку, после чего обнаружился его проступок.

*Притча 73. Про то, как глупец солгал,
сказав, что его лошадь издохла*

Некогда один человек верхом на черной лошади въехал в ряды сражающихся разбойников. От страха он не смог сражаться. Тогда он измазал лицо кровью, притворился мертвым и лег среди мертвецов.

Лошадь, на которой он был, кто-то увел. Когда разбойничье войско ушло, он захотел вернуться домой. Он отрезал хвост от чужой белой лошади и взял его с собой.

Кто-то спросил у него, когда он вернулся домой: "Где твоя лошадь и почему ты не на ней?" Он отвечал: "Моя лошадь издохла, я даже захватил с собой ее хвост". Окружающие сказали: "У тебя ведь была черная лошадь. Как же хвост оказался белым?" Глупец молчал, ему нечего было сказать. Люди его осмеяли.

То же бывает и с людьми в мире. Сами говорят о любви и добре, о том, что совершенствуют свое милосердие, что не пьют вина, не едят мяса. Однако же они убивают всех живых тварей, умножают боль и страдание. Они лицемерно восхваляют свои добродетели. На самом же деле нет зла, которого бы они не совершили.

Они уподобляются глупцу, который солгал, что у него издохла лошадь.

Притча 74. Про то, как [жители этого мира] уходят в монахи из жажды выгоды

Некогда правитель одного государства издал закон: "Все брахманы, проживающие в моем государстве, обязаны умываться дочиста. Тех же, кто не станет умываться, велю отправлять на всякого рода тяжелые работы".

Какой-то брахман только ради видимости носил кувшин для умывания и лишь притворялся, будто умывается. Люди наливали ему воду, а он тут же выпивал ее и говорил: "Если я недостаточно чисто умыт, пусть правитель сам меня умоет. Тогда я по воле правителя избегну государевых повинностей".

Так он делал вид, будто умыт, на самом же деле он вовсе не умывался.

Ушедшие в монахи жители этого мира тоже поступают так. Они бреют голову, красят одежду. По внутренней же своей сущности они нарушают запреты. Они делают вид, будто соблюдают обеты, надеясь получить выгоду и избежать государевых повинностей. Только внешне они похожи на шраманов¹¹⁹, по внутренней же сущности они насквозь фальшивы.

Они уподобляются тому, кто только ради видимости носил с собой пустой кувшин.

Притча 75. Про то, как глупец лишился и верблюда и кувшина

Какой-то человек когда-то давно наполнил зерном кувшин. Его верблюд засунул голову в кувшин и стал есть зерно, а потом не мог вытащить голову обратно.

Когда человек увидел, что верблуду не вытащить головы, он встревожился. Тут явился какой-то старец и сказал: "Ты не печалься, я научу тебя, как ее вытащить. Ты следуй моему совету, тогда сразу вытащишь. Отруби голову, и она сама оттуда вывалится".

Следуя этому совету, человек ножом отсек голову. Этим он и верблюда убил, и кувшин расколот.

Подобно этому глупцу, который всеми был осмеян, поступают и неразумные миряне. Они всей душой жаждут бодхи¹²⁰, стремятся обрести все Три Колесницы¹²¹. [Для этого] им нужно соблюдать запреты, преграждая доступ всякому злу. Однако пятью желаниями они разрушают заповедь о чистоте. А стоит лишь нарушить заповеди, как они тут же покидают Три Колесницы, предаются крайней степени распущенности. И нет того зла, которого бы они не совершили. Все оказывается заброшенным: и Колесницы, и заповеди о чистоте.

Происходит то же, что с глупцом, который лишился и верблюда и кувшина.

Притча 76. Про то, как крестьянин мечтал о дочери правителя

Некогда один крестьянин отправился в город и увидел дочь правителя. Ее внешность являла собой совершенство, какое редко встречается на свете.

День и ночь он думал о ней. Будучи не в силах совладать со своими чувствами, он жаждал близости с ней, но не имел возможности осуществить свое желание.

Лицо его приобрело нездоровый, желтый цвет, он тяжело заболел. Близко знавшие его спросили, почему с ним происходит такое. Он им ответил: "Вчера я видел дочь правителя. Она — само совершенство, я жажду разделить с ней постель. Оттого что не могу этого добиться, я заболел. Если мне не удастся ее получить, то несомненно умру".

Все родные сказали: "Мы для тебя что-нибудь придумаем, и она достанется тебе, но не надо так убиваться". На следующий день они увидели его и сказали: "Мы-то сделали так, что ты сможешь ее получить, только сама дочь правителя не желает этого".

Услышав это, крестьянин от радости воскликнул: "Она непременно будет моей!"

Глупцы в мире тоже поступают так. Они не различают времен года: весну, осень, зиму, лето. В зимнее время они бросают зерно в землю и надеются получить плоды. Их усилия пропадают без толку — ничего они не добиваются. Побег, стебли, листья, ветки — все гибнет.

Глупцы в мире привыкают к маленькому счастью и полагают, что этого достаточно. И тогда они думают, что уже просветлились и могут достичь бодхи.

Они уподобляются тому крестьянину, что мечтал о дочери правителя.

Притча 77. Про то, как дошли осла

Некогда жители некоего сопредельного [с Индией] государства не знали, что такое осел. От других они слыхали, что ослиное молоко очень вкусно, но никакого представления о нем не имели.

И вот однажды они раздобыли осла и собрались его доить. Отталкивая друг друга, они хватали осла [кто за что]: одни за голову, другие за ухо, третьи за хвост, четвертые за ноги, а были и такие, которые схватили осла за его корень. Каждому хотелось поскорее надавить и первому испить ослиного молока. Те, что держали осла за корень, полагали, что это и есть вымя. Они дергали его, ожидая, что потечет молоко.

Все они очень устали и ничего не выдоили. Только зря старались, а добиться так ничего и не добились. Все очевидцы их осмеяли.

Еретики, живущие в этом мире, тоже поступают так. Они слышат разговоры о том, что в Пути не надо искать места¹²², и у них возникают ложные мысли, появляются всякого рода ошибочные воззрения. Они обнажают свое тело, моят себя голодом, кидаются с утесов, бросаются в огонь.

Из-за своих ошибочных воззрений они оказываются на дороге зла. Они уподобляются тем глупцам, которые по своему недомыслию хотели получить от осла молоко.

*Притча 78. Про то, как один человек
условился с сыном утром отправиться в путь*

Некогда один человек ночью сказал сыну: "Завтра мы с тобой пойдем в ту деревню и кое-чего там добудем".

Сын услышал это и рано утром, не спрашивая ни о чем отца, пошел в деревню один. Пока добирался, он невероятно устал. И все зря: ничего он там не добыл. И поест не достал, хотя был смертельно голоден и очень томился от жажды. Вскоре он вернулся и встретил своего отца.

Отец же, увидев, что сын вернулся, стал изо всех сил его бранить: "Ну и дурень же ты, начисто лишен разума! Почему ты не дождался меня? Пошел один и лишь впустую прогулялся туда-сюда. Зря только претерпел такие мучения!"

Всеми людьми сын был осмеян.

И с жителями этого мира бывает такое. Они собираются уйти в монахи: бреют бороду, рядятся в три монашеских наряда¹²³, но не стремятся воспринять от Светлейшего учителя¹²⁴ истинную Дхарму. Они утрачивают благодать заслуг, приобретенных посредством погружения в созерцание на разных ступенях Пути. Они целиком лишаются сокровенного плода¹²⁵ шраманов.

Они уподобляются тому глупцу, который впустую сбегал туда и обратно, ничего не достиг, а только устал. Такие люди лишь внешне похожи на шраманов, в действительности же они ничего не достигли.

*Притча 79. Про то, как глупец
нес на спине скамейку для правителя*

Некогда один правитель собирался отправиться в сад Не знающего печали¹²⁶, чтобы развлечься и повеселиться. Одному из сановников он приказал: "Возьми скамейку и отнеси в этот сад. Я на ней посижу, отдохну".

Тот, кому было дано поручение, постеснялся нести скамейку в руках. Он сказал правителю: "Я не могу нести ее в руках, а хотел бы нести на плечах".

Тогда правитель нагрузил ему на спину тридцать шесть скамеек и велел нести в тот сад.

Глупец, который так поступил, был осмеян всем миром.

Жители этого мира поступают таким же образом. Если они видят, что на земле лежит женский волос, то, не желая его поднять, говорят, что соблюдают запреты. Потом их начинают обуревать треволнения, тогда они не считают отвратительными все тридцать шесть нечистот¹²⁷ — волосы, шерсть, ногти, зубы, мочу, кал и другие подобного рода нечистоты. Они держат в руках одновременно все тридцать шесть, при этом им не становится стыдно, и они не отказываются от этих нечистот до самой смерти.

Они уподобляются тому глупцу, которого нагрузили скамейками.

Притча 80. О промывании

Некогда один человек страдал расстройством желудка. Лекарь сказал, что нужно немедленно сделать промывание и тогда все пройдет.

Он тут же приготовил сифон для промывания и собирался проделать эту процедуру. Но не успел еще лекарь подойти [к больному], как тот взял и выпил лекарство.

У больного вздулся живот, и он чуть не умирал от нестерпимой боли, когда подошел лекарь и, удивившись происшедшему, спросил: "Что с тобой?" Больной отвечал лекарю: "Лекарство, которое ты приготовил для промывания, я выпил и, наверно, вот-вот умру".

Услышав такое, лекарь принялся укорять его: "Ну и дурак, не разобрался в способе [употребления лекарства]!" И тут же лекарь дал другое лекарство и вызвал у больного рвоту. Только после этого дурак почувствовал облегчение. Такой глупец всем светом был осмеян.

Жители этого мира тоже поступают так: они собираются изучать всевозможные способы созерцания, но, когда нужно созерцать нечистое, они занимаются подсчетом вдохов и выдохов. Если же нужно считать вдохи и выдохи, они, напротив, предаются созерцанию шести элементов¹²⁸. Они все ставят с ног на голову, ибо лишены главного [знания].

Они напрасно губят свою жизнь. Оказавшись в затруднительном положении, не обращаются за советом к совершенному наставнику, а путают различные способы созерцания.

Они уподобляются глупцу, который выпил нечистое.

Притча 81. Про [человека, сына которого] искушал медведь

Некогда жили-были отец и сын. [Как-то] пошли они гулять вместе с целой компанией. Сын зашел в лес, и там его искушал медведь. Его тело было изувечено медвежьими когтями.

Сил-цо измученный, он с трудом выбрался из лесу. Когда он вернулся к своим спутникам, отец увидел, что тело сына изранено, и удивленно спросил: "Отчего это у тебя кругом раны?" Сын ответил отцу: "Какое-то существо — туловище покрыто шерстью, большие уши в длинных волосах — вышло и покалечило меня".

Отец с луком и стрелами отправился в лес. Он увидел отшельника с длинными волосами и хотел было убить его. Окружающие сказали: "Зачем тебе его убивать? Он не причинял никакого зла. Ты должен отступить от своего намерения".

Глупцы в мире поступают так же. Подвергшись поношению со стороны тех, кто лишь рядится в одежду Закона, но не идет по истинному Пути, они причиняют вред людям совершенным, обладающим добродетелями.

Их можно сравнить с отцом, сына которого искушал медведь, а он хотел незаслуженно покарать святого отшельника.

Притча 82. Про то, как глупец засевал поле

Жил-был некогда мужик. Пришел он в поле и увидел густую, высокую пшеницу.

Мужик спросил у хозяина пшеничного поля: "Как тебе удалось получить такую густую пшеницу?" Хозяин ответил: "Хорошенько вспахал землю, унавозил и поливал — вот и выросла такая".

Мужик немедленно обработал землю таким же способом: полил, унавозил, сделал все, как положено. Когда же надо было бросать в землю семена, он побоялся, что своими собственными ногами утопчет землю и пшеница не взойдет. "Сяду-ка я на скамью, и пусть другие меня понесут. А я буду сверху разбрасывать семена. Вот так-то будет хорошо". Тут же он велел четверым, чтобы они, взявшись за ножки скамьи, несли его над полем, а он бы бросал в землю семена.

Однако при этом утоптали землю гораздо больше. [Разумеется], все его осмеяли. Он боялся повредить поле своими двумя ногами, но гораздо больше повредили ему восемь ног.

Жители этого мира тоже таковы. Если они обрабатывают поле обетов, чтобы в будущем взошли ростки добра, то им следует обратиться к наставнику, воспринять и исполнить его наставления, и тогда появятся ростки Закона. Они же, напротив, совершают преступления, творят всякое зло. Из-за этого не всходят ростки обетов.

Их можно сравнить с тем глупцом, что, опасаясь [повредить вспаханную землю] своими двумя ногами, увеличил число ног до восьми.

Притча 83. Про обезьяну

Однажды какой-то взрослый человек избил обезьяну.

Она же не знала, на кого ей [излить свой гнев], и, в свою очередь, обидела малыша.

Так же поступают и все глупцы в мире. Люди, на которых они когда-то злились, постоянно уходили, их сменяли другие, а те превращались в ничто и оставались в прошлом.

Основываясь на законе, что послерожденные являются продолжением чего-то [ушедшего], глупцы, принимая их за прежних, гnevаются на них и ненавидят их еще больше без всяких на то оснований.

Они очень похожи на глупую обезьяну, которую избил взрослый, а она перенесла свой гнев на ребенка.

Притча 84. Про то, как из-за лунного затмения избили собаку¹²⁹

Некогда правитель асуров¹³⁰, увидев, что солнце и луна светят слишком ярко, заслонил их своей рукой.

Лишенный разума заурядный человек незаслуженно обвинил в этом преступлении ни в чем не повинную собаку.

Все люди суетного мира тоже таковы. Они алчны, сердиты и глупы. Из-за этого ни за что ни про что они подвергают страданиям свое тело: спят на колючках терновника, на пять ладов жгут свое тело¹³¹.

Это можно сравнить с тем, как из-за лунного затмения побили ни в чем не повинную собаку.

Притча 85. Про то, как у одной женщины болели глаза

Жила некогда женщина. У нее очень болели глаза.

Как-то знакомая этой женщины спросила: "У тебя глаза не болят?" Женщина ответила: "Болят". [Та], другая женщина продолжала: "Если есть глаза, они обязательно заболят. У меня пока еще не болят, но все равно я собираюсь их удалить — боюсь, потом заболят".

Окружающие сказали: "Если глаза есть, то иногда они болят. Но если их удалить, то болеть будет всю жизнь".

Все глупцы в мире действуют так же. Они слышат, что богатство и знатность есть начало всякого страдания и упадка, и боятся, что если не будут раздавать милостыню, то потом расплатятся за это. Они со страхом [думают], что, чем больше состояние, тем сильнее будут треволнения.

Кто-то им сказал: "Если вы будете раздавать милостыню, то будете либо страдать, либо радоваться. Если же не будете раздавать милостыню, то будете пребывать в бедности и терпеть большие страдания".

Это можно сравнить с тем, что произошло с той женщиной: не в состоянии вынести [одной мысли] о возможной боли, она собиралась лишить себя глаз и тем обречь на вечную боль.

Притча 86. Про то, как отец вырвал серьги из ушей сына

Некогда отец и сын поехали вдвоем по делам. В дороге на них неожиданно напали разбойники и хотели их ограбить.

В ушах у сына были серьги из чистого золота. Увидев, как внезапно налетели разбойники, отец испугался, что может лишиться серег. Он тут же попытался собственной рукой выдернуть их, но уши сына сразу не поддались. Тогда, чтобы сохранить серьги, отец отрубил сыну голову.

Вскоре разбойники скрылись. Отец приставил голову назад к плечам сына, но она никак не желала держаться.

Такой глупец — весь мир над ним потешался.

Люди суетного мира тоже поступают так. Во имя славы и выгоды ведут бессодержательные беседы. Они говорят о наличии второго рождения и об отсутствии второго рождения; о наличии промежуточного существования¹³² и об отсутствии промежуточного существования; о том, есть ли мера для разума¹³³, или же меры для разума нет, о том, что без разного сорта вздорных мыслей нельзя постичь суть Закона.

Когда другие люди, рассуждая согласно Закону, разбирают подобные суждения, те говорят: "В моих суждениях вовсе не было таких высказываний".

Такие глупцы ради славы и выгоды вздорными речами губят плоды пути шраманов¹³⁴. Когда же плоть их разрушается и жизнь подходит к концу, они попадают на три дороги зла.

Это подобно тому, что было с глупцом: из-за маленькой выгоды он отрубил голову своему сыну.

Притча 87. Про то, как делили награбленные вещи

Некогда шайка разбойников отправилась грабить.

Награбив много вещей, они принялись делить их между собой. Все доли были равные, и только платье из тончайших нитей, изготовленное в Оленьем парке¹³⁵, — его сочли самой плохой долей — дали самому слабому в шайке.

А тот, слабый, получив свою долю, пришел в ярость. Он стал кричать, что его обошли.

Когда же он пришел в город продавать [доставшийся ему наряд], то все именитые богачи стали предлагать ему большие деньги. То, что получил он один, оказалось в два раза больше того, что получили все его сотоварищи, вместе взятые. Тут он возликовал и запрыгал от радости.

Это подобно тому, как миряне, не зная, повлечет ли за собой воздаяние раздача милостыни или нет, раздадут малую милостыню¹³⁶. Когда же возрождаются на небе и испытывают безмерное блаженство, начинают сожалеть: они сожалеют о том, что не раздавали обширной милостыни¹³⁷. Они похожи на того, кто, получив за платье большие деньги, возликовал.

С раздачей милостыни то же самое: много получают за малые дела. Вот почему вместе с ликованием у них возникает сожаление о неполноте совершенного.

Притча 88. Про обезьяну и пригоршню гороха

Некогда обезьяна держала пригоршню гороха. Нечаянно она выронила одну горошину. Горошина упала на землю. Обезьяна бросила весь остальной горох, который был в руке, чтобы найти ту одну горошину.

Но она еще не успела поднять оброненную горошину, как весь горох, который она бросила, подчистую склевали куры и утки.

То же происходит с людьми, покинувшими суетный мир. Сначала они нарушают один обет и не могут раскаяться. Из-за того же что они не раскаялись, пышным цветом расцветает их распушенность, и они отказываются от всех обетов.

Точно как с той обезьяной, что, уронив одну горошину, выбросила весь остальной горох.

Притча 89. Про то, как некто нашел золотую куницу

Некогда один человек отправился в путь. На дороге он нашел золотую куницу. Он очень обрадовался, запрыгал от восторга. Куницу положил за пазуху и пошел дальше.

Он подошел к реке и хотел было переправиться на другой берег. Разделся, одежду бросил на землю.

В один миг золотая куница превратилась в ядовитую змею. Человек размышлял: "Неужели я погибну от укуса ядовитой змеи? Все-таки спрячу ее за пазуху".

Как только у него появились столь мрачные сомнения, змея снова превратилась в золото.

Находившийся рядом глупец, увидев, что ядовитая змея превратилась в драгоценность, решил, что так бывает всегда. Он взял ядовитую змею и тоже положил ее к себе за пазуху. Змея тут же его ужалила. Так он загубил свой телесный облик и умер.

С глупцами в этом мире всегда бывает так. Они видят, что добро приносит выгоду. Будучи внутренне неискренними, они лишь ради выгоды стремятся приобрести к Дхарме. Когда же жизнь их кончается, они попадают в обитель зла.

Это подобно тому глупцу, который взял ядовитую змею и ею был смертельно ужален.

Притча 90. Про то, как некто нашел на земле золотые монеты

Некогда один бедняк шел по дороге и случайно нашел целый мешок золотых монет. Он очень обрадовался, запрыгал и тут же стал их считать.

Не успел он еще сосчитать, как вдруг к нему подошел хозяин золотых монет. Бедняку пришлось полностью вернуть все монеты, которыми он было завладел. Бедняк пожалел тогда, что не убежал побыстрее. Он огорчился и очень сильно страдал.

Те, кто встречаются с Законом Будды, тоже таковы. Хотя они обретают счастье трех драгоценностей¹³⁸, они не усердствуют в способах. Только начнут совершенствоваться в добрых деяниях, как неожиданно жизнь кончается, и они попадают на три дороги зла.

Они уподобляются тому глупцу, который вернул доставшиеся было ему монеты их владельцу, а сам ушел.

Гатха¹³⁹ гласит:

Нынче они заняты делом одним,

Завтра они хлопочут о деле другом.

Радости видят — не видят страданий они.

Но неожиданно смерть приходит, как вор, —

Нужно спешить все завершить поскорей.

Жители брэнного мира всегда таковы:

От бедняка, что принялсЯ деньги считать,

Не отличаются жители мира ни в чем.

Притча 91. О том, как бедняк захотел помериться состоянием с богачом

Жил некогда один бедняк. Состояние у него было совсем незначительное. Увидел он богача и задумал сравниться с ним богатством.

А так как сравнивать было невозможно, то имевшееся у него незначительное состояние он надумал бросить в реку.

Сосед ему сказал: "Хотя богатство твое невелико, все же на него ты смог бы прожить хоть несколько дней. Зачем же отказываться от него и бросать все в реку?"

Глупцы в мире поступают так же. Хотя они и уходят в монахи, им мало той выгоды, которую они получают. В душе они чувствуют, что чаяния их не сбылись. Они не могут сравниться с теми, кто высокодобродетелен. Стремясь к такой же выгоде, они видят, что те, которые обладают добродетелью с давних пор, всегда имеют большую славу и множество даяний. Они пытаются сравнивать себя с ними.

Но так как сравниться все равно не могут, то в душе за-таивают тоску и страдания. И тогда они решают отступить от Пути.

Их можно уподобить тому глупцу: задумал тягаться состоянием с богачом и сам же выбросил все, что имел.

Притча 92. О том, как мальчик получил живительные пилюли

Как-то раз одна кормилица шла по дороге с ребенком на руках. Она очень устала в пути и незаметно для себя уснула.

В это время какой-то человек дал ребенку живительные пилюли. Получив пилюли, мальчик жадно набросился на них, потому что они были очень вкусные. Он и не думал о вещах, которые были на нем.

Тем временем человек, который дал пилюли, снял с него подвески, ожерелье, одежду и все унес.

Монахи поступают так же. В суете они радуются малой выгоде. А в это время разбойники-треволнения лишают их благостных заслуг и драгоценного ожерелья обетов.

Происходит то же, что с тем мальчиком: из-за того что он позарился на малое — вкус, вор унес все, что у него было.

Притча 93. Про то, как старуха держала медведя

Однажды старуха прилегла отдохнуть под деревом и уснула. Явился медведь и ударил ее лапой.

Спасаясь от медведя, старуха стала бегать вокруг дерева. Медведь же, преследуя ее, обнимал дерево то одной, то другой лапой, намереваясь схватить старуху. Но старуха, изловчившись, мгновенно обхватила дерево и сдвинула обе лапы медведя. Медведь не мог шевельнуться.

Тут подошел какой-то незнакомец. Старуха ему говорит: "Помоги мне удержать медведя, тогда мы его убьем и поделим тушу". Человек поверил словам старухи и стал вместе с ней придерживать медведя.

Но стоило ему лишь придерживать медведя, как старуха тут же отпустила зверя и убежала. Человека же этого медведь загрыз. Весь мир осмеял такого глупца.

Люди, живущие в этом мире, поступают так же. Они создают странные трактаты: в них нет ничего достойного, они витиеваты и многословны, страдают массой недостатков. Создатели этих трактатов погибают, еще не завершив их. После их смерти другие люди берутся за эти же трактаты, намереваясь снабдить их комментариями, но не могут постичь их смысла и только мучаются над ними.

Это подобно тому, как было с тем глупцом: вместо дру-гого взялся держать медведя, а сам из-за этого погиб.

Притча 94. О сточной трубе "мани"

Некогда один человек занимался любовью с замужней женщиной. Любовное свидание еще продолжалось, когда вернулся муж и сразу понял, [что происходит].

Стоя за воротами, муж ждал, когда выйдет любовник, чтобы убить его. "Мой муж уже обо всем догадался, — сказала женщина любовнику, — и тебе не выйти отсюда иначе, как через "мани".

[На языке] иноземцев "мани" значит "отвесьствие сточной трубы". Женщина имела в виду, что любовник выберется через сточную трубу. Но он понял ее неправильно и решил, что речь идет о жемчужине "мани"¹⁴⁰. Он стал повсюду искать жемчужину и, не найдя, сказал: "Раз не нашел жемчужины, значит, мне не выйти отсюда и твой муж вот-вот убьет меня".

Так же поступают люди, живущие в мире. Кто-то сказал: "Между жизнью и смертью [все заполнено] страданиями, пустотой непостоянства и полным отсутствием "я". Если, отказавшись от двух крайностей¹⁴¹ — прерывистого и вечного, вступить на средний путь¹⁴² и идти по самой середине, то можно обрести освобождение от мирских уз¹⁴³".

Люди, живущие в мире, ошибочно истолковывая эти слова, начинают доискиваться, существуют ли края света или их нет, существует ли собственное "я" у всех живущих или нет. При этом они никак не обращают внимания на то, что смысл заключен в среднем пути. Вдруг кончается их жизнь. Уничтоженные непостоянством, они попадают на три дороги зла.

Они подобны тому глупцу, который искал жемчужину "мани" и из-за этого погиб.

Притча 95. О голубе и голубке

Некогда голубь и голубка вместе свили гнездо. Осенью, когда созрели плоды, они наполнили ими гнездо. Через какое-то время плоды высохли, их стало меньше, всего полгнезда.

Голубь с гневом обратился к голубке: "Собирая плоды, мы оба усердно трудились, а ешь их ты одна, и осталось уже только полгнезда". — "Я вовсе их не ем, — ответила голубка, — просто сами плоды становятся меньше".

Голубь не поверил этому и сказал рассерженно: "Если бы только ты их не поедала, как бы их могло стать меньше!" И он тут же заклевал голубку.

Не прошло и нескольких дней, как пошел сильный дождь, плоды набухли, и их стало столько, сколько было поначалу. Когда голубь увидел это, у него сразу возникло чувство раскаяния: "Она действительно не ела их, а я так безрассудно убил ее". И он стал скорбно ворковать и звать голубку: "Куда же ты ушла?"

Люди, живущие в мире, поступают таким же образом. В мыслях они все ставят с ног на голову. Безрассудно принимая плотские наслаждения, они не думают, что все это непостоянно. Они преступают строгие запреты, а раскаяние приходит поздно. Упущенного не наверстать. Потом остается лишь тяжело вздыхать.

Это можно уподобить глупому голубю.

Притча 96. Про то, как некто притворился слепым

Некогда один мастеровой вынужден был работать на прачивателя. Человек не мог выносить таких тягот и притворился слепым. Таким образом ему удалось избавиться от страданий.

Другой мастеровой, узнав об этом, надумал и вправду лишить себя глаз, чтобы избежать тяжелых повинностей.

Кто-то сказал: "Зачем же ты сам себя увечишь, подвергая ненужным мукам?"

Подобных глупцов современники осмеивают.

Люди, живущие в мире, поступают так же: ради маленькой славы и выгоды они несут вздор, разрушают чистые заповеди. Плоть их умирает, жизнь кончается, они ввергают себя в пучину трех зол.

Происходит то же, что с тем глупцом, который ради ничтожной выгоды лишил себя глаз.

Притча 97. Про то, как некто, ограбленный злыми разбойниками, лишился накидки

Некогда два человека вместе отправились путешествовать в дикие места. На одном из них была накидка из тонкой шерсти. В дороге грабитель отобрал у него эту одежду. Второй же убежал и спрятался в зарослях травы.

Тот, у которого украли одежду, незадолго до того, как это случилось, зашил в угол накидки золотую монету. Он говорит разбойнику: "Эта одежда стоит как раз один золотой. Так вот я хочу за золотую монету выкупить ее". — "А где эта монета?" — спросил разбойник. Человек подполз угол накидки и показал монету. "Это настоящее золото, — сказал он разбойнику. — А если ты не веришь, можешь пойти спросить: там в траве хороший мастер по золотым делам".

Увидев второго путника, разбойник и у него отобрал одежду.

Таким образом дурак лишился и накидки, и золотой монеты. Сам прогадал, да еще и другой из-за него оказался в убытке.

Люди, живущие в мире, тоже поступают так. Они совершенствуются в ступенях Пути¹⁴⁴, накапливают всевозможные

заслуги. Но, подвергшись нападению разбойника-треволения, они теряют закон добра и уничтожают все приобретенные заслуги.

Они не только сами прогадывают, но из-за них и у других людей гибнут деяния, ведущие к истинному Пути. Плоть их погибает, жизнь кончается, они сами попадают на дорогу трех зол.

Они уподобляются тому глупцу, который всего лишился.

*Притча 98. Про то, как маленький мальчик
поймал большую черепаху*

Некогда маленький мальчик, играя на берегу, поймал большую черепаху.

Он задумал убить ее, но не знал, как это сделать, и спросил у людей: "Как можно ее убить?" Какой-то человек сказал: "Стоит лишь бросить ее в воду, и ты сразу ее убьешь".

Мальчик поверил ему и тут же бросил черепаху в воду. А черепаха, попав в воду, сразу же уплыла.

Люди, живущие в мире, поступают так же. Они стремятся охранять свои шесть источников¹⁴⁵, упражняться в приобретении заслуг. Не зная, как этого достичь, они спрашивают у других: "Как создать карму, освобождающую от мирских уз?"

Еретик, исповедующий ложные воззрения, демон небес Босюнь¹⁴⁶ и умудренный знанием зла говорят: "Вы думайте всегда лишь о шести видах мирской пыли, давайте волю страстям и пяти желаниям. Если будете поступать согласно нашим советам, то непременно сможете освободиться от мирских уз".

Такие глупцы, не вникая в суть, не обдумывая, делают, как им говорят. Тело их разрушается, жизнь кончается, и они попадают на дорогу трех зол.

Они подобны тому мальчику, что бросил черепаху в воду.

Чтобы составить все эти рассуждения,

Вместе собрал я эти смешные рассказы.

В многих из них — нарушение здравого смысла,

Должно ль так делать, увидишь в конце, в поученьях.

Так же как здесь, горькие яды лекарств

Соединяют с медом из горного улья,

Чтобы лекарством упорную хворь уничтожить.

С этим лекарством сходны мои рассуждения:

Если смешное включается в речь о Законе,

Можно сравнить с подслащенным лекарством ее.

Истинный Будды Закон, покой утверждая,

Светом своим озаряет людей в этом мире;

Так же лекарство, на вкус неприятное, примешь,

И от него в теле возникнет брожение.
Нынче же я поясню смысл этих рассказов,
Чтобы явить утвержденья в покое начало.
Так же лекарство целительное Агада¹⁴⁷
Мы получаем в обертке из листьев древесных.
Снадобье приняв или же ядом натершись,
Листья древесные выбросить можем потом.
Смех и забавы обертке подобны из листьев,
Истинный смысл внутри у них заключен.
Если ты мудр, то, истинный смысл восприняв,
Смех и забавы ты тотчас же должен отбросить.

Конец "Гирлянды цветов глупости", созданной высоко-
чтимым Сангхасеной.

Чжоу Шу-жэнь из области Гуйцзи пожертвовал 60 юаней
и заказал доски.

Эта сутра содержит 21 081 иероглиф. Напечатано и роз-
дано более ста экземпляров этой книги.

А еще [Чжоу Шу-жэнь] ассигновал шесть юаней для того,
чтобы вырезать доски для сутры "Десять колес земных сок-
ровищниц".

Печатный двор в Цзиньлине, осенью девятой луны треть-
его года Республики¹⁴⁸.

КОММЕНТАРИЙ

КОММЕНТАРИЙ

1. Тяньчжоу (天竺) — Индия.
2. город Жилище Правителя (王舍城, санскр. Rājagṛha) — столичный город правителя Магадхи, расположен в Центральной Индии. Одно из главных мест, с которым соотносят проповедь Будды.
3. бхикши (比丘, санскр. bhikṣu) — нищенствующий буддийский монах. Слово используется как общее название для лиц мужского пола, посвященных в духовный сан последователей Будды.
4. бодхисаттвы-махасаттвы (菩薩摩訶薩, санскр. bodhisattva-mahāsattva) — великие среди живущих бодхисаттв, т.е. те, кто, согласно буддийским представлениям, уже стали буддами, но не пожелали погрузиться в нирвану, а остались в призрачном мире спасать другие существа.
5. восемь видов [небожителей и драконов] (八部) — согласно буддийским представлениям, это восемь видов сверхъестественных существ, населяющих буддийские небеса: божества, драконы, демоны-людоеды, небесные музыканты Индры, демоны-соперники богов, птицы-пожирательницы змей и драконов, небесные певцы Индры с телом человека и головой рогатой лошади, демоны земли в форме змей. Все эти святые и демоны подчиняются Брахме и Индре.
6. брахмачарин (梵志, санскр. brahmacārin) — в буддизме это человек, принимающий обет, но не принимающий сана.
7. дхарма (法, санскр. dharma) — одно из основных и наиболее сложных для определения понятий буддийской философии. Это и "сущность", и "закон", и "истина" и многое другое. См.: Дхаммапада. Пер. с пали, введ. и коммент. В.Н.Топорова. М., 1960, с.43 и сл. (далее — ДХ).
8. пять запретов (五戒) — последователь Будды давал обет не убивать, не красть, не прелюбодействовать, не лгать, не пить вина.
9. сротананна (須陀洹, санскр. srotāraṇna) — согласно буддийским представлениям, это первая из четырех ступеней святости, которые необходимо пройти для достижения нирваны, это состояние, когда только "вступают в поток", т.е. начинают вести "чистую" жизнь, лишенную всех видов мирской грязи.
10. еретик (外道) — так мы условно переводим здесь и далее термин вайдао — "внешний [по отношению к буддизму] путь", который означает "исповедующий учение, отличное от учения Будды".

11. *даяние* (布施) — раздача людям милостыни и милостей, что, согласно буддийским представлениям, приближает человека к нирване. См. также примеч. 80.

12. *мудрость, которую услышали* (聞慧) — имеется в виду мудрость, обретенная через поучения. Кроме этого вида мудрости, по буддийским представлениям, существует *мудрость, обретенная в результате размышлений* (思慧), и *мудрость, обретенная путем усовершенствования в созерцании* (修慧).

13. *ложные обряды и церемонии* (威儀) — входят в десять родов уз, привязывающих человека к колесу новых рождений, как проявления суеты бренного мира.

14. *Синьтоухэ* (新頭河) — китайская транскрипция названия реки Инд.

15. *оставаясь в круговороте жизни и смерти* (流轉生死) — не достигнуть нирваны, т.е. того единственного, что прекращает процесс рождений и смертей.

16. *Шлицзунь* (世尊) — "Миром почитаемый", один из титулов Будды.

17. *ученики Шлицзуна, [принадлежащие] к четырем категориям* (世尊四輩弟子) — имеются в виду четыре общины приверженцев буддизма: миряне, мирянки, монахи, монахини.

18. *три драгоценности* (三寶) — букв. "три сокровища", троичца священных ценностей буддизма: Будда, его учение и монашеская община.

19. *результат Пути* (道果) — нирвана, т.е. конечная цель "спасения", высшее состояние духа, освободившегося от земных привязанностей и желаний, не возрождающегося в новой телесной оболочке.

20. *три первых результата* (三果) — буддизм учит, что на пути к нирване существует четыре ступени святости. Каждая из ступеней знаменует собой некие достижения, или "результат"; отсюда "три первых результата" — это три ступени (из четырех) на пути к нирване: 1) состояние сротапанны (см. примеч. 9); 2) состояние "однажды возвращающегося", т.е. подлежщего еще только одному рождению в этом мире; 3) состояние "невозвращающегося", т.е. того, кто вступает в бытие сам по себе, не будучи рожден, а затем достигает нирваны, не возвращаясь более в этот или подобные этому миры.

21. *архат* (阿羅漢, санскр. arhan, arhat) — тот, кто достиг последней, четвертой ступени святости на пути к нирване (см. примеч. 20), т.е. состояние того, в ком угасли желания, кто достиг высшей свободы.

22. *жест свое тело на пять ладов* (五熱炙身) — один из видов аскетических действий, демонстрирующих презрение к страданиям;

состоит в том, что сожжению подвергаются все пять "конечностей" тела (руки, ноги, голова), при этом каждая из пяти частей сжигается особым, ей положенным способом.

23. *калпы* (劫, или полный вариант 劫數, санскр. kalpa) — большие временные периоды, проходящие от появления до уничтожения одного из бесчисленных во времени и пространстве миров. По буддийским представлениям, время состоит из бесчисленного ряда калп. Калпы подразделяются на большие и малые.

24. *море Закона* (法海) — буддисты считают, что Закон (учение) Будды безбрежен, поэтому сравнивают его с морем.

25. *бескрайняя дорога рождения и смерти* (生死曠路) — это цепь рождений и смертей, от которой можно освободиться, как учит буддизм, только достигнув нирваны. См. также примеч.15.

26. *три дороги зла* (三塗) — согласно буддийской теории, дурные дела в прошлом (карма — см. примеч.56) влекут за собой в будущем перевоплощения в существа низшего порядка; здесь имеются в виду три перевоплощения: в обитателей ада, где жгут на огне; в голодных духов, которых мечом и посохом держат в повиновении; в животных, пожирающих друг друга.

27. *постигший добро* (善知識) — так называют буддисты мудреца, который правильно излагает Закон Будды и ведет людей по стезе добра к освобождению от мирских уз. См. примеч.35.

28. *способ* (方便, санскр. upāya) — термин, используемый буддистами для обозначения удобного для простых смертных средства приведения всего живущего к прозрению. Средства бывают разные, в зависимости от способностей и возможностей совершенствующегося.

29. *сидеть, погружившись в созерцание* (坐禪, санскр. dhyāna) — средство достижения самоуглубления, необходимого условия на пути к уничтожению желаний.

30. *двенадцать причин и следствий* (十二緣起) — двенадцати-членная цепь причинной связи, лежащая в основе буддийского миропонимания и определяющая прохождение всего живого через три мира (прошедшее, настоящее, будущее). Цепь причинной связи порождает непрерывный поток индивидуальной жизни.

31. *плоды добра* (善果) — плоды добрых деяний в прошлой жизни.

32. *сейчас* (現) — имеется в виду второй из трех миров системы "прошедшее, настоящее, будущее".

33. *потом* (後得) — близко к 後有 (санскр. punarbhavika), обозначающему грядущее перерождение, т.е. третий из трех миров системы "прошедшее, настоящее, будущее".

34. *Государства Льва* (師子諸國) — ряд владений буддийских монашеских общин, расположенных на территории острова Шри Ланка (Цейлон).

35. *освободиться от уз (解脱)* — избавиться от страданий и тревопнений, связанных с круговоротом жизни и смерти, обрести свободу и достичь нирваны. "Освобождение" — одно из названий нирваны.

36. *лян (兩)* — китайская мера веса (1 лян равен 37,3 г).

37. *будущая жизнь (後世)* — последний из трех миров системы "прошедшее, настоящее, будущее".

38. *счастливое воздаяние (福報)* — согласно буддийским представлениям о карме, человек за добрые дела в настоящем перевоплощается в будущем рождении в существо высшего порядка.

39. *орлиное дерево (沈水)* — вечнозеленое растение семейства волчниковых, главным образом *Aquilaria agallocha*; брошенное в воду, плавает на поверхности, что отражено в китайском названии; знаменито ароматическими веществами, содержащимися в его древесине, отсюда и другие варианты китайского названия: *沈香, 沈水香*.

40. *способ* — см. примеч. 28.

41. *плоды Будды (佛果)* — результаты деяний в прошлой жизни, которыми в новом перерождении обусловлено достижение состояния Будды.

42. *плоды гласу внимавших (聲聞果)* — результаты деяний в прошлой жизни, которые обусловили в новом перерождении принятие облика буддийских святых, удостоившихся идти к прозрению, внимая проповедям Будды.

43. *прекратить круговорот жизни и смерти (斷生死)* — блаженство, к которому стремится буддист. См. также примеч. 15.

44. *архат* — достигший высшего совершенства. См. также примеч. 21.

45. *чистые обеты и благодетельные заслуги (清淨戒及諸功德)* — обеты, которые даются без корыстных расчетов, и собственные заслуги, из которых не стремятся извлечь выгоду для себя.

46. *большая калта (曠劫)* — см. примеч. 23.

47. *пять желаний (五欲)* — желания, порождаемые восприятиями через органы чувств: жажда пищи, питья, сна, чувственных наслаждений, богатства. Буддисты называют эти пять желаний пятью стрелами, которые разрушают все добрые дела.

48. *властитель Закона (法王, санскр. Dharmarāja)* — один из титулов Будды.

49. *Жулай (如來, санскр. Tathāgata)* — "Так пришедший", один из титулов Будды.

50. *три зла (三惡)* — три дороги зла, см. примеч. 26.

51. *пять скверн (五陰)* — страсть, гнев, невежество, высокомерие, гордыня.

52. *пять [порочных] желаний* — см. примеч. 47.

53. *круговорот жизни и смерти* — см. примеч. 25.

54. *шраман* (沙門, санскр. śramaṇa) — отшельник, странствующий аскет, олицетворяющий для буддиста праведную жизнь и спокойствие.

55. *брахман* (波羅門, санскр. brahman) — в буддизме это тот, кто познал свои заблуждения, добился их уничтожения и достиг просветления. Однако возможно, что в данном контексте этот термин употреблен в том значении, какое он имел в индуизме, а именно человек, принадлежащий к одной из высших каст.

56. *карма* (業) — деятельность человека, его дела, определяющие воздаяние за добро или возмездие за зло в последующих его перевоплощениях, благоприятных (в облике святого, праведника) и неблагоприятных (в облике голодного духа, обитателя ада, животного). Карма — основной термин буддийской концепции причинно-следственной связи.

57. *Брахмадева* (梵天, санскр. Brahmadeva) — по буддийским представлениям, он является повелителем этого мира.

58. *Йоджана* (由旬, санскр. yojana) — мера длины в древней Индии. Разные источники указывают разную протяженность йоджаны с колебаниями от 5 до 17 км; кроме того, различались по протяженности три вида йоджаны — большая, средняя и малая. Представляется, что в данном контексте правитель воспользовался существованием именно этих трех разных йоджан и, превратив малые йоджаны в средние или средние в большие, сократил таким образом количество йоджан с пяти до трех.

59. *пять дорог* (五道) — имеется в виду пять возможных перевоплощений в низшие или высшие существа в зависимости от кармы: в душу грешника, обреченного на муки в подземной тюрьме, в голодного духа, в животное, в человека, в небожителя.

60. *город Нирваны* (涅槃城) — поскольку буддисты считают, что святые пребывают в нирване, то у них возникла ассоциация нирваны с городом.

61. *колесница* (乘) — по буддийским представлениям, средство переправы на тот берег, т.е. достижения нирваны.

62. *Три Колесницы* (三乘) — три направления в буддизме: Хинаяна, Махаяна и Пратьекабуддхаяна.

63. *Малая Колесница* (小乘) — Хинаяна, одно из двух главных направлений, оформившихся в буддизме в первые века нашей эры. Характерная особенность Хинаяны в том, что она рекомендовала заботиться о своем собственном спасении в отличие от Махаяны с ее учением о бодхисаттвах, которые помогают спастись всем другим.

64. повелитель демонов (魔王, санскр. Mara) — имеется в виду демон Мара, который, по буддийским верованиям, является владыкой смерти, властелином всякого зла.

65. ступени Пути (道品) — отдельные этапы, которые должен пройти буддист в процессе достижения нирваны. Буддисты насчитывают 37 таких ступеней.

66. плоды Пути — то же, что результат Пути. См. примеч. 19.

67. привязанность к собственному "я" (著我見) — представление о "я" как о некоей реальности, что не согласуется с буддийской концепцией, согласно которой отдельная личность есть понятие временное, или функциональное.

68. дар пяти проникновений (五通) — согласно буддийским представлениям, это способность все видеть, все слышать, знать прошлые перерождения — свои и чужие, знать мысли других, беспрепятственно летать по воздуху.

69. небесное око (天眼) — так называли буддисты дар всевидения, который обретался путем созерцания. Тот, кто был наделен этим даром, видел близкое и далекое, прошлое и будущее, внутри себя и извне, вверху и внизу.

70. дхута (頭陀, санскр. dhūta) — в переводе значит "очистение от скверны". Имеется в виду очищение от скверны треволений для вступления на путь Будды. Это "очистение" требует выполнения комплекса правил, например таких, как пропитание подаянием, проживание в пустынном безмолвии, прием пищи один раз в день до полудня, ношение прохудившегося платья, сидение на кладбище или под деревом, притом на голой земле, и др.

71. покончить с четырьмя [вещами] (四意止) — очевидно, то же, что 四意斷 "стремиться прекратить четыре [вещи]" или 四正勤 "усердствовать в четырех истинных [вещах]", под которыми буддисты подразумевают следующее: 1) усердствовать в искоренении уже рожденного зла; 2) усердствовать, чтобы не родилось зло, которое еще не рождено; 3) усердствовать во имя рождения еще не родившегося добра; 4) усердствовать во имя умножения уже рожденного добра. Варианты с 斷 или 止, означающими "исключить", "приостановить", объяснимы следующим образом: вместо "усердствовать [по такому-то поводу]" — "исключить лень [по тому же поводу]".

72. око, созерцающее истинный Путь (道眼) — глаза того, кто практикуется в постижении истинного Пути. См. также примеч. 69.

73. шесть органов чувств (六情) — к пяти общеизвестным органам чувств (органы слуха, зрения, обоняния, вкуса, осязания) буддисты добавляют сердце как "орган", или вместилище мысли.

74. принося в жертву самого себя (捨身) — аскетические действия буддиста, выражающиеся в том, что он отрезает куски от раз-

личных частей своего тела или подвергает обожжению тот или иной участок тела.

75. *искусные лекари* (良醫) — так образно буддисты называют будд и бодхисаттв, указывающих людям способ избавиться от треволнений этого мира и вступить на истинный Путь.

76. *беси-тишача* (毘舍闍鬼) — по буддийским представлениям, злые духи, пожирающие людей, еще более злые и непримиримые, чем ракшасы (см. примеч. 103).

77. *пять разрядов существ* (人天五道) — буддисты относят к этим разрядам существа, соответствующие перерождениям в чувственном мире: душу грешника, томящуюся в подземной тюрьме, голодного духа, животное, человека и небожителя. См. также примеч. 59.

78. *люди, "имеющие течь"* (有漏) — термин связан с буддийскими представлениями о просачивании скверны треволнений этого мира. "Как в дом с хорошей крышей не просачивается дождь, так в хорошо развитый ум не просачивается вожделение" (см. ДХ, с. 61).

79. *тело Закона Будды* (佛法身) — по представлениям буддиста, у каждого будды есть три тела, из них тело Закона есть истинное тело будды, это вечный будда, олицетворение цели, к которой должны стремиться люди брэнного мира.

80. *подношения* (供養, санскр. pūjā) — даяния монахам в двух формах: пожертвования материальные (одежда, пища и т. п.) и даяние Закона, т. е. обучение. Здесь подразумевается материальное даяние. См. также примеч. 11.

81. *слава соотносится как с истинным, так и с ложным* (名聞互相是非) — фраза не совсем понятна, перевод предположительный.

82. *высший плод* (勝果) — здесь имеется в виду нирвана как конечная цель исканий буддиста.

83. *три мира* (三界) — согласно буддийской космологии, это верхний мир, лишенный формы, средний — мир формы и нижний — мир желаний. Верхний и средний миры — это страны блаженства, куда следует стремиться добродетельным людям.

84. *шесть видов мирской пыли* (六塵) — шесть разновидностей мирской скверны (форма, звук, запах, вкус, осязание и мысль), влияющих на человека.

85. *утпала* (優鉢羅, санскр. Utpala) — цветок голубого лотоса.

86. *владыка Янлован* (閻羅王, санскр. Yamaājja) — согласно буддийским верованиям, это владыка подземной тюрьмы для грешных душ, повелитель царства мертвых.

87. *пять составляющих* (五陰, в других текстах чаще 五蘊) — согласно буддийскому учению, человек, как и все, что обладает существованием, состоит из скандх, у человека их пять: материальные свойства, или признаки, ощущения, восприятия, наклонности, или способности, мысль, или разум.

88. *Фандэн* (方等) — общее название для всех сутр Махаяны.

89. *Малая Колесница* — см. примеч.63.

90. *подземная тюрьма для грешных душ* (地獄) — одна из пяти дорог. См. примеч.59.

91. *завещанный Закон* (遺法) — так называли буддисты учение, оставленное Буддой.

92. *государство Малла* (摩羅國) — название одного из 16 самых сильных государств Центральной Индии.

93. *кшатрия* (刹利), санскр. ksatriya) — человек, принадлежавший к правящей или военной касте в Индии.

94. *четырнадцать трудных [вопросов]* (四十難) — имеются в виду вопросы, на которые Будда отказывался отвечать (сюда относились метафизические спекуляции об абсолютном, о боге, о душе и т.п.), ибо они не согласовывались с практическими целями учения Будды — помочь избавиться от страданий.

95. *великий собор* (大會) — собрания буддистов, на которых раздавалось богатое подаяние.

96. *преходящее* (非常) — согласно буддийской концепции о причинной зависимости вещей и явлений, в природе все подвержено изменениям, нет ничего постоянного.

97. *злые дороги* (惡道) — то же, что три дороги зла (см. примеч.26).

98. *отрицание "я" своего* (無我) — согласно буддийским представлениям, отдельная, самостоятельная личность, отдельное "я" не реально и непостоянно. Неверное представление о существовании отдельной, самостоятельной личности лежит в основе всех прочих иллюзий. Будда считал возможным говорить о "я" только в прагматическом плане: например, какую роль играет "я" на пути к просветлению. См. также примеч.67.

99. *две крайности* (二邊) — согласно буддийскому учению, вступивший на Путь не должен впадать в две крайности: он не должен вести ни жизнь наслаждений, ни жизнь самоистязания, ибо и та и другая недостойны и ничтожны. Двум крайностям буддизм противопоставляет путь, лежащий в середине и ведущий к нирване.

100. *благородный восьмеричный путь* (八正道) — состоящий из восьми ступеней путь избавления от страданий, указанный Буддой:

правильный взгляд, правильные намерения, правильная речь, правильные поступки, правильная жизнь, правильные усилия, правильная память, правильное сосредоточенное размышление. Каждая ступень препятствует возникновению условий, вызывающих страдания, успокаивает и приближает к просветлению. Тот, кто пройдет восьмеричный путь, достигнет нирваны.

101. *привязанность к вещам (執著)* — знания о вещах человек получает через органы чувств; согласно же буддийским представлениям, знания, полученные таким путем, иллюзорны. Это значит, что привязанность к вещам, т.е. вера в их реальность, основанная на иллюзорных знаниях, уводит от достижения истинного прозрения, поэтому следует отказаться от такой привязанности.

102. *дхарма* — см. примеч.7.

103. *рахаси (羅刹, санскр. rākṣasa)* — по буддийским верованиям, разновидность демонов-пожирателей трупов и живых людей. Здесь скорее употреблено как общее название для злых духов.

104. *Ганджара (乾陀衛國)* — древнее государство в Пенджабе, известное как центр буддизма.

105. *горы Баласена (波羅新山)* — по имеющимся справочникам название отождествить не удалось.

106. *реальность собственного "я" (我見)* — восприятие собственной личности как некоей реальности, а не как простое сочетание пяти скандх. Согласно буддийским представлениям, это ложный, поверхностный взгляд, некая иллюзия. См. также примеч.67, 98.

107. *истинное "я" (真我)* — в буддийских представлениях это трансцендентальное "я", которое достигается лишь в нирване и является отрицанием и уничтожением собственного "я". См. также примеч.67, 98.

108. *нечистое даяние (不淨施)* — раздача милостыни с корыстной целью.

109. *совершенный наставник (善知識)* — именно в таком значении употребляется это сочетание в танских буддийских юлгу. Ср. примеч.27, где то же сочетание означает "постигший добро".

110. *сротанна* — см. примеч.9.

111. *демон Мара (惡魔)* — владыка смерти, злой дух-искуситель. Согласно легенде, перед тем как отойти в нирвану, Будда одолел демона Мару.

112. *плоды Пути, не возмущенные [мирскими тревожениями] (無著道果)* — одно из обозначений нирваны.

113. *регулирование вдохов и выдохов (安般數息)* — технический прием "налаживания" системы дыхания, состоящий в подсчете вдохов и выдохов; цель его — способствовать сосредоточению для созерцания.

114. разглядывание нечистого (不淨觀) — согласно буддийским представлениям, необходимо внимательно и сосредоточенно смотреть на "нечистое" (см. примеч. 127), чтобы избавиться от него.

115. заклинания Ветали (毘陀羅呪) — по буддийским верованиям, с помощью такого заклинания, произнесенного духом умершего, можно убить человека. Однако для этого необходимо сначала самому стать духом, т.е. умереть.

116. попадают в подземную тюрьму для грешных душ, перерождаются в животных и голодных духов — т.е. перевоплощаются в существа низшего порядка. См. также примеч. 26.

117. крыша дома протекла (屋舍淋漏) — плохая крыша, через которую просачивается дождь, соотносится буддистом с плохо развитым умом, в который просачивается вождление. См. также примеч. 78.

118. злая карма (結業) — дурные поступки человека, влияющие на его последующее рождение.

119. шрамана — см. примеч. 54.

120. бодхи (菩提) — просветление как постижение высшей мудрости и вступление на Путь Будды.

121. Три Колесницы (三乘) — здесь в значении средства, на котором переправляются на тот берег. См. также примеч. 62.

122. место (處) — очевидно, имеется в виду "место покоя", т.е. нирвана.

123. три монашеских наряда (三法衣) — три вида монашеской одежды в зависимости от назначения: 1) внутренняя, или нижняя, одежда — она состояла из 5 лоскутов ткани; 2) наружная, или верхняя, одежда — из 7 лоскутов ткани; 3) одежда, в которую облачались во время соборов общины, — из 9-25 лоскутов ткани. В выборе одежды буддийские монахи подчинялись жестким правилам, на что указывает иероглиф 法 в комментируемом сочетании.

124. Светлейший учитель (明師) — один из титулов Будды.

125. сокровенный плод (妙果) — согласно буддийским представлениям, просветление и нирвана.

126. сад Не знающего печали (無憂園) — Не знающий печали — перевод на китайский имени знаменитого властителя древней Индии царя Ашоки (годы правления 269-232 гг. до н.э.), резиденция которого именовалась "городом цветов".

127. тридцать шесть нечистот (三十六物) — как считают буддисты, человеческое тело содержит 36 скверных элементов, из которых 12 находятся вовне (например, волосы, ногти, слюна и др.), 12 составляют собственно плоть (к ним относятся кожа, кровь, кости,

мясо и др.), еще 12 составляют внутренние органы (печень, кишечник, сердце и т.д.).

128. *шесть элементов (六界)* — земля, вода, огонь, воздух, пространство, сознание.

129. *из-за лунного затмения избили собаку (月蝕打狗)* — по верованиям древних китайцев, затмение происходит оттого, что какое-то животное поедает луну.

130. *асури (阿修羅)* — по буддийским верованиям, это разновидность демонов, соперничающих с богами; буддисты считают асуров врагами солнца и луны: закрывая светила ладонью, они производят затмения.

131. *на пять ладов жгут свое тело* — см. примеч. 22.

132. *промежуточное существование (中陰)* — по буддийским представлениям, состояние, в котором пребывает человек в течение 7-49 дней после смерти до следующего рождения.

133. *мера для разума (心數法)* — по буддийским понятиям, это те вещи и поступки, которые позволяют судить о степени мудрости.

134. *плоды пути шраманов (沙門道果)* — согласно буддийским представлениям, состояние, которого удостоится тот, кто совершенствует свое поведение, как надлежит шрамане.

135. *Олений парк (鹿野)* — название знаменитого парка в Индии на северо-востоке от Варанаси. Буддисты утверждают, что этот парк посещал Будда, именно с этим парком связывается произнесение Буддой его первой проповеди и приобщение к учению пяти первых учеников.

136. *малая милостыня (少施)* — раздача в виде милостыни лишь части состояния.

137. *обширная милостыня (廣施)* — раздача в виде милостыни всего состояния.

138. *три драгоценности* — см. примеч. 18.

139. *гатха (偈, санскр. gāthā)* — стихотворные части сутр, а также песнопения и псалмы.

140. *"мани" (摩尼)* — драгоценная жемчужина, символ Будды.

Владеющий этой жемчужиной получает все, чего пожелает. В переводе с санскрита "мани" означает "лишенная грязи", "изгоняющая грязь". В данной притче сточная труба носит то же название, что жемчужина, так как сточная труба избавляет дом от грязи.

141. *две крайности (二邊)* — это понятие имеет в буддизме различные интерпретации (см. примеч. 99). В данном случае речь идет о двух противоположных взглядах на соотношение между жизнью и смертью. Согласно первому, смерть прерывает и завершает жизнь; согласно второму, тело и душа вечны, ибо дух является продолжением тела.

142. *средний путь* (中道) — понятие "середина" в буддизме также по-разному интерпретируется; в данном контексте имеется в виду середина между двумя крайностями — прерывностью существования и вечностью последнего.

143. *освобождение от мирских уз* — см. примеч. 35.

144. *ступени Пути* — см. примеч. 65.

145. *шесть источников* (六根) — имеются в виду шесть органов чувств. См. примеч. 73.

146. *демон небес Босюнь* (天魔波旬) — демон-повелитель Шестого неба. Босюнь означает "убийца", "губитель". По буддийским верованиям, этот злой демон постоянно чинит препятствия распространению учения Будды и его последователей.

147. *Агада* (阿伽陀, санскр. Agada) — лекарство, избавляющее от всех болезней.

148. *Чжоу Шу-жэнь* (周樹人) — подлинное имя писателя Лу Синя. *Цзиньлин* (金陵) — старинное название Нанкина. *Третий год Республики* (民國三年) — 1914 г.

SUMMARY

The present Russian version of *The Sūtra of a Hundred Parables* (*Pai yü ching*) is translated and commented on by I.S.Gurevich. The *Sūtra* is a 5th century work of Chinese Buddhist narrative literature. Its full translation into a European language has never been done before. Stanislas Julien in *Les Avadānas* (Paris, 1859) and Édouard Chavannes in *Cinq cents contes et apologues extraits du Tripitāka chinois et traduits en Français* (Paris, 1910-34) translated only the plots of the parables leaving out didactic additions. The *Sūtra* has never been studied as a literary monument. In Japan, where in the 20th century its full translation and analysis was published by Akanuma Chizen and Nishio Miyakoo (in the series "All the Sūtras Translated into the Native Language", Kokuyaku isseikyō), the *Sūtra* was viewed as one of the many works written in Buddhist religious tradition, rather than a literary monument. For the first time, a literary criticism of *The Sūtra of a Hundred Parables* was made by L.N.Men-shikov.

The Sūtra of a Hundred Parables belongs to Avadāna, a peculiar branch of Buddhist literature in China. The story of the text is traced in two main sources: *A Collection of Data on Tripitāka Translations* (*Ch'u San-tsang tsi tsi*) and *The Lives of Virtuous Monks* (*Kao seng chuan*) and is as follows. Its compiler is said to be Sanghasena of India who told the *Sūtra* to his pupil Guṇavṛddhi. The latter came to China in 479 and recited the *Sūtra* orally for a long time until he recorded his translation in 492. In 502 (or possibly, in 503) he died in Chien-ye, the then capital of China. The comparison of *The Sūtra of a Hundred Parables* with the same plot parables from the collections translated directly from Sanskrit shows that the Guṇavṛddhi version differs considerably from the original acquiring the forms typical of the Chinese narrative of the hsiao-shuo genre, rather than the forms of Jātaka or Avadāna characteristic of Indian literature. The didactic conclusions of the parables were simplified and became more like Chinese traditional conceptions. Certain purely Indian notions gave place to corresponding Chinese ones. The narrative acquires a more strict form, general discourse reduced and secondary plots omitted. All these changes could take place during the 13 years Guṇavṛddhi stayed in China or, more exactly, between his arrival and preaching and the time he put the text

down. At the same time, certain parts of the *Sūtra* (mainly its poetic section) undoubtedly survived unchanged and very accurately render the Sanskrit original.

The *Sūtra* was a new word in the development of Chinese narrative in two respects. First, the parables of the monument are short humour stories, while hsiao-shuo stories are rather serious. Second, the collection is marked by thematic integrity: it includes stories about fools, stupid actions, foolish or absurd situations whereas the hsiao-shuo collections, as a rule, follow a more broad thematic pattern telling about miracles or anything out of the ordinary line. The overall character of the parables provides grounds to believe that initially the *Sūtra* was called *The Garland of the Flowers of Foolishness*—these words are mentioned in *Sūtra's* final phrase.

The collection lays no claim on being the word of Buddha. The name of its compiler Sanghasena is referred to at the end of the *Sūtra*. Nevertheless, the text starts with an introduction typical of any sūtras included in the Buddhist canon. The introduction always tells where and when and on what occasion Buddha told a related sūtra. However, a more close study shows that this introduction resembles in form certain places of the famous early Taoist work *Chuang tzu*. This undoubtedly later added introduction makes it possible to list the *Sūtra* among the apocrypha of early Chinese Buddhism being the extractions from plots of genuine Buddhist writings. Such compilations usually have similar introductions the Chinese origin of which can be easily traced. The most popular compilation of this kind is *The Sūtra on the Request for Favour* (*Ta-fang-bien-fo pao en ching*).

The writing of Sanghasena-Guṇavṛddhi had by virtue of all the above changes become a piece of Chinese literature both in form and, to some extent, in content. This explains its durability in Chinese literature to say nothing of its rather entertaining content. For many centuries, it has been a pleasure reading, and already in the 20th century was retold several times to be adapted to contemporary notions. The retellings were of different nature, either leaving the parables unchanged omitting the Buddhist maxims, or adding other didactic endings marked by a modern Chinese flavour, or selecting plots more appropriate for the China of today, etc. The result often being new stories on an old foundation.

In addition to revised versions, the *Sūtra* has been published more than once in its full and original form. The great Lu Hsün, in 1914, payed his own money for the *Sūtra* to be published and favoured its 1926 Wang P'in-

ch'ing variant. The monument in the original has also been published in the People's Republic of China.

The present translation is based on the Lu Hsün text. The translator tried to produce an accurate yet smoothly readable text in Russian. Special terms are clarified in the Notes.

БАЙ ЮЙ ЦЗИН
(Сутра ста притч)

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР*

Редактор *С.М.Алижеева*
Младший редактор *Н.О.Хотинская*
Художественный редактор *Э.Л.Эрман*
Технический редактор *Л.Н.Кузьмина*
Корректор *В.Н.Багрова*

ИБ № 15191

Сдано в набор 02.07.85. Подписано к печати 14.01.86
Формат 60×90¹/₁₆. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная
Усл. п.л. 8,0. Усл. кр.-отт. 9,13. Уч.-изд.л. 9,34
Тираж 20000 экз. Изд. № 5746. Зак. 64. Цена 1 р. 10 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
103031, Москва К-31, ул.Жданова, 12/1

Отпечатано в Ордена Трудового Красного Знамени
Первой типографии издательства "Наука"
199034, Ленинград В-34, 9 линия, д.12